

Сергей Прокопьев
ИГО ВО БЛАГО

16+

Сергей Николаевич Прокопьев

Иго во благо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51777604

SelfPub; 2020

Аннотация

Александр Шмидке, герой повести, как и большинство из нас – человек многогрешный. С какого-то момента жизни начинает понимать слова преподобного Гавриила (Ургебадзе): «Всякий грех – это вражда с Богом. Одумайся! С кем враждуешь?!» Но понять, не значит одуматься. Всякий семейный союз мужчины и женщины освящён Богом, посему постоянно испытывает нападки врага рода человеческого, задача коего вбить клин между супругами, посеять вражду. Эта повесть о том, как преодолевает герой смертные грехи, как идёт трудным путём к Богу. Падает, поднимается, кается, снова грешит... И не мыслит жизни без церкви, без Бога.

Содержание

Глава первая	6
Знакомство с героем	6
Глава вторая	12
Дед Андрей	12
Глава третья	23
Семья и рогатый	23
Глава четвёртая	37
Сон с чёрными ангелами	37
Глава пятая	49
Ангелы из сна	49
Глава шестая	66
Два пути	66
Глава седьмая	71
Вадим и Нина	71
Глава восьмая	77
Вытащить пулю из головы	77
Глава девятая	102
Зов	102
Глава десятая	108
Сергий Радонежский	108
Глава одиннадцатая	122
Паломничество с семьёй	122
Глава двенадцатая	144

Батюшка Савва	144
Глава тринадцатая	167
Паломничество с батюшкой	167
Глава четырнадцатая	192
Венчание	192
Глава пятнадцатая	215
Матушка Анна	215
Глава шестнадцатая	237
Аты-баты шли в солдаты	237
Глава семнадцатая	250
Помянник	250
Глава восемнадцатая	273
Полинка	273
Глава девятнадцатая	294
А я и не знала	294
Глава двадцатая	301
Дальнобой	301
Глава двадцать первая	310
Бари	310
Глава двадцать вторая	322
Смерть батюшки	322
Глава двадцать третья	327
Ариане	327
Глава двадцать четвёртая	344
Период скорбей	344

*Всякий грех – это вражда с Богом.
Одумайся! С кем враждуешь?!
Преподобный Гавриил (Ургебадзе)*

Глава первая

Знакомство с героем

Снег в октябре в наших широтах практически никогда не уходит в зиму. И сколько раз ни сталкиваешься с этой картиной, почти всегда первый снег выпадает неожиданно. Вчера царили в природе жёлтая, красная, бордовая, зелёная краски – а утром глянешь в окно: Боже мой, всё забелено. Снег будто специально выбирает ночь, чтобы сказочно удивить. Ложится не тоненьким в ноготок слоем, а покровом в два-три пальца толщиной. Зимой снежинки беспрепятственно пролетают сквозь ветви тополей, рябин, ив, берёз, здесь снег оседает на листве, тяжело клонит ветви к земле.

Утреннее небо чистое, как в морозы зимой. На его синеву выкатывается с восточной стороны солнце, дабы вернуть городу осенние краски. Светило начинает безжалостно расправляться с белым вестником скорой зимы. Сначала снег упадёт с деревьев, они, жёлтые, красные, зелёные расправят ветви, омытая листва засверкает на солнце. Снег, тяжелея, напитываясь влагой, истончаясь, дольше всего будет лежать на ещё зелёной траве газонов, на цветах клумб, на крышах домов.

Наступает торжественный момент, когда господствующие

краски трёх времён года сходятся на короткий период вместе: царица лета – зелёная, золотоосенняя – жёлтая, сверкающая белизной – зимняя, и всё это под синью залитого солнцем неба.

Снег от ветра, солнца, ещё тёплой земли побежит ручейками, напитает воздух весенней талой влагой и останется в памяти белой чистотой, острым волнующим запахом свежести и обновления. И предупредит нас: люди, не будьте беспечны, скоро зима. Проверьте шкафы – всё ли готово к холодам, не надо ли чинить обувь, вязать варежки и шапки, покупать пуховики, сапоги на меху и валенки.

В такой день я познакомился с Александром Шмидке. Если быть до конца точным – познакомили нас раньше, когда мы волей случая оказались в одной компании и договорились сойтись для обстоятельного разговора.

В назначенный день стали свидетелями первого октябрьского снега. Выпал он в ночь с пятницы на субботу, в храмах в тот день славили святого земли русской Сергия Радонежского.

Встретились после обедни у пожарной каланчи, что у главпочтамта, чтобы отправиться в офис, который Александр предложил в качестве места для беседы. Он приехал из своего прихода, я был на литургии в своём. Александр поздравил меня с именинами.

– Причастились? – спросил.

Честно говоря, не подумал об этом.

– Ну да не расстраивайтесь, – сказал Александр. И добавил: – С Сергием Радонежским у меня связано несколько чудесных случаев. С него, собственно, и началось воцерковление.

И рассказал по дороге к офису такую историю.

– Работал директором омского филиала московской мебельной фирмы, – начал Александр, – элитные кухонные гарнитуры собирали и продавали. Однажды директоров филиалов вместе с главными бухгалтерами вызвали в Москву. Дела сделали, вагон времени до самолёта, я решил поехать в Троице-Сергиеву лавру.

Мой бухгалтер, Лидия Васильевна, попросилась: «Мне с вами можно? Ни разу не была». Бухгалтер новосибирского филиала тоже изъявила желание.

Обеим чуть более тридцати, совершенно невоцерковлённые. Провёл их по обители. Новосибирская бухгалтер триндычиха, сто слов минуту, пока в электричке ехали, тут притихла. Если что, шёпотом спрашивает. День будний, народу немного. Приложились к раке с мощами Сергия Радонежского, зашли в одну церковь, другую. На душе светло, благостно...

Мой главбух робко так: «Александр Иванович, не опоздаем?»

Глянул на часы – времени в обрез. Благо, в гостиницу заезжать не надо, с дорожными сумками (небольшие, командировка на два дня) в монастырь поехали и в камеру хране-

ния обители сдали. Заходим за ними, а технический перерыв. Всего на десять минут, но когда мы выскочили из монастыря, поняли – на электричку не успеваем. Значит – на самолёт тоже. Всё было рассчитано тика в тик: из Сергиева Посада доезжаем до Ярославского вокзала, дальше на Павелецкий, оттуда в Домодедово и на регистрацию.

Бежим скачками из монастыря.

Бухгалтера визжат: «Александр Иванович, что делать? Опоздаем! Что делать?» – «Молимся Сергию Радонежскому!» – команду.

Смотрим, такси разворачивается уезжать. В три горла закричали: «Стой!» Остановился. Тогда до самой станции машины не доезжали, строительство шло или ремонт, нужно было прилично пешком идти.

«Подвези, – взмолились, – хотя бы немного».

Женщины в машине, как на иголках сидели: «Не успеем ведь, Александр Иванович! Не успеем!» – «Молитесь, – говорю, – не паникуйте!»

Их успокаиваю, сам вижу – опоздали. Однако продолжаю просить у преподобного Сергия помощи.

Из машины выпрыгнули. Понимаем, бесполезно бежать, ушла электричка, но не сдаёмся. На перрон выскочили... Ура – стоит, двери открыты. Вбегаем, падаем на сиденье, сердца у всех вот-вот выскочат. Электричка тронулась.

Мужик, что напротив сидел, пробасил недовольно: «Вас что ли ждали?»

Такое у нас было паломничество к Сергию Радонежскому. Завёл правило среди своих подчинённых: оперативку по итогам недели проводил в четверг, но перед производственными вопросами рассказывал о церковных праздниках, кого из святых славим в последующие дни, рассказывал о своих паломнических поездках. Этакая миссионерская десятиминутка, которая могла и на полчаса затянуться.

На очередной оперативке говорю главбуху: «Рассказывайте о нашем чуде».

«Время будто растянулось, – закончила повествование. – Минут на семь опоздали на электричку. Она стоит. Влетели, тут же двери закрылись. Так бы не успели на самолёт».

«Вот что значит, – говорю, – сила молитвы. Лидия Васильевна обратилась к святому...»

«Да что я, – заскромничала, – повторяла, как заведённая: “Сергий, помоги! Сергий, помоги!”»

Сама спрашивает после оперативки: «Неужели такое может быть? Помолились и вот...» – «А ты как считаешь, – говорю, – почему электричка позже отправилась?»

Мы пришли в офис. Александр вылил из электрического чайника воду, наполнил свежей. За окном солнце подвело сказочный день к моменту, когда краски лета, осени и зимы проявились в наибольшей степени. Белизна снега остро подчёркивала зелень травы и золото листвы. Берёзки, что росли за окном, стояли в роскошных золотых шапках. Пора облетать, они в таком виде и листочка ещё не уронили. Кстати,

не растеряют всю листву даже в декабре. Поодаль от здания тянулись к небу высокие тополя. И они красовались листвой, вдвойне удивительно – всё ещё зелёной. Аномальный год.

Александр разлил чай.

– Знаете, – начал он, – почему решил рассказать о себе? Чужой опыт не учит, и всё же, вдруг моя история кого-то предупредит, заставит задуматься, обратит сердце к Богу. Грехов, конечно, более чем достаточно... А сколько чудес происходило. В нужный момент оказался в Бари у Николая Чудотворца. Много связано с Сергием Радонежским, Серафимом Саровским, блаженной Матроной. А разве не чудо многогрешной жизни: духовным отцом более тринадцати лет был иеромонах батюшка Савва, а духовной мамой по сей день – матушка Анна.

Александр подошёл к окну, приоткрыл его, в помещение ворвались весенние запахи – мокрого снега, талой воды.

– Интересный год, – произнёс, глядя в окно, – листва на деревьях будто и не собирается опадать.

Александр разлил чай и начал свою исповедь...

Глава вторая

Дед Андрей

Господь привёл меня в храм через жену. Марина первой обратилась к церкви, первой покрестилась. Но больше из моды, возникшей после отмены советской власти. Прилепляться к церкви начнёт лет через пять после крещения, мой смертный грех подвигнет.

Что интересно, ещё никто из нас не был крещён – ни она, ни я, ни сыновья (дочь родится позже), – но повелось на Пасху и Рождество всей семьёй ездить на ночную службу в Крестовоздвиженский собор... Праздник будет не праздник, если не сходим на всенощную.

Недавно со старшим сыном Колей (у него самого уже двое детей, восемь и пять лет) заговорили о Пасхе, он заулыбался.

– Ночь, темно, а мы со свечами. Весело, радостно, все поют... Мишка меня спрашивает: «Как это воскресе?»

Мишка – это Миша, младший мой сын.

В то время крестный ход три раза обходил храм. Сейчас почему-то всего один. Действительно, весело. Мальчишки, то в голову крестного хода забегут, то снова к нам вернуться, застоялись на службе, хочется подвигаться.

Сейчас даже не вспомню, почему у нас повелось на Пасху

и Рождество в храм ходить. У моих родителей не было заведено, хотя жили недалеко от церкви. Бабуля по отцу, бабушка Августина – да. Они с дедом Андреем лютеране, но, перебравшись в Омск, начали ходить в Крестовоздвиженский собор. На моей памяти дед не составлял ей компанию, бабушка или с соседкой отправлялась в тот же Крестовоздвиженский собор или одна, дед уже не ходил.

В дошкольные годы, если родители куда-нибудь отправлялись надолго вечером, бабушка ночевала у нас. Жили рядом, двор на два дома, бабушка приходила с Библией, большой старой книгой с чёрными толстыми корочками, бережно в рушник завёрнутой. Куда-то задевалась после смерти бабушки, сколько ни искал, кто-то умыкнул. Сядет за стол, раскроет Библию. С младшей сестрой Таней мы погодки, старшая, Люба, на два года раньше меня родилась. Брата ещё не было, он на шесть лет младше меня. Бабушка что-то читала из Библии, что-то рассказывала своими словами.

Когда спрашивали:

– Бабушка, что у тебя за книга, что за рассказы?

Она (за спиной были гонения на церковь в двадцатые, тридцатые, сороковые годы и в хрущёвские времена) отвечала уклончиво:

– Да сказки такие.

Рассказывала про сотворение мира, про Бога.

Я любопытным рос. Не помню, как вышел на тему лютеранства, к деду подкатил, мне лет двенадцать:

– А кто такой Лютер?

Дед подумал-подумал и говорит:

– Это как Ленин.

Советскую власть он страшно не любил. Было за что относиться без симпатий. Стоило выпить, ругал советы на чём свет стоит. Бабушка шикала на него, а нас старалась увести. Я – пионер, всем ребятам пример, активист, старшая сестра вообще председатель совета дружины. И вдруг от любимого деда звучат нападки на самый передовой социалистический строй. Досадно и возмутительно до глубины души слышать такое. Бабушка вытолкает нас за дверь:

– Не слушайте дурака старого, водка в нём дурит.

Я не сдавался, бросал с пионерским задором:

– Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке!

Дед был личностью. Всю жизнь прикидывался, что неграмотный, дескать, самоучкой освоил чтение, плюс расписываться умеет – всё. После смерти нашли документ, что окончил он земскую школу.

На Пасху бабушка всегда красила яйца, пекла куличи. Рождество праздновала и католическое и православное. Угощение внукам на то и другое готовила. Пусть и пионеры – принимали за милую душу. И радовались, что два Рождества, а ещё и Новый год посредине. Бабушкины сёстры жили в Казахстане. Одна, Галина, подалась в баптисты, вторая, Эльза, – в иеговисты. На религиозной почве Галина и Эльза не знали друг с другом. Бабушка неприязни к сёстрам не

испытывала, ездила в гости к обеим. Меня с собой брала.

Помню землянку бабы Эльзы, просторная, большая. Было так удивительно – пол земляной.

Мама как-то отцу говорит, это начало девяностых:

– Видела сон, тётя Эльза жалостливо просит на могиле прибраться.

Отец её снам доверял безоговорочно. Всю жизнь шофёрил, крутил баранку. Семейное предание гласит, по молодости, бывало, вернётся из командировки, из урмана, а мать ему: «Что это ты шуры-муры крутил с такой-то?» И описывает внешность «такой-то». Отец задохнётся от негодования, дескать, как ты посмела за мной следить? Потом дойдёт до него – никак не могла жена находиться в медвежьем углу одновременно с ним.

«Не сочиняй, – скажет, – что ни попадя».

На что мать твёрдо: «Мне сон приснился, видела твою кралю».

Так что отец находился под постоянным контролем. Когда услышал про тётю Эльзу, сказал:

– Надо ехать.

Прибыли в Казахстан, а на месте тётиной землянки храм православный. Вот так. Никого у тёти Эльзы не осталось. Было пять или шесть детей, все умерли один за другим. Переливание крови делать по законам иеговистов категорически возбраняется, а требовалось переливание.

Где могила родственницы, ни отец, ни мать не знали. Вет-

хая, с больными ногами бабушка-соседка объяснила, в каком углу искать могилку Эльзы. Нашли в указанной части кладбища два заброшенных рядом друг с другом холмика, похожих по описанию на искомую могилку. Никаких надписей на крестах. Обе прибрали, цветочками украсили.

Скорее всего, меня не крестили из-за отца, тот слышать не хотел про церковь, Бога. Хуже, чем я в пионерах. Маму из-за отца долго не могли пособоровать перед смертью. Что я, что сёстры мои, как только не подъезжали к нему. Нет и всё. Когда уже совсем маме плохо стало, разрешил: «Делайте, что хотите». Я батюшку Савву привёз, с трудом, с перерывами, но пособоровали.

Накануне моего тридцати трёхлетия жена подходит с торжественным лицом, при этом руку демонстративно за спиной прячет:

– Хочешь, подарок тебе сделаю?

– Какой?

Разжимает кулачок, на ладони крестик золотой:

– Пойдём завтра в церковь, покрестишься?

Сама за четыре месяца до этого покрестилась с подругой.

На следующий день была суббота, мы пошли в Крестовоздвиженский собор. В нём потом крестили наших сыновей, дочь, а вот внуков в других церквях крестили.

Из всех храмов Омска Крестовоздвиженский для меня самый дорогой. По отцу я немец, по маме русский, из казаков. Она из Сибсаргатки. На Дону, говорят, Саргаток много бы-

ло, оттуда предки её приехали в Сибирь.

Деда по отцу звали Андреем Карловичем, сам он с Житомира. Предки перебрались в Вошьню в XVIII веке.

Дед был богат на братьев – семеро. Храню фото, на нём четверо из них на стульях сидят – два солдата, два унтер-офицера. Это в Первую мировую войну. В Гражданскую одному из них голову срубили. Красные или белые нагрянули в село. Карл в Первую мировую отвоевал унтер-офицером, и не захотел больше никому служить. Белые или красные налетели и начали грабить. Брат не выдержал наглости, впел офицеру по скуле. Силушка немереная – с одного удара свалил с ног гостя неучтывого. Ждать не стал ответной реакции, вскочил на коня и поскакал в сторону леса, тамто прекрасно знал, по каким тропкам уйти от погони. Конь оказался не такой резвый, как у белого или красного, лихой кавалерист-рубака не позволил Карлу уйти под защиту чащи, догнал и срубил на ходу голову. На глазах у деда голова брата слетела с плеч.

Дед Андрей женился после Гражданской на своей Августине, родилось двое детей, можно жить, но советская власть обложила крестьян, которые противились колхозному строю, игнорируя линию государства на коллективное хозяйство, таким налогом, что дед два раза заплатил, в третий не смог и решил отсидеться в лесу. В том самом, куда брат Карл не успел доскакать с головой на плечах. Жене наказал всем говорить, что на заработки ушёл. Был классным плот-

ником и столяром. В лесу дед прячется, тем временем пшеница вызрела, а косить некому, жена с животом – третьим ребёнком, дядей Степаном, беременна. Дед ночью из леса тайком вышел и скосил хлеб. Мужик молодой, силушка немалая, руки как клещи, за короткую летнюю ночь успел всё поле пройти. Бабушка со светом вышла снопы вязать, доброжелатели увидели и доложили властям, дескать, подозрительно: баба на сносях, вот-вот рожать, и вдруг здоровенное поле скосила незнамо каким чудесным образом, вчера стояло нетронутым, сегодня она с пузом снопы вяжет... Явно где-то мужик рядом прячется.

Власти организовали облаву, призвали милицию, комсомольских активистов, прочесали лес. Деда и ещё троих беглецов поймали в свои сети. Расстреливать не стали, хотя могли, шла борьба с «классовым врагом кулаком», под эту статью любого и каждого могли подвести. Деда отправили в лагерь в Котлас.

У деда в роду мужчины все плотники. Постоянно ходили с артелями на заработки. Да что ходили, за океан плавали. В домашнем архиве есть фото прадеда, бабушки Августины отца – Роберта. Вековая канадская тайга, посреди густого леса пилорама, работающая от паровой машины. Прадед в комбинезоне и шляпе стоит, в руках держит длинное полотно пилорамной пилы. То ли менять собрался, то ли уже сменил. Заработал он в Канаде денег. Заторопился на родину и зря заспешил. Вёз из Канады богатую шубу, где-то на

границе купил тройку лошадей. Хотел домой с шиком приехать. Не учёл одного – гражданской войны. Вместо шика получился пшик. Вернулся без шубы, тройки и денег. Рад был, живой до дома добрался.

Что касается деда Андрея, где-то в это же время не в Канаду отправился на заработки, поближе. Храню удостоверение, выданное ему Самарским уездным военным комиссариатом. Приехал на заработки в Самару, а его там цап-царап и в Красную армию. Хотели поставить под ружьё и бросить на фронты Гражданской войны, да выручило от фронтовых небезопасных будней рукомесло. В удостоверение написано, что колёсник Андрей Шмидке получает отсрочку от призыва на военную службу до 15 декабря 1920 года. Деда определили в мастерскую по производству повозок и тачанок для Красной армии. Участвуя в выпуске грозного оружия Гражданской войны, на фронт не попал.

В Котласе в лагере искусного плотника освободили от общих работ – поставили изготавливать мебель для начальства. Мастерил в тепле и при хорошем питании шкафы, комоды, столы, диваны и всякую другую мелочёвку – от стульев до будок для собак. Начальства много, запросы всякие-разные.

Мой старший сын Коля смеялся, когда младшего в армию призвали, мол, Миша, бери справку деда и дуй в военкомат, чтобы тебя тоже на колеса для тачанок бросили. Всё лучше, чем куда-нибудь в горячую точку попасть.

Дед не одну мебель делал, в Омске немало домов построил, кроме этого – в Казахстане, там тоже слава о нём шла.

В лагере дед сошёлся с оборотистым мужичком из Самары. Тот из себя был хлипенький, да голова варила, с кем лучше всего пойти в побег. Видит, дед крепкий, быка кулаком свалит, харчи хорошие – не исхудал в лагере и работает в нужном месте. Сговорились, дед тайком изготовил вёсла, припрятал в укромном месте. В праздник рванули. Как выбрались из лагеря, не знаю, но время улучили самое подходящее. Лагерь стоял неподалёку от Северной Двины, у берега находились примкнутые цепями лодки. Дед своими лапищами сломал замок, как спичку, и сел на вёсла. Из напарника гребец никудышный, дед двенадцать часов грёб против течения. До мяса стёр руки... Погоня, возможно, была, но беглецы ушли.

Повезло им, тогда ещё ГУЛАГ только-только набирал обороты, наплыв крестьян – спецпереселенцев и заключённых – огромный, система захлёбывалась, отчаянные люди бежали часто, на всех карательных органов не хватало. Наши беглецы, сойдя с лодки, пешком добрались до Самары. Оборотистый мужичок обещание сдержал, выправил деду надёжный документ. Дед дал весточку жене на Украину. Бабуля, что могла, распродала, троих детей (уже и дядя Степан родился) в охапку и в Сибирь. Дед решил подальше от Украины поселиться. Но жил под своим именем. Тотальный контроль ещё не накрыл всю страну, можно было затеряться.

Встреча с бабушкой произошла на станции Марьяновка. Обосновались в Омске на Северных улицах, которые стояли тогда на краю городской географии, дед рассказывал: волки забегали, собак драли.

У меня в архиве есть документ на бабушкино имя, выданный в 1919 году за подписью пастора, что она лютеранка.

Рядом на Северных с дедом и бабушкой жили ещё две немецких семьи, тоже лютеране. И стали они все ходить в православный храм – в Крестовоздвиженский. Дед только по великим праздникам, а бабушка – да. Крестовоздвиженский в 1937-м закрыли. За два года до этого власти вознамерились повесить на него замок, сначала закрыть, а потом снести. Москва двумя руками приветствовала местную инициативу, но верующие отстояли, вымолили храм. Вновь открыли Крестовоздвиженский собор в войну, в 1943-м.

Не знаю, перекрещивались деды в православие или нет, моего отца, скорее всего, в Крестовоздвиженском крестили, но не сразу после рождения. Родился после закрытия храма, в 1938-м. Где и когда крестился, не знаю. После его смерти я с сёстрами растерялся: можно или нет отпевать батю – крещён или нет? Потом вспомнили, он крестный отец своего племянника. Значит, и сам крещён. Отпели, как полагается.

Бабуля любила в нашу церковь ходить. Хорошо по детству помню, придёт и восторгается: «Как поют! Вы бы только знали, как хорошо поют!» Лицом светится...

Перед смертью увидела сон, будто вышла за порог дома,

подняла глаза, а небеса разошлись, в них храм открылся
храм, полилось сверху ангельское пение...

Глава третья

Семья и рогатый

Где-то вычитал, за каждой семьёй закреплён рогатый. Если монархия – власть, учреждённая Богом, то семья – Богом благословенный союз. Монарх венчается Богом на царствие, на союз со своим народом, мужчина и женщина соединяются Богом на вечный совместный путь.

«И оставит человек отца и мать своих, и прилепится к жене своей, и будут двое единая плоть».

Задача врага рода человеческого – разрушить Богом освящённый союз, свести на нет, расправиться с чудом – два чужих по крови человека становятся царством, церковью, самыми близкими на земле людьми. Рогатый из кожи вон лезет, дабы устроить революцию среди двоих, уничтожить царство, разрушить церковь. Каждая семья сталкивалась с подобным: вдруг ни с того ни с сего поднимается в доме пыль до небес, искры летят, тарелки свистят, разлетаясь на мелкие кусочки, оскорбления как из рога изобилия сыплются... Стихийное бедствие на ровном месте. А когда всё уляжется, ни муж, ни жена понять не могут – из-за чего сыр-бор разгорелся, разыгрался, вспыхнул. Ведь еле заметный пустяк вызвал светопреставление!

Ну, а уж если неутомимый революционер с рогами поймает кого из супругов на крючок, тогда и вовсе держись.

Что произошло у меня?

Будущую жену первый раз увидел в ореоле. Работал на заводе, мне двадцать три года, обеденный перерыв, иду вверх по широкой лестнице, народ, кто поднимается, кто сбегает вниз, навстречу мне спускается девушка – с головы до пят в ореоле. Вокруг полно заводского люда, и только она одна в радужном ореоле. Зелёное платье, пышные каштановые волосы... И – ореол.

Было это осенью, а весной мы сыграли свадьбу.

Свадьба прошла комом. Потом говорили, вам сделали наговор. Я отчаянный атеист, впервые в жизни задумался: неужели такое возможно? У нас на заводе работала девчонка баптистка. У меня в голове не укладывалось, как в наше время можно верить в Бога? Ладно, бабушка моя, древний малограмотный человек, тут на два года младше меня и верит...

Началась кутерьма с того, что мой лучший друг Вова Долгачёв отказался быть дружкой за четыре дня до свадьбы. У меня мысли не возникало брать кого-то, а не его в свидетели. Вдруг приходит, вручает подарок, извини, не могу. По сей день его подарок, светильник бра, у нас в коридоре висит в память о Володе – скоропостижно скончался в сорок семь лет. Давай его трясти: почему не можешь? Он темнит: не получается, уезжаю. Вижу, не в том причина. И соврать

правдоподобно не получается. Сыплет через каждое слово «извини». Я в шоке. Мы с ним со школы локоть в локоть. В одном классе, в одной группе в авиационном техникуме. Одно время у него дома были нестыковки с родителями, у нас жил, на одном диване спали. Спортом вместе занимались. Техникум окончили с красными дипломами, поехали поступать в Москву, в авиационный институт. Так как мы отличники, нам нужно было сдать один экзамен на «пять», и всё – зачислены. Если на «четыре» и «три» – сдавай остальные. Мы сдали на «четыре». Самоуверенности, что у одного, что у другого хоть отбавляй – к другим экзаменам не готовились. Нам срочно учебники через проводника московского поезда прислали. Оба не добрали баллов. В армию ушли по отдельности, после армии тоже в разные институты пошли на вечернее отделение. Но всё одно ближе не было друзей. Жили на Северных рядом. И вдруг отказывается быть дружкой.

По сей день для меня загадка.

После свадьбы несколько раз допытывался у Володи, что случилось? Наконец месяцев через пять говорит:

– Разве ты не помнишь, что ты мне сказал?

– Вова, да что я тебе могу сказать обидного?

– Ты сказал, что дружишь со мной, потому, что ты крутой на моем фоне...

То есть, я использую его для фона своей крутизны.

Во-первых, Вова сам парень хоть куда. По уму явно не слабее меня. А уж внешне, столько девчонок по нему сохло,

да и женщин... Пусть в спорте я его посильнее был, ну и что. Да в любом случае не мог я такого сказать.

Просто ошарашил таким заявлением.

– Ты что, – говорю, – идиот?! Я сказал тебе такое? В мыслях не было!

Не один раз потом возвращался к этой загадке. Вова врать не будет. Позже приходилось читать, что бес даже старцев приводит в заблуждение. Принимает чьё-либо обличье и является в нём, не отличишь от реального человека.

Наотрез Вова отказался быть дружкой, я кинулся по друзьям-товарищам свидетеля искать. Одному ревнивая жена запретила под видом, будет с дружкой любезничать. У другого родственник умер, на похороны надо идти вместо свадьбы. Определился в последний момент – соседский зять из Ташкента прилетел, я к нему: выручай.

– Да запросто, – согласился без всяких.

Женат был, трое детей, не совсем по правилам, да куда деваться.

По всем пунктам свадьба шла наперекосяк. Загодя купил цветы. Шикарный букет роз. Тогда с цветами, а это восемьдесят четвёртый год, проблемно было не в сезон. В подпол опустил, думаю, утром достану, бутоны подраскроются. Да поторопился – рано вытащил на свет: не только распустились, квёлыми стали. Видимо, несвежие подсунули.

С машиной кутерьма. Должен был знакомый отца на «Волге» приехать. Она сломалась. Хорошо, тётя, отца сест-

ра, в таксопарке работала. Давай срочно звонить. Нашли «Волгу», приезжает, глаза бы мои не глядели: не из новых, повидала виды, ещё грязная. И некому вымыть. Брат куда-то подевался, сёстры заняты. Хватаю ведро, тряпку начинаю мыть машину, разукрашивать. Попросил кого-то прикрепить куклу. Не посмотрел сразу, её за горло привязали. Полдороги до загса проехали, дружка всплеснула руками: «Смотрите-смотрите, кукла за горло привязана – плохая примета!» Остановились, кинулись перевязывать.

Давление шло со всех сторон. Мне будто колпак на два размера меньше на голову натянули. Реально ощущал, не понимая, что к чему. Неувязки накапливались, накапливались, и это должно было во что-то вылиться. Разрешилось сначала скандалом с тётшей, потом – с родителями и, наконец, – дракой. Что за свадьба без драки – это хорошо говорить абстрактно, а когда драка на твоей свадьбе приятного мало.

Тёща моя была женщиной рукастой и энергичной, с утра до вечера заводной, за ней не угонишься. Но имелась у неё одна особенность, о которую два раза споткнулся за свою жизнь: ненавидела термин «тёща», крайне болезненно реагировала на него. Сразу шла в бой, как бык на красную тряпку.

Как же на свадьбе не пройти забористо по адресу новоиспечённой тётщи. Так всегда было и будет. Обычное явление. Тем более компания подвыпившая, не самая, скажем, интеллигентная. Да и тёща моя не из дворянского сословия,

исконных и посконных деревенских корней. Гости шуточки начали отпускать, анекдот кто-то рассказал. Этого хватило, чтобы тёща встала и ушла. Я сначала не понял. Думал, просто вышла. Жена шепчет:

– Мама уходит.

Я за тещей:

– Куда вы?

Она категорично:

– Я пошла, раз со мной здесь так обращаются!

Меня такая злость взяла. Как ещё надо обращаться? Сидела во главе стола, я самые добрые слова сказал, благодаря за дочь, мамой назвал. Вдруг со злостью «раз со мной так обращаются». К тому времени во мне столько негатива скопилось, ещё и с этой стороны получил. Ногой после реплики тёщи как шибану, открывая дверь.

Короче, тёща увидела, какой буйный зять достался.

Ушла, калиткой со всей силы хлопнула. Разошлись корабли.

Мама ко мне:

– Саша, что случилось?

До сих пор страшно стыдно – наорал на неё. Почему-то посчитал, тёща по её вине ушла.

Мама плачет, жена плачет. Соседка, тётя Лена, отличная женщина. Она меня с женой обняла:

– Пойдёмте, детки, ко мне. Поверьте, вам надо успокоиться, им надо успокоиться. Всё хорошо будет.

Увела. Мы на самом деле, будто из тяжёлого, гнетущего поля выскочили. Тётя Лена чаю налила, достала мёд, у неё всегда был мёд вкусный. Я жену рукой приобнял за плечо:

– Мариша, мы же с тобой самые близкие люди на земле, нам нельзя ссориться.

Свадебные напасти на этом не закончились. У мамы приступ стенокардии. Наши перепугались, вызвали «скорую». Её нет и нет. Снова позвонили. Родной мой брат Олег, ему только-только восемнадцать исполнилось, побежал ловить «скорую» на Герцена. В это время «скорая» подъезжает с другой стороны нашей улицы. Маме ставят укол и уезжают.

Олег этого не знает, ещё раз позвонил из автомата: сколько можно ждать, человек умирает. Направили вторую «скорую», подъехала, ей говорят: всё нормально, машина пять минут назад была. «Скорая» начинает двигаться в сторону Герцена, брат встал посреди дороги – стоять, не пушу, надо оказать помощь болящему. Он издалека узрел, что «скорая» подъехала к нам и сразу уезжать. У меня прадед по маме казак, воевал на Первой мировой войне, в нём было два метра четыре сантиметра роста, дед, погиб на Великой Отечественной войне, тот на два сантиметра пониже. Олег одного сантиметра до двух метров не дотянул. Заметный парень.

Врач «скорой», мужчина лет сорока, видит, не вполне трезвый юнец хулиганить вздумал, берёт монтажку, выскакивает на дорогу. На беду появилось ещё одно действующее лицо – мой друг детства Гена Кардаш. К тому времени

он успел крепко выпить на нашей свадьбе, кто-то увёл его домой. Он поспал, а проснувшись, отправился догуливать. Идёт свеженький после сна, в радостном ожидании продолжения банкета, и вдруг видит на Олега с монтажкой воинственно идёт мужик. Кардаш даже не уразумел, что это доктор из «скорой». Видел одно – мужик с монтажкой движется на Олега и сейчас пустит железяку в действие. Недолго думая (а когда тут рассуждать, стремительность и натиск всегда были слагаемыми победы), Гена подскочил и врезал доктору в ухо. Гена сам не из мелких, если и пониже Олега, сантиметра на два, и кулак с добрый оковалок. Доктор в буквальном смысле улетел к машине и монтажка не помогла. Олег начал успокаивать Кардаша, мол, ты поторопился с мордобитием, больше не надо, со свадьбы прибежал народ, кинулись улаживать конфликт. Обступили доктора: простите, не надо в милицию, мы заплатим. Доктор был вне себя от гнева, ничего слушать не хотел. Короче, приехала милиция, Кардаша забрали. Продолжение банкета у него не получилось.

Поздно вечером мы с женой вернулись на свадьбу, всё к тому времени утихомирилось, одни близкие сидели за столом. Мама, сёстры, брат. Батю уложили, тоже крепко выпил. Сёстры рассказали последние новости: Кардаша взяла милиция, ему грозит срок.

Тогда-то тётя Лена, успокаивая маму, та очень переживала, сказала:

– Не виноваты вы ни в чём, вам кто-то сделал.

Я ещё подумал, какая ерунда? И в то же время сокрушался: ну, почему всё кувырком?

На второй день блины, «баня», сёстры с утра суетятся. А мне какие блины с баней, нужно по горячим следам Кардаша выручать, с доктором как-то разругивать вопрос, пока делу не дали ход. Потом поздно будет, часы решают. Поехали с женой искать потерпевшего. С трудом удалось выяснить адрес медика, которого Кардаш приголубил кулачищем. Доктор как узнал, кто мы и по какому поводу, на порог не хотел пускать. Настроен был более чем категорично. Нет, нет и нет, никаких доводов и объяснений слушать не хотел.

– Я вообще не пью, – стоял на своём, – а эта пьянь в драку. Пусть посидит, подумает. Учить таких придурков надо! Учить! И не надо мне ничего говорить!

– Я тоже не пью, – объясняю, – с десяти лет занимаюсь борьбой. Но вы поймите – свадьба.

Пытаюсь достучаться до него, рассказать о роковой цепочке случайностей, которые привели к инциденту.

– Вам он зарядил, защищая моего брата, – говорю. – Выпивши, конечно, свадьба всё-таки. Он даже не понял, что вы доктор и при исполнении. Шёл из дома, вдруг видит, вы идёте на брата жениха с монтажкой. Когда было выяснять что к чему?

Кое-как уговорил доктора. Нормальным мужиком оказался. Поехал с нами, забрал заявление, Кардаша выпустили.

Свадьба – один из самых тяжёлых дней в моей жизни.

Не только тётя Лена, все соседи удивлялись, ни у кого-нибудь, а у нас такая свадьба. Ни дебоширов в доме, ни скандалистов. Что между собой в семье нормальные отношения, что с соседями. Отца в округе все знали и уважали за честность, порядочность, готовность помочь. Постоянно следил за дорожным полотном на нашем отрезке улицы. Работал на машине, поэтому была возможность гравий привезти, отсыпку сделать. Про маму и говорить нечего. На её похоронах соседка, Антонина Никитична, учитель начальных классов, сказала, что мама была душой улицы.

Много позже понял, «вам сделали» – не бабушкины сказки. Свадьба – одно из мероприятий, куда нечистую силу магнитом тянет. Как же – закладывается семья, малая церковь Христова, надо заложить мину в её фундамент.

Мы с Мариной сразу после свадьбы на неделю уехали в Киев. Незабываемые дни. Май, каштаны, яблони, вишни, абрикосы – всё в цвету, теплынь. Нет счастливей нас на свете!

Жили замечательно. Друг за другом родились сыновья – Коля и Миша. Марина сама по себе человек спокойный, сдержанный. Я в чём-то – ртуть. Из тех, о ком в характеристиках и газетных статьях пишут: человек активной жизненной позиции. Даже слишком активной, куда только нос не совал, особенно в духовном плане, за что и получал. На заводе организовали первый в городе молодёжный жилищный кооператив, я стал председателем. Получил квартиру в первом эмжэковском доме.

Два года прожили, сыновьям пять и четыре годика. Научил их на даче делать пионерский костёр. Технологию всю подетально показал: ставишь дрова шалашиком, внутрь закладываешь тонкий хворост и бересту, чиркаешь спичкой и «взвейтесь кострами синие ночи, мы пионеры – дети рабочих»... Буквально за неделю до этого купили мне в кредит пальто, костюм и галстук. Меня назначили начальником отдела, Марина постановила:

– Тебе надо выглядеть соответственно. Хватит ходить в свитерах, не студент всё-таки...

Что не люблю, так галстуки, всё-таки настояла. Как сейчас помню, бордовый выбрала с искрой и строгий чёрный. Кстати, испытание огнём прошли одни галстуки.

Если по порядку, получилось следующее. Марина привела мальчишек из садика и убежала в магазин, я на работе. Коля решил Мише продемонстрировать, что не хуже меня мастер по пионерским кострам. В моём детстве на Северных было проще с огнепоклонством – огород, пустыри... Коля поставил на кровати шалашиком штук несколько газет. Он, конечно, паршивец, и всё же молодец – могло бы окончиться гораздо хуже. От пионерского костра занялась спинка кровати, дальше больше. Миша в испуге нырнул под кровать в детской, Коля его за уши вытянул оттуда, выпихнул за дверь. Тогда ещё металлические не ставили, простенькая деревянная. И снова Коля повёл себя не лучшим образом. Постучался к соседке этажом ниже, та открывает, Лида Басова, они

плачут.

– Что такое? – спрашивает. – Почему слёзы?

– Мама ушла в магазин, – Коля докладывает, – нам страшно!

Ни слова о пожаре.

Лида посчитала, что дополнение в лице моих детей к её пятерым сыновьям и дочкам погоду не испортит, скомандовала:

– Заходите, – говорит, – побудьте с моими архаровцами.

Первым почувствовал дым сосед по площадке из однокомнатной квартиры. Выскочил, толкнул нашу дверь, а там уже пламя – не сунешься. Побежал на улицу к телефону-автомату вызывать пожарных. И забыл свою дверь закрыть, со сквозняком пошёл огонь к нему. Тоже погорел.

Из окон моего отдела дом наш был виден. Мне соседи звонят: у тебя пожар, но ты не паникуй, дети внизу. Посмотрел, показалось, больше горит у соседа в однокомнатной. Сорвался, подъезд задымлен, только у самой лестницы узенькая прослойка с воздухом, пригибаясь к полу, поднялся, навстречу жар, как от мартеновской печи.

Прилетели пожарные, всё залили. Квартира – жуть смотреть. Спальня полностью выгорела, стены чёрные. Шкаф платяной, в зале стоял, упал, сгорел не дотла, но содержимое восстановлению не подлежит. Костюм мой, благородного серого цвета, в кредит купленный, пальто с норковым воротником, тоже в кредит брали, одежда Марины – всё собирай

в мешок и тащи напрямком на помойку. Зато галстуки огонь не тронул, хоть тут же бери да повязывай. Единственное – гарью воняют.

Посмотрел на всё это, взял сыновей за руки, привёл на пожарище. Говорю:

– Коля, посмотри на результат твоей работы, и запомни, так делать нельзя!

Он, конечно, в рёв.

Поплачь, думаю, поплачь. У самого внутри радость. Просто подъём: ну, сгорело и сгорело! Ну, остались в чём были и что? Дети живы, жена жива, а барахло, что по нему слёзы лить? Наживём.

Соседи с первого этажа пригласили переночевать.

На следующее утро директор завода вызвал и распорядился,

– Бери всех своих работниц отдела, идите и приводите квартиру в порядок...

Тут же дал команду выделить стройматериалы на ремонт и выделить ссуду.

Весело пережили тот пожар.

Жену очень любил, тянуло к ней со страшной силой. В командировку уеду – часть меня отрезана. Марина из тех, кому надо гнездо и чтобы в нём был идеальный порядок. Вшиты в ней – ни соринки, ни пылинки. Но не размазня. Однажды в автобусе едет, народу много, сыновья тут же, один сидит, второго за руку держит, на плече сумка. Глаз скосила,

а из сумки кошелёк поднимается в воздух, увлекаемый двумя тонкими пальцами карманника. Недолго думая, зарядила хозяйину пальцев кулаком промеж глаз, и тут же кошелёк совершил обратный полёт в нутро сумки.

Коле было шесть лет, Мише – пять, начал заниматься с ними каратэ и рукопашным боем. Записал в секцию. Я был одним из первых, кто начал в городе заниматься каратэ. Потом перешёл в рукопашный бой, детей подтянул. Вместе тренировались, готовились к соревнованиям, я выступал на соревнованиях до тридцати шести лет. Боксёры, борцы отличаются от других видов спорта спаянностью и дружбой. Бойцовское братство. У меня с сыновьями несколько лет сохранялось оно. Пока я не задурил.

Глава четвёртая

Сон с чёрными ангелами

Имя жены звучало музыкой, от которой сердце обдавало нежностью. Звал Маришей. Доставляло удовольствие придумывать производные: Маришуся, Маришуня, Маришаня. На трезвую голову кажется – ерунда какая. Но какая голова трезвая, если в сердце любовь. Это потом с появлением второй Марины думалось: неужели это был я?

На четырнадцатом году супружеской жизни снится сон. Подхожу к окну (этаж четвёртый-пятый), а за окном на приличном расстоянии два ангела. Не белые. Один из них начинает двигаться в мою сторону. На душе у меня никакой тревоги. Вдруг голос: «Нельзя, это опасно, уходи». Послушно отступаю вглубь комнаты. Лицо ангела приближается к стеклу, по величине соизмеримо с оконной рамой. Я пячусь из комнаты, оказываюсь в коридорчике, слева входная дверь, у порога коврик, сажусь на него... Вот когда охватило чувство страха. Собака, испугавшись, поджимает хвост, я инстинктивно старался сделаться меньше, втянул голову в плечи, весь сжался.

Сон запал в память до деталей. Позже узнал место его действия, квартиру по переплёту рам определил. Через пару ме-

сяцев после сна встретился сначала с одним ангелом, позже – со вторым. Женщины. Они вторглись в мою жизнь и долго сопровождали меня.

На тот период я был соучредителем предприятия по выпуску мягкой мебели. Ни столяром, ни плотником не был, а пошёл по стопам деда Андрея, который столько мебели переделал за свою жизнь.

Первым ангелом из того сна была тёзка моей жены, тоже Марина.

В Казахстане жил мой двоюродный дядя – дядя Толя. С моими родителями его обширное семейство активно роднилось. Наведывались к нам в гости, мы ездили к ним. Тот случай, когда встречи всегда желанны, не в тягость. По соседству с дядей жила семья учителей по фамилии Алексашенко. Хорошие люди, но бездетные. В шутку, и в то же время не совсем шутя, просили у моих родителей, чтобы отдали меня им на воспитание. Дескать, у вас детей много, одним поделитесь, не заметите, а нам какая радость. Алексашенко, тётя Надя и дядя Валерий, заочно окончили Омский пединститут. Приезжая на сессии, часто останавливались у нас.

Так и состарились без детей. А за своего ребёнка считали Марину, дочь коллег по школе, тоже учителей. У тех было два сына и дочь. Алексашенко опекали Марину с ранних лет. Маленькую часто брали понянчиться, подросла – стали брать с собой в отпуск. Любили путешествовать, тётя Надя была географичкой, Марину возили в Узбекистан, Грузию,

на Алтай, в Сочи, Крым. Можно сказать, жила девочка на два дома.

И вот Алексашенко звонят моим родителям, просят помощи. В Казахстане русские стали вторым сортом, с работой тяжело. Марина окончила институт, филолог, никуда не может устроиться. Тётя Надя просит мою маму: «Помогите по возможности. В России всё легче нашему брату».

Мама у нас миротворец. На улице все её любили и уважали. В том числе цыгане. Через два дома от нас жили ромэлы с бессчётным количеством детей. Те росли как чертополох в огороде. Цыганка с цыганом с утра пораньше завейутся дела делать, цыганята, сами себе предоставленные, бегают в любой холод полураздетые. Часто бывало, дверь в доме захлопнется, а у них ключа нет. Мама зазовёт к нам, умоет, укутает, накормит, вечером взбучку родителям даст. Был случай, поехала на оптовку, пока товар выбирала, кошелёк умыкнули. Мало того, деньги в нём, а ещё и пенсионное удостоверение. Это какая волокита восстанавливать. Наши цыгане узнали о беде и через день принесли кошелёк со всем его содержанием.

Маму любили. На похороны столько людей пришло...

Алексашенко попросили её посодействовать, приютить на первое время Марину, пока та не определится с работой, жильём. Мама – широкая душа: «Да пусть живёт сколько надо, дом большой, нам веселей будет».

Дом, действительно, отец с дедом большой выстроили, мы

к тому времени все по своим углам разъехались, один брат жил с родителями.

Так появилась в моей жизни вторая Марина.

В наших с женой духовных исканиях, скорее – метаниях, жена была авангардом. Первую мысль она давала, делала первый шаг, я следом подключался, и если появлялся интерес, начинал раскручивать тему. Жена прочитала про Джуну, пересказала мне, я давай пробовать лечит руками. Стало получаться. Поехали за город – речка, рыбалка, палатка, костёр. Сварили какао, сыновья и дочь – все любители какао, мне оно что есть, что нет – они то и дело просили в детстве: «Мама, какао сделай». Сварили на костре. Со сгущёнкой. Марина по кружкам разлила, Коля подлетает, хватать кружку, она не керамическая, эмалированная, походная. Бросил, завыл от боли. Тут же волдыри вскочили. Я давай работать, волдыри сразу сошли. Зубную боль снимал. И у жены получалось руками лечить.

С экстрасенсами одно время водились. Было дело, у американских сектантов отметились – вкусили экзотику с клоунским оттенком. Своего бога те восхваляли по частушечному принципу: «Петь буду и плясать буду». Какие-то песни пели с прихлопами да притопами. К ним несколько раз сходили с женой. С Максимычем, тибетским лекарем с вятской физиономией, задружили. Он дом на Северных купил, ну и познакомились. Как же мы мимо пройдем. Медицина тибетская, но иконы в доме развесил православные. Сам по

себе Максимыч был мужиком хорошим, добрый, отзывчивый. Кому-то позвоночник ставил, головные боли снимал... Я сам у него лечился, детей водил.

Бедные наши дети, к кому только не таскали их непутёвые родители.

Батюшка Савва скажет однажды:

– Первыми в ад путёвки получают колдуны, чародеи, маги, заодно и клиентуру за собой тащат.

Но даже после знакомства с батюшкой Саввой, после его наставления в отношении колдунов, пару раз замазался с чародеями.

Каратэ занимался. Тренер говорит. У нас никакой религии. Но заходишь в зал, поклонись. Кому? Духу зала. Много лет не придавал значения, потом замкнуло: какому такому духу? Тогда и перешёл в рукорпашку.

На фоне моего интереса ко всему из ряда вон выходящему, появилась баба Зина из Казахстана.

Перед сном с двумя ангелами произошли следующие события. Поехал с женой к дяде Толе в Казахстан. У того два сына, младший, Илья, олигарх местный. По сей день некрещёный и по сей день и батюшке помогает (то на ремонт крыши храма выделит деньги или колокол купит), но и у муллы на хорошем счету – принял посильное участие в строительстве мечети. Всеядный.

– Илюха, – говорю, – ты бы уже прибивался к одному берегу: или крестился или обрезался. Получается – и вашим и

нашим вприсядку пляшем!

– Ничего, ничего, Бог один, он всё видит.

Второй сын у дяди – Эдик, в Германии живёт. Неверующий. Лет пять назад в Россию приезжал, гостил в Омске. Я тогда уже был воцерковлённым, поэтому кто о чём, а лысый о расчёске, подвёл разговор к вере. Эдик мне:

– Сань, ну как ты, умный человек, образованный, окончил техникум на отлично, институт, работаешь директором, можешь в церковь ходить? Ну, скажи честно, как брат брату, там ведь в основном необразованные тёмные бабки.

– Ты знаешь, – говорю, – почти все образованные, в том числе бабки. Я бы сказал, бабки сегодняшние молодняку нынешнему не уступят по светскому образованию. У тебя представление, тёмные дореволюционные бабки, о которых нам с тобой толковали в школе и которым в 1917-м революционном году большевики свет принесли, а они его отвергли, эти самые доисторические бабки по сей день оббивают пороги церковей. Прикинь, сколько им должно быть лет? Далёко-далёко за сто. Мне такие ископаемые бабки ни разу не попадались в храмах.

Что Илья, что Эдик, нормальные, работающие мужики, далеко не глупые, но...

Жена Ильи в тот мой приезд говорит:

– У нас есть очень хорошая бабушка, народный целитель.

Тогда я в отношении веры был в десятки раз темнее «тёмных дореволюционных бабок», несмотря на свои дипломы и

должности, поэтому встрепенулся.

– Познакомь!

С баб Зиной мы сразу нашли общий язык, своими людьми стали.

Поэтому, когда у мамы начались проблемы с почками, сразу позвонил в Казахстан. Баб Зина заверила:

– Всё вижу, буду лечить, если понадобится – приеду.

Приехала. Энергии в старушке на десятерых. Первым делом, говорит, надо пойти в церковь, потом – на кладбище.

В церковь, вроде понятно, но на кладбище-то зачем? Ладно, целителю виднее. У него свои секреты мастерства.

Повёз в Крестовоздвиженский собор. По народно-целительной методике баб Зины – надо поставить тринадцать свечей. Цифра насторожила и откровенно не понравилась – почему именно тринадцать? Спрашивать и спорить не стал. Некоторые догматы баб Зины и ранее смущали. Плевать, говорит, надо через правое плечо, а не через левое. Со стороны сердца стоит хороший ангел, который за нас, а нехороший, на которого и следует щедро слюной брызгать – он с правой стороны. Думаю, что-то, баб Зин, не то толкуешь.

В церковь привёз в воскресенье, народу полным-полно. Купил тринадцать свечей, отдал ей. А сам делаю вид, что не гляжу на неё, она мне попросту не интересна. Занимаясь борьбой, специально тренировал себя на развитие бокового зрения, вроде взгляд направлен в одну сторону, но видишь всё, что вокруг происходит. Поставила баб Зина тринадцать

свечей. Скользкую арифметику незаметно исправил: тринадцать за мою маму не пойдёт – ещё одну потихоньку купил и водрузил на подсвечник. Службу отстояли, отец Иоанн, митрофорный протоиерей, вышел с крестом, прочитал проповедь. Народ выстроился крест целовать. Я слежу за объектом. Но и она, заметил, время от времени меня глазами ищет, бабушка себе на уме. Подходит к кресту, отец Иоанн начал ей что-то говорить, она юрк и отошла. Не дал приложиться к кресту.

Эге-ге, думаю, интересный расклад. Сам, делаю вид, будто ничего не заметил, ступил за колонну. Жду, что дальше будет. Баб Зин подходит, зырк на меня, видел или нет? Держусь индифферентно, полная безмятежность на лице. Похоже, решила, не видел. И всё же, на всякой случай, а вдруг заметил, в машине говорит:

– Батюшка поругал, что неправильно крещусь. А у меня пальцы толком не гнуться, корову ведь дою. Он замечание сделал.

Не сказала, что к кресту не допустил. Я тоже промолчал. Но до конца, надо сказать, не понял тогда, с кем имею дело. Это уже потом батюшка Савва объяснил, кому служат такие люди.

После церкви отвёз её на кладбище, внутрь баб Зина одна пошла, я сидел в машине за воротами кладбища, мысленно обращаясь к родным усопшим. К деду Андрею, бабушке Августине, которая нам Библию читала. С бабушкой долгие го-

ды был контакт, впрочем, и сейчас есть. Сердцем чувствую: слышит, когда обращаюсь к ней.

После поездки в церковь у меня стали накапливаться в отношении баб Зины нестыковки. В тот год она несколько раз подряд у родителей останавливалась, купила в Новосибирской области домик, туда переехала с мужем и сыном. Моталась в Казахстан и обратно через Омск, и к нам заезжала. Однажды пригласил к себе, баб Зин обошла квартиру и давай учить, какие иголки надо в окна и в двери втыкать. Я ведь воткнул. Полечила моих сыновей, а вот дочь жена наотрез отказалась давать. Что-то почувствовала.

Один раз баб Зин приехала в Омск вся больная, язвы на ногах. Говорит мне:

– Вообще умираю.

Я, добрая душа, вызвался:

– Давай полечу твои ноги.

Когда при лечении руки ставишь, начинаешь ощущать, как движется энергия по кругу: из одной руки выходит, проникает в объект лечения, затем входит в другую, проходит через тебя, снова из той же руки выходит к объекту... Здесь из одной руки выходит, в другую не идёт, как ни пытаюсь. И холод. Ощущение, которое называю поцелуй покойника – тепло уходит-уходит. Когда бабушка Августина умерла, мне было десять лет. На кладбище прощались с ней, февраль, мороз под тридцать. Поцеловал бабушку в лоб, и на губах осталось ощущение ледяного холода.

Болезнь баб Зины не по зубам оказалась мне, пошёл к Максимычу, договорился – завтра баб Зину приведут к нему на приём. Распрощался с Максимычем и отправился к себе домой. Еле доехал, с превеликим трудом поднялся на пятый этаж. Пьяный и пьяный. Жена дверь открыла, а я будто два стакана водки выпил – язык еле ворочается. Силы из меня, как воздух из шарика, вышли – сдулся до нуля.

На следующий день более-менее восстановился, приезжаю к родителям, вот те раз – умирающей баб Зины в помине нет.

– Где? – спрашиваю. – В больницу увезли? Совсем свалилась?

Оказалось, здоровее всех живых. Уметелила на другой конец города. Максимыча посетила, и все хвори как рукой сняло. Вот, думаю, что значит, дело мастера боится. Вчера баб Зина при смерти была, сегодня полетела, аки птица. Поставил Максимыч болящую на крыло. Выхожу за калитку, смотрю, Максимыч в нашу сторону движется. Да не Максимыч, тень от него. Всегда живчик, здесь еле ноги переставляет.

Озираясь, спросил шёпотом:

– Бабки твоей нет?

– Куда-то, – говорю, – упорхнула уже. Так хорошо полечил её...

Максимыч плачущим голосом:

– Саша, не приводите её больше, не надо. Меня учила лечить одна умная женщина. Прожила сто лет. Говорила: «Бой-

ся чёрных людей». Твоя бабка чёрный человек. Я стал лечить, с меня всё, как в яму, ушло. Обычно, чайку попью, минут десять посижу и восстанавливаюсь, следующего пациента принимаю. Бабка утром у меня была, сейчас вечер, я ещё не отошёл. Видишь?

И поднимает руки, а они у него ходуном ходят. Бешеный триммер.

– Ладно, – говорю, – скажем, что ты уехал.

Максимыч обрадовался:

– Скажите-скажите! И не скоро вернусь.

Баб Зину в Казахстане наши родственники нахваливали, мол, такая искусница. У брата Ильи жена Света подходит к своей калитке, вдруг чувствует, с лицом что-то, выхватила зеркальце из сумки, а у неё не лицо, а луна в период полнолуния, расплылось ни с того ни с сего. Побежала к баб Зине:

– Ой, спасай, помогай!

Та давай ругаться:

– Это Валька, дрянь такая, сделала, колдунья чёртова, сейчас сниму.

У них в селе насчитывалось три знахарки, конкурирующие друг с другом. Баб Зина воск отлила, «порчу» сняла. Луна лица бесследно у Светы исчезла.

Одним словом, есть подозрение: сама «делала», а потом сама же и лечила. Чем не бизнес.

С баб Зиной мне повезло, загруженность на работе не позволила брать у неё уроки. В эту болотину не встрял. Хотя

баб Зина усиленно подтягивала к себе, мол, передам опыт целительства. Поделюсь всем, что только сама знаю, ничего не утаю. Будешь всегда при деньгах и уважаемым человеком.

Глава пятая

Ангелы из сна

Кроме баб Зины в тот памятный год познакомился с женщиной, на двенадцать лет младше моей жены, имя то же – Марина. У обеих отцы – Василии Николаевичи. Обе одеваются со вкусом, у одной и другой гуманитарный склад ума, но и предприимчивость деловая. Параллелей много.

С той самой первой встречи с Мариной проскочила между нами искра. После неё дым пошёл коромыслом.

Мама до смерти простить себе не могла: сама любовницу сыну в дом зазвала.

Марина походила на одного из ангелов из сна, того, который приблизился к окну. Со вторым позже тоже довелось встретиться. И не один раз.

Жена быстро почувствовала – у меня роман на стороне.

Сказал ей:

– Да, немного увлёкся, но это, временно, не бери в голову.

Даже попросил разрешения в театр с Мариной сходить.

Само собой – «взяла в голову».

Ума много не надо, представить, что творилось у жены в душе. Какое-то время сдерживалась, терпела, надеялась – перегорю, перебешусь.

Затем начались скандалы. Жена не из тех, кто будет безропотно сидеть в уголочке, платочком слёзы утирая. По всем законам конспирации и диверсионной деятельности принялась вести слежку.

Я снял Марине квартиру на Лермонтова, утром выхожу оттуда в бодром настроении, что за напасть? Все четыре колеса моей машины проколоты. Огляделся, ни у одного автомобиля, рядом стоящего, нет дырявого сюрприза, все целёхонькие, лишь моя небесной синевы «тойота» полностью обезножила. То есть, удар нанесён адресно.

На дворе в разгаре лето, я весь в белом. Даже туфли светлые. Пришлось пиджачок сбрасывать, доставать ключи и заниматься далеко не конторской работой... Часа два провозился. Колесо сниму, ташу на вытянутых руках, чтобы рубашку, брюки не измазать, в шиномонтажку. А там метров пятьсот. Так четыре раза.

Вторая акция была направлена сугубо на Марину. Пока я был на работе, жена на Лермонтова нагрянула с моей мамой. Прихватила свекровь для увеличения ударной силы воздействия на разлучницу. Мама сама рвалась обличить последнюю, приютила её у себя дома, а она, бесстыдница, в ответ на доброту влезла в чужую семью... Марина ушла в глухую оборону. Нападающая сторона, как ни давила на звонок, как ни колотила в дверь руками и ногами, как ни шумела, Марина не открыла. В итоге только что и удалось – мстительно нацарапать на двери большими буквами короткое и обидно

для любой женщины слово. С тремя восклицательными знаками.

Я через полчаса по зову Марины приехал, увидел надверное художество и поехал к родителям. В самой категоричной форме приказал не встревать в мою жизнь.

Сейчас задним числом понимаю свою неправоту, а тогда жёстко вопрос поставил: не лезьте, не в своё дело, я не школьник учить уму-разуму, отошли те времена.

И все уши поджали.

Отец не встревал в нашу с мамой перепалку. Отмолчался. Конечно, переживал, видно было по лицу, но слова не вымолвил.

На этом дело не кончилось, наоборот – дошло до мордобоя и рукоприкладства. Жена выследила Марину и врезала кулачком по физиономии. Как тому карманнику в автобусе. Удар был нанесён метко и сильно – у Марины синяк под глазом налился.

После этого я ушёл из дома. Исключительно, дабы оградить Марину от нападков, быть рядом с ней в этот взрывоопасный период. Разводиться, уходить из семьи не думал.

Собираю вещи, дочь-кроха, было ей три года, почувствовала:

– Папа, ты куда? Не уходи.

Сын Миша, ничего не понял, а эта плачет:

– Не уходи, ты куда?

Когда жена сказала сыновьям, что я ушёл, Миша начал

биться телом в стену. Разгонится – удар. Разгонится – удар. Жена обхватила его руками, прижала к себе: «Что ты, что ты?!» Он вырвался, разревелся до истерики. Страшным шоком стало – отец предал. Коля (учил его, если что, ты старший в семье) повёл себя категорично. Возвёл мой поступок в разряд «если что». И сделал вывод: ушёл, значит, мы ему не нужны, следовательно, и он нам до фонаря!

Я не собирался бросать семью, все расценили мой поступок уходом. Марина, прежде всего. Зная мою натуру, вопросов не задавала, и светилась, как же, я рядом, план её выполняется.

А мне плохо.

Через две недели позвонил жене:

– Надо встретиться.

Зафыркала, «забудь наш телефон», «тебя для нас нет».

Потом успокоилась:

– Ладно, в кафе «Слобода».

Уютная кафешка – раза два с женой обедали в ней.

Я подъехал чуть раньше. И тут произошло со мной событие из ряда вон. Назову его – «как Господь лечит».

Из-за переизбытка машин припарковался на другой стороне дороги от кафе. Сел на лавочку, кафе наискосок. Вдруг в поле зрения попадает жена, рядом с ней идёт мужчина. На нём кашемировое чёрное стильное пальто, белоснежный шарф, гордо посаженная, как у танцора, голова. Жена останавливается, что-то говорит, потом разворачивается к пере-

ходу, он останавливает её, берёт за руку, наклоняется к её лицу, она слушает его, снова идут рядом.

Меня обдало жутким холодом: я теряю семью. Мгновенно сделал такой вывод. Моя жена идёт с мужчиной на встречу со мной. Значит, познакомились не пять минут назад.

Считал, всё в семье зависит исключительно от меня, замыкается только на мне, решаю один я.

Реально это была моя жена. Её куртка, сумка, походка, причёска.

Внутри меня всё затряслось: я проспал жену. В голове началось метание мыслей: сколько раз ты собирался покончить с Мариной, рубануть, уйти от неё раз и навсегда, в результате всё разрешилось более чем просто. И кого винить?

Сижу в полной протрации. Потом медленно поднимаюсь со скамьи, перехожу дорогу, жена с мужчиной направляются в сторону кафе.

В голове мысль: она решила представить мужчину, чтобы расставить все точки – со мной всё покончено.

Они проходят мимо кафе.

Женщина вообще на жену не походит. Вообще. Юбка, походка, сумки такой у неё никогда не было.

Но ведь я чётко видел, когда они шли, – моя жена.

Вдруг абсолютно не она. Не её одежда, не так идёт. Как мог увидеть то, чего не было?

В тот период у меня произошло отсечение жены. Голова помнила, что я люблю жену, я помнил до мелких деталей

картину – когда впервые увидел Марину в ореоле. Но сердце с трепетом, волнением, уханьем от аромата жены, её взгляда, будто отключили. Столько лет обдавало волной нежности, когда оказывался рядом с женой. . .

Само собой, здесь и телесное влечение, но не только. Обо- жание, восхищение, высота отношений, которые могут быть только у супругов. Как ребёнка, хотелось её обнять, прижать чмокнуть лишний раз в щёку, уткнуться в родное плечо. Нежность, радость, восторг, полёт. . .

Вдруг всё отключилось. Память помнила – сердце молча- ло.

Про Португалию расскажу дальше. Пока, забегая вперёд, приведу к слову эпизод из той эпопеи. В Португалии в один- надцать вечера выходил из дома, шёл на поляну, была побли- зости и тренировался. После знакомства со второй Мариной спорт забросил, не до того стало, на соревнованиях больше не выступал. В Португалии начал тренироваться, чтобы не закиснуть вконец. Поляна была на берегу океанского залива, на противоположной его стороне стояла католическая цер- ковь. В двенадцать ночи бил колокол.

Однажды занимаюсь на поляне, и возникает чёткое ощу- щение: дети мне не нужны. Пришло осознание: моё сердце, как и в случае с женой, холодно к сыновьям, дочери. Мол- чит. Я испугался. Это ведь тупик.

К сыновьям испытывал более чем отцовские чувства, го- ворил уже о братстве, что возникает у спортсменов-бор-

цов. Тренировались несколько лет вместе, в соревнованиях участвовали. Поддерживали друг друга. Вдруг равнодушные, будто враз стали чужими, безвозвратно ушли из сердца. Я начал обращаться в прошлую жизнь, заставляя себя вспоминать наши тренировки, соревнования, совместные поездки за город, как ходили семьёй в парк, плавали на катамаранах, кружились на каруселях, катались с горок. Вспоминать ночные службы, на которые ходили с ними, – Пасха, Рождество.

Ложусь спать и пока не засну – вспоминаю, вспоминаю. Принудительно пытаюсь запустить механизм сердца.

Был случай. Еду по трассе, на обочине машина, дедок со шлангом в руке. Останавливаюсь: что случилось? Оказывается, у дедка не получается бензин в канистру слить. Ёмкость в багажнике, пытается из неё канистру наполнить да в бак машины залить.

– Не могу, будь оно неладно! – пожаловался.

Я шланг засунул в ёмкость, взял второй конец в рот, потянул в себя и вдохнул пробку бензиновых паров. Дыхание мгновенно парализовало. Стою с открытым ртом, выпученными глазами, пытаюсь спастись глотком воздуха... Да не идёт в лёгкие... Кердык настаёт моей молодой цветущей жизни... Вовремя сообразил... На тренировках случалось, от удара в солнечное сплетение перехватит дыхание. И тогда запускаешь его механически.

Начал в спешном порядке сжиматься, приседать...

– Ну, – говорю дедку, отдышавшись, – чуть не помер из-за твоего бензина. Экономить?

– А чё прикажешь делать! На пенсию сильно не наездишься, хорошо, зять шишку возит, начальничка, вот с барского плеча и подкидывает бензинчик.

Я про себя решил, память, если её напрягать, должна запустить сердце, воскресить в нём утраченные к детям чувства. Одну зиму едва не каждый вечер выходил с сыновьями во двор. Врачи рекомендовали младшему, лет семь ему было, больше находиться на свежем воздухе. Прогуливаться без дела неинтересно, мы играли в футбол: тёмное небо, белый снег, свет из окон домов, пятнистый мяч, сыновья вдвоём против меня... Вспоминал, как первый раз повёз на рыбалку. Старший, Коля, боялся червей. Миша сам по себе брезгливый, на рыбалке – ничего подобного, запросто доставал из банки червей, подавал мне, сами не умели насаживать... Вот учу их кататься на двухколёсном велосипеде, у Миши долго не получалось... Вот всей семьёй торжественно ведём Колю в первый класс. Бабушка, мама моя, внуку королевский букет вырастила на огороде. Пять шикарнейших георгин. Предупреждала всех:

– Эти Коле в школу, ни в коем случае не рвать!

Через год такой же букет гордо нёс Миша. Коля тоже шёл с цветами, и букет прекрасный, но скромнее, чем у первоклашки.

Дома у сыновей была забава – налететь на меня, вынуж-

дая ввязаться с ними в борьбу. Спрячутся за дверь, подкараулят, потом выскакивают с визгом из укрытия. Принимая игру, кричал жене: «Мама, помогай!» Когда и она ввяжется в нашу возню.

И ведь запустилось от воспоминаний сердце. Вернулось чувство любви к детям.

Такое произошло в Португалии.

Что касается второй Марины, влекло к ней страшно. Это была страсть от слова «страдать». Ничего с собой не мог поделать.

Нередко после наших встреч в душе оставался осадок. Не летящее, победное чувство, от которого на седьмом небе, а какие-то рывки. Наступает момент отрезвления, говорю себе: всё, надо забыть, вырвать из сердца, переформатировать голову, вытравить память, чтобы следа не осталось...

Но достаточно маленькой искры – и снова пожар.

Марина была женщиной, умной. Отличная память. Знала много стихов. Могла подолгу читать наизусть Цветаеву, Ахматову, любила Тютчева и Лермонтова. Филолог, но не гуманитарий до последней точки. Одарённая бесспорно. В школе учителям платили крохи, я взял к себе в торговую точку. Иногда думаю, то, что должен был давать детям, отдал ей. Возил всюду с собой, благодаря мне, узнала город, обрела связи, опыт, прониклась пониманием, как следует вести себя в бизнес среде. Одеваться, подавать себя умела. Сначала работала у меня продавцом, кстати, талант имела бесспорный.

В ней сочетались интеллигентность, личное обаяние, которое вызывает доверие у покупателя. Не из продавцов-блондинок, которые глубоким декольте и короткими юбками пытаются привлечь покупателя-мужчину, она чётко знала характеристики товара, умела ненавязчиво преподнести его.

Из продавцов перешла в товароведы. По моей рекомендации стала исполнительным директором в фирме по продаже одежды. Нарбатывала опыт. После Португалии, когда я занял должность директора филиала московской мебельной фирмы, мебельщики из Питера, отчасти наши конкуренты, но отношения у нас были нормальные, попросили подыскать им исполнительного директора в омский филиал. Предложил Марину. Остались более чем довольны. Поначалу ей помогал, потом без меня справлялась.

Хотя к мебели душа её не лежала, больше тянуло на шмотки. Когда поступило хорошее предложение, перешла на должность директора магазина одежды.

Мне нравилось опекать её, радовал карьерный рост – вчерашняя ученица, которой недавно объяснял элементарное, обретала вес в торговой среде. С моей помощью окончила курсы бухгалтеров. В конечном итоге уехала в Москву.

На первом месте у неё в наших отношениях была рациональность. Если у меня чувство, затем – рацию, она, умела, как говорит один мой товарищ, «цель рубить». Скорее всего, в современной женщине так и должно быть. Одна из целей – я. Планировала, в конечном итоге уйду к ней. На этой поч-

ве скандалили, десятки раз разбежались... Бывало, что не на одну неделю.

И вот тогда на горизонте появлялась Альбина. Второй ангел из сна.

И смех, и грех. Обоих чёрных ангелов подогнали мне родственники. Мама – первого, жена – второго.

Жена не только скандалы мне закатывала, шины под покровом ночи протыкала, фонари сопернице под глаз ставила, искала выход из ситуации и другими способами. Есть женщины, которые при изменах мужа ударяются в пьянство (позже расскажу подобный случай) или начинают мстить блудом, жена стала на духовном уровне искать возможность воздействовать на меня. Благодаря этому я в конечном итоге пришёл в церковь, обрёл духовного отца батюшку Савву.

Это случится позже, начала она с того, что потащила на психологические курсы. Посчитала, вдруг меня околдовали, опоили приворотным зельем, убрать это психологическим тренингом.

Там-то и встретил я второго ангела из сна – психолога Альбину. Скорее она меня, но и я не дал от ворот поворот, клюнул на приманку, не смог устоять...

Не сказать, что Альбина опалила с первого взгляда, как случилось со второй Мариной, к Альбине не было того зова. Исключительно телесное. Шарм, безусловно, в Альбине имел место и по сей день есть. Пасла меня, терпеливо выжидала. Как только возникал провал с Мариной, зазывала

к себе. Я не всегда отказывался. Собственно, по сей день периодически звонит, предлагает встретиться, отнекиваюсь: дескать, как-нибудь потом. В её жизни появлялись какие-то мужчины, от одного родила для себя, как сейчас говорят, ребёнка. Хотя, а для кого его рожать? Для государства что ли? Отец дочери сразу ушёл в сторону, Альбина одна воспитывает.

В самый первый год знакомства с Альбиной ездили вместе в Окунёво. Будучи психологом, она, как и я, восторженно совала нос во всякие мероприятия, где пахло мистикой, сверхъестественным. Даже шаманскими практиками занималась. Тогда как Окунёво – пуп Земли, энергетический центр, сибирская Шамбала, тайные ворота в параллельные миры, местонахождение кристалла мудрости... Давно мечтал побывать, а тут Альбина зазвала, ну и поехали на пару.

В первый день потолкались среди разномастного, разнoverующего народа, а на второй отправились на Шайтан-озеро. Поднялись рано утром, часа в четыре, перешли Тару и оказались в сказке. Огромный луг, тёмно-зелёная трава сырая от росы, небо в серой пелене облаков. Вдруг облака расходятся, первый, самый первый солнечный луч срывается с неба, полное ощущение: я вижу его стремительное падение, вот он ударяет в траву, роса вспыхивает, весь зелёный луг от начала до дальней границы начинает сверкать, переливаться. Только что блекло и сонно лежал перед нами, под лучом волшебю ожил, заиграл, жадно ловя капельками росы небесное

ЗОЛОТО.

На берегу озера встретили рыбака, накачивал резиновую лодку. Подошли, поздоровались.

Он посмотрел на нас с подозрением, спросил:

– Случайно не от баламута Речкина?

– Нет, – скромно ответили.

Речкина, конечно, читали, но решили промолчать о знакомстве с «баламутом».

– Идиоты начитаются его книг и прутся сюда, – недовольно произнёс, – житья летом нет от всякого сброда.

И поведал историю. За несколько дней до нас группа на озеро пришла. Из Прибалтики приехали. Решили поплавать на лодке, в надежде узреть храм, что в глубинах озера прячется. Редко кому открывает себя, погребли в надежде – вдруг им повезёт. Потом с квадратными глазами рассказывали, как очутились в параллельном мире. Вдруг появились райские птицы. Величавые, белоснежные большой стаей выплыли из камышей им навстречу. В Окунёво все наэлектризованные, все ждут чуда. Кого только не притягивает пуп Земли. Всякой эзотерической, уфологической, неоязычной твари по паре и намного больше. Рядом с нами в Окунёво жили русскоязычные бабаджисты, недавно из Индии прибывшие.

Те, что угодили в рай на Шайтан-озере, тоже были каким-то учением подпорчены. Испугались от видения райско-белоснежных птиц, считая, что очутились, того не же-

лая, в параллельном мире. Лодчонка проскользнула в пространственно-временной портал, и они попали незнамо куда. Радоваться бы, таинственные ворота в другие измерения мало кому открываются. Окунёвские паломники завибрировали – этак можно навсегда застрять подле райских птах. Они, конечно, красивые, да только на грешной земле привычнее. Испугались не на шутку, как бы дверца портала не захлопнулась напрочь, где потом брать ключ на обратный ход? Райские птицы не стали приближаться к лодке с посторонними, развернулись и поплыли в райские камышовые кущи. Таких кущ там много. Наши товарищи схватились за вёсла и ну к берегу во всю мочь.

Где и узнали, что в Сибири пеликаны водятся.

Мы с Альбиной без приключений поплавали на лодке по Шайтан-озеру. Райских птиц не встретили, и у меня в последний момент хватило ума не прыгать с лодки в воду. Думаю, если бы взял глубины метра два, мог бы и не подняться. Я тихонько соскользнул, поплавал. Воду прозрачной не назовёшь, а водоросли длинные, перепутанные, можно запросто застрять, как в сетях.

Альбина с Мариной знали друг друга. Когда я уехал в Португалию, Марине пришлось самой за квартиру платить, Альбина позвала к себе, месяца два жили вместе, а потом поругались вдрызг.

Я анализировал опыт своих друзей. На глазах сторел от рака бывший сослуживец – Толя Рябченко. Вместе молодёж-

ный жилищный кооператив раскручивали. Хорошая семья, жена Алёна, умная женщина, лет семнадцать прожили. Толя в сорок лет влюбился в молодую. Ушёл. Для Алёны был сильнейший удар. Родил в новой семье ребёнка и через полгода хоп – у Толи онкология, он умирает. Почему? Один Господь может дать ответ. Я считаю, человек пошёл не туда, не той дорогой, что Господь указал...

Проецируя на себя, понимал – тоже иду не туда. Надо рвать с Мариной. Она и сама осознавала бесперспективность варианта со мной. Сначала надеялась, буду с ней, потом увидела – не жить вместе. Я, как бы ни выглядело странным, привязан к семье. Психовала, устраивала концерты, я хлопал дверью. И через несколько шагов, меня наполняла радость: я – свободен.

Проходило несколько дней, и снова нас бросало друг к другу.

Один православный знакомый говорит, что придаю много значения тёмным силам, везде вижу их участие. Не знаю, может и так. Но как не придать значения факту, у Мариной матери лучшая подружка колдует. Если «лучшая», трудно не нацеплять от неё колючек. Марина рассказывала, однажды ночью проснулась, на последнем курсе училась, а перед кроватью стоит под два метра лохматая сущность. Марину ужас парализовал. Нечто приблизилось, руку на грудь положило... Жуткий холод пошёл вовнутрь. Сущность исчезла, не растворилась в темноте, а будто вошла в Марину.

Без малого одиннадцать лет продолжалась наша связь. Сто раз и она, и я пытались расстаться. Шли на разрыв, но проходило время, снова возникал зов, с которым не мог справиться. Забыв обо всём на свете – о клятвах, что давал себе, обетах, что давал Богу, срывался к ней.

Снова забегу вперёд. Прошло наваждение после поездки в Бари к Николаю Чудотворцу. Вот когда расстался с Мариной окончательно. Она уехала сначала в Белгород, потом в Москву. Вдруг через два с половиной года после Бари вижу сон и в нём непреодолимый зов к Марине. Проснулся в холодном поту: неужели опять началось? Прислушался к себе, нет, приснилось, зова не было.

Но это случится ой как не скоро.

Через два года связи с Мариной я настолько вымотался, настолько устал. Всё шло кувырком. Полетел мой бизнес. Как-то приехал к родителям, у них Максимыч в гостях. Любил моих родителей, отец до семидесяти лет подрабатывал на машине, помогал Максимычу, если тому что-то надо было привезти-увезти. Максимыч меня отозвал, чтобы родители не слышали, и говорит: видел про меня два сна. В одном лечу в самолёте с моими компаньонами по бизнесу. Максимыч знал их, я ведь из тех, «сам полечился, другим дай полечиться». Всех знакомых отправлял или водил к нему. Будто летим, я пытаюсь что-то объяснить соучредителям, они не слышат. Потом хватают меня и выбрасывают из самолёта. Во втором сне я весь изможденный, избитый запряжён в теле-

гу. В ней сидит красивая женщина, но с клыками, как у вампириши. Лупит меня хлыстом, я тащу телегу, потом вырываюсь из хомута, а вокруг болото. Начинаю тонуть, хватаюсь за траву, она выскользывает из рук, почти накрыло водой...

Старцы говорят, снам не верь, но и не отвергай категорично.

Как бы там ни было, с компаньонами произошёл конфликт. С высоты прожитых лет понимаю, это было нам в наказание. Всем троим. Гордыня, сребролюбие... У всех троих были вывернуты мозги. Лёня Арбузин разошёлся с женой, взял молодую. Аркаша Васильев тоже поменял жену. Ну и на мне грех блуда... Нам бы держаться вместе, развивать предприятие, более ста человек работали, товар шёл на ура, нет, начались разборки. Мы с Лёней вдвоём тянули предприятие, Аркаша входил только деньгами. У Лёни выиграла гордыня. Коллектив меня считал генеральным директором, не его. А у Аркаши была мечта иметь основную долю предприятия. Вдвоём объединились против меня. А тут ещё жена подыграла, сама того не желая. Подала на развод, нас развели, она потребовала свою долю. Такой поворот дел был им на руку, нашли юридические закавыки, начали отдавать деньги частями. Можно было взять кредит и снова подняться, но настолько был вымотан, настолько устал.

Подумал и решил уехать за границу. Одним махом разрубить все узлы.

Глава шестая

Два пути

Случилось это до Португалии. Жена моя страдает гайморитом. Дело подошло к операции, а жена побаивалась. Кто-то подсказал, в Москве вырезают полипы лазером. Всё не на живую, собрались и поехали. Операцию сделали, я тороплюсь в Омск, любовь-морковь продолжается, мысли все в Омске. Тороплю жену, надо возвращаться, мол, работа ждёт.

Садимся в поезд, до Екатеринбурга ехали одни в купе, в столице Урала заходят двое мужчин. Один чуть моложе меня, лет тридцать пять, среднего роста, копна дикорастущих волос, голубые глаза, выпивши. Второму лет пятьдесят пять, лысоват. Бывший лётчик-истребитель и интересный собеседник. Дослужился до подполковника и попал в аварию, при посадке подломилась стойка шасси, самолёт кувыркнулся, благо не взорвался. Подполковник весь переломался. Массу операций перенёс. Из авиации списали. Пенсия пенсией, но должно быть какое-то занятие. Он обрёл второе дыхание в жизни – занялся пчеловодством, мёдом. У него, как и у меня, два сына, дочь. Внуки уже есть. И не просто купил пасеку, качает мёд с одной думкой, как бы подороже продать. Засел за литературу, стал своим человеком

в сельхозакадемии, ездил за опытом в Башкирию, на Алтай. Стал изучать методы лечения разных болезней при помощи мёда, прополиса, подмора. Увлечённо об этом рассказывал, видно, человек горит этим делом.

Ехал к дочери в Пермь, вёз мёд, подарки. Помогал дочери деньгами, та строила квартиру. Человек в здоровых житейских хлопотах. У самого квартира в Екатеринбурге, дом в деревне, где живёт с весны до осени, там у него ульи, омшаник для зимовки пчёл.

Угощал мёдом, очень вкусный, рассказывал.

С таким попутчиком ехать легко и интересно.

О втором мужчине так не скажу. Он усиленно звал меня в ресторан:

– Пойдём, посидим, поговорим.

Геной звали.

В ресторан идти не было никакого желания. Пить не собирался, Гена мечтал добавить.

Лётчик с рестораном сразу его отшил:

– Не пью и тебе не советую!

От лётчика Гена отстал, меня всё тянул.

О себе рассказал, что едет в Тюменскую область, там у него жена, две дочки, одной восемь лет, во второй класс пойдёт, второй четыре с половиной.

– А знаешь, – говорил, – как сердце тает, когда тебя девчонки встречают. Приедешь с поля на тракторе, они выскакивают за ворота, на шею тебе кидаются, облепят: «Папка,

приехал!»

Вскользь вырвалось, никому наши поля не нужны больше. Работы не стало, он запил.

Несколько раз выходил из купе, искал компаньона в ресторан. Поиски не давали результата. Возвращался в купе. Пожаловался мне:

– Представляешь, в роду из мужиков я последний. Полгода назад дядька погиб, на стройке кран упал, его придавило. До этого племянник на машине разбился. Всё, я последний остался.

Ехал к жене в Тюмень налаживать отношения. Она не выдержала его пьянства, безденежья, в деревне для Гены работы не было, собрала детей и уехала в Тюмень к родителям.

– Буду работать, – говорил. – В Тюмени нефтянка, там работы навалом. А я механизатор широкого профиля, на любой технике могу.

Слушал его из вежливости, с одним желанием, скорее бы снова куда-нибудь ушёл. Опять начинал тянуть в ресторан.

– Гена, – скажу, – да пойми ты, мил человек, не хочу туда. Поесть я здесь поел, пить не буду.

– Просто посидишь со мной, кофе попьёшь, поговорим.

Выйдет из купе, в коридоре с одним постоит, к другому подойдёт. Никто не желал разделить с ним ресторанный трапезу. Народ в вагоне ехал солидный, в возрасте.

Один Гена почему-то не шёл в ресторан. Ему нужен был напарник, скорее всего – собеседник.

Не запомнил, какая была остановка. Поезд набрал ход, вдруг стук в дверь, заходит проводница, милиционер, спрашивают:

– Где ваш попутчик?

Я ещё подумал, ну вот, нашёл приключение на свою пьяную голову, нет бы, лечь да спать. Всё оказалось серьёзнее. Гена помыкался, помыкался, никого не нашёл, кому душу излить, увидел открытую дверь в купе проводников, открытое окно. Вагон был старой конструкции, где окно отпускается вниз. Гена парень subtilный, встал на столик и в окно на полном ходу выбросился.

Милиционер достал его чемодан, открыл, сверху лежали детские ношенные туфельки. Видимо, старшей девочки. Игрушка новая, надо понимать, в подарок вёз...

Если бы Гена душу мне выложил, возможно, всё получилось по-другому. Да государство его бросило, поля его заросли. Но и я не помог участием. Как Господь говорит в Евангелии: «...ибо алкал Я, и вы не дали мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был нагим, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня».

Не сделали одному из нуждающихся меньших, а значит, Господу.

Господь промыслительно показал мне две вещи. Ко мне в купе садятся два человека. У лётчика, два сына и дочка, он едет к дочке. И у меня два сына и дочка. Я могу нормально

развиваться, жить по законам Божиим, заботиться о семье, и у меня всё будет хорошо в жизни. Второй вариант, я продолжаю раздваиваться между двумя Маринами, идти этим путём... В конечном итоге... Почему Гена выбросился? Он реально понимал – в Тюмени его не ждут. Не верил в то, что говорил мне, да и другим: жена его примет, они помирятся. Понимал, придет, а ему от ворот поворот.

Все пути были перечёркнуты.

Глава седьмая

Вадим и Нина

Моя жена пошла в церковь, когда я пустился во все тяжкие, тогда как Нина Соловьёва, оказавшись в подобной ситуации, запила.

До армии я серьёзно занимался в «Динамо» борьбой. После армии снова вернулся в спорт. В Омск только-только пришло каратэ, на то время экзотика. Появились первые тренеры. В эту волну я попал. Вадим Соловьёв на полгода раньше начал заниматься, но я его догнал. Выступали в разных весовых категориях, однажды сошлись. Я хоть и выиграл, но зуба лишился...

Он лидировал в категории до семидесяти килограммов, я – до восьмидесяти. В то первенство «Динамо» Вадим победил в своей категории, я – в своей. Начались поединки на абсолютного чемпиона. Мы с Вадимом сошлись. Работаю с ним... У Вадима была мощная ударная техника, а мне главное в борьбу перейти. Боролся он хуже. Я его переигрываю, но пропускаю удар маваша – ногой. При падении делаю вид, что поскользнулся. Есть такой трюк. Мне судьи поверили. Вадиму дают вазари, не иппон – чистая победа, а малый балл. Я чувствую, у меня под зубами косточки. Часть зуба он

мне просто отколол. Мало того, что зуб повредил, оказывается, это был нокдаун. Я не сразу понял, что к чему, тем не менее бой дошёл до конца и по очкам переиграл Вадима. Его убирают, мне ставят нового, тоже легче меня. Переиграл его, ещё двух или трёх. И вдруг сознание меркнет, я куда-то отъезжаю... Очнулся на скамейке, сижу спиной к стене... Ничего не могу понять. Где я? Что я? Передо мной кто-то бегает, прыгает в белых кимоно. Делаю глубокомысленный вывод – это наш спортзал. Дальше веду расследование – где находятся двери? Ага, вон они – на месте. Всё правильно. Интересно, задаюсь вопросом, на чём я сюда мог приехать? Сам себе отвечаю: скорее всего, на автобусе. На каком автобусе? С Амурского посёлка ходит «пятьдесят первый»...

Тяжелейший нокдаун перенёс на ногах. И зуб потерял.

Вадим был чемпионом России по рукопашному бою. Я на тот период от активных занятий спорта отошёл. Закрутила работа на заводе, был всплеск организаторских способностей. Провёл первую безалкогольную комсомольско-молодёжную свадьбу, возглавил молодёжный жилой комплекс, проводил соревнования «Весёлые старты». При этом шёл рост по карьерной линии, а ещё семья, дети. Сейчас удивляюсь, как успевал, как на всё хватало.

С Вадимом пересекались изредка, а потом, как сыновья подросли, я снова вернулся в спортзал, уже с ними. Мы с Вадимом сошлись семьями. Жена у него Нина, хорошая женщина, девчонки-двойняшки. Подшучивали друг над другом:

у вас невесты, у нас женихи. Как делить будем, какому жениху какая девчонка? Хоть жребий бросай – не различить, где Даша, а где Наташа. У Соловьёвых был маленький бизнес, попросту говоря – киоск, торговали порошками, химией. Занималась этим Нина. Вадим работал тренером.

Я развернулся с мебельным производством. Для салона арендовали помещение в самом центре города. В доме, в котором в пятидесятых годах любители организовали первую в Омске телестудию. В советское время на первом этаже работало кафе, потом помещение забросили, его облюбовали бомжи. Мы бывшее кафе отремонтировали, отделали и в результате получили отличный салон.

Спорткомплекс, где Вадим тренировал детей и взрослых, находился в десяти минутах ходьбы от моего салона. Частенько Вадим между тренировками заглядывал ко мне, кофе попьём, побеседуем.

Его закрутила ситуация аналогичная моей – появилась женщина на стороне. Звал за глаза «дамой». «Моя дама», «ночевал у дамы». Я её пару раз видел. Статная, широкой кости женщина. Возрастом, чуть моложе его.

Как-то Вадим заходит ко мне в салон, возбуждённый, не в себе.

– Ты, знаешь, – нервно начинает рассказывать, – меня только что машина сбила. Хорошо, скорость небольшая, отбросило, я успел сгруппироваться, удачно упал.

– Это, – говорю, – тебе предупреждение. Завязывать надо

с дамой. Как, впрочем, и мне.

Дама в своё время была замужем, муж умер, осталось двое детей.

Для жены Вадима появление «дамы» в их жизни стало шоком, от которого она так и не смогла оправиться.

Тот раз был последним, когда они вдвоём приходили на мой день рождения. Посидели, мы с женой пошли их провожать. Нина взяла меня под руку, идём, она поворачивает ко мне голову (под фонарём проходили, зима, снег и свет от фонаря неестественный), смотрю, а у Нины в глазах слёзы блестят:

– Саша, и ты такой же!

Мне и сказать в своё оправдание нечего.

Ляпнул вроде того:

– Нина, не бери ты в голову! Всё образумится.

А потом она пропала. Вадим в салон пришёл, не снимая пуховика, упал на стул.

– Чувствую, – говорит, – всё.

У Нины и раньше были уходы. Никогда бы не подумал, Нина могла вот так опуститься. Отличный программист, политех окончила, чистюля, девочки всегда как куколки. Дома полный порядок, и скатилась. В роду не без червоточины – отец алкоголизмом страдал... Да ведь сколько лет знал Нину, намёка не было... Стала пропадать на два, три дня. Вадим находил её в бомжатниках. Или сама возвращалась домой в жутком состоянии.

– Да брось ты, – начал успокаивать его, – ищи, не опускай руки, милицию держи в тонусе, чтобы не расслаблялись.

Он грустно улыбнулся:

– Знаешь, Саша, так хочется, чтобы Нина, как раньше, уткнулась носом в плечо!

Нашли Нину месяца через два, снег начал сходить, и труп вытаял из сугроба.

С дамой своей Вадим в конечном итоге завязал.

– Что я в ней нашёл? – сам себе удивлялся.

Женился, взял женщину с ребёнком, и ещё и общего родили. Дочки его близняшки замуж вышли.

Кстати, поучительная история его крещения. Скептически относился к моим словам о необходимости креститься, пока жареный петух не клюнул. Прямо из спортзала увезли в больницу – тромб оторвался. Благо, застрял в ноге. Врачи так и сказали: если бы не тормознулся – всё.

Вадим из больницы позвонил, спросил, когда можно покреститься.

– Я же, – говорит, – постоянно руками и ногами бью, где-то что-то всегда может оторваться.

Сразу по выписке из больницы повёз его в Крестовоздвиженский собор. Отец Владимир крестил...

В последние годы редко с Вадимом сталкиваемся. В прошлом году в Троичную поминальную субботу после панихиды сразу из церкви поехал я на кладбище к своим. С автобусной остановки иду, машина обгоняет, посигналила, смот-

рю – Вадим. Обнялись. Он приехал к Нине.

– Сейчас, – пояснил, – мастер должен подъехать, мерку снять, плиточку хочу постелить, – и добавил: – Не знаю, как там дальше, но место рядом с ней для меня. Ты тоже запомни.

Глава восьмая

Вытащить пулю из головы

Португалию предложил мой сотрудник Витя Романовский. У Вити дядя заведовал турагентством. Не знаю, по какой причине, он, мягко говоря, ввёл племянника в заблуждение, железно пообещав: «Езжай, денег заработаешь».

Занимаясь мебелью, я открыл вторую линию бизнеса – евроремонт. Витю мне представили как дизайнера и художника. Витя из военных, майор, авиационный технарь, воевал в Афганистане – ремонтировал вертолёты. У них, наверное, это в роду, умел, как и его дядя, убедительно врать. Никаким дизайнером не был, художником – тоже. Чего не отнять – умел себя подать. После Португалии сделал визитку, гласящую, что Виктор Романовский психолог по семейным проблемам. И ведь находились такие, что верили. Забросив направление «семейные проблемы», занялся червями для производства биогуруса, в этой области подавал себя как учёный-биолог.

Я ухватился за идею с Португалией.

Витин дядя пообещал оперативно оформить визу. Она действует пятнадцать дней, исхитришься легализоваться, что практически невозможно, живи дальше на законных ос-

нованиях, нет – ты нелегал, но это не беда – гастарбайтеры сплошь и рядом имели такой статус.

На Витю виза быстро пришла, моя тормознулась. Дядя звонит в Москву, оттуда говорят: все документы оформлены, их проверяют органы. А те – ни «да», ни «нет». Я работал на режимном предприятии, имел вторую форму допуска, но это было десять лет назад. Завод уже давным-давно не такой закрытый. Двое моих коллег, вместе на одних секретарях сидели, в Германию уехали, а меня не пускают.

До того тоскливо сделалось. Настроился, а получается – никуда не еду. Мне нужно было уехать как можно дальше, разорвать узел, «вытащить пулю из головы». Столько всего сошлось. Катавасия с Мариной, скандалы в семье, провал в бизнесе.

Выше рассказывал о сне, который видел Максимыч, когда компаньоны выбрасывали меня из самолета. Союз наш нехорошим образом распался. Своё дело сделали деньги. Не зря о пагубности сребролюбия говорят все святые. Нас было три учредителя, создали производственное предприятие. Изготавливали мягкую мебель. Раскручивали предприятие мы с Лёней Арбузиным. Третий учредитель, Аркаша Васильев, вложил деньги, была у него мысль, когда мы пошли в гору, на себя одеяло потянуть. Мы с Лёней сказали: нет, так не пойдёт, пусть у нас будет по тридцать три процента доли, у тебя тридцать четыре – и всё. Выступили солидарно, Аркаша согласился.

В принципе, нормальный мужик, как и Лёня. С Лёней мы вообще отлично работали почти четыре года. Наша мягкая мебель шла на ура. Она сильно отличалась от того, что было в магазинах. Арендовали помещение в аэропорту. Кадры в прямом смысле золотые – инженеры и технологи электромеханического завода. Предприятие, как и вся оборонка, лежало на боку, зарплату по полгода не платили или платили макаронами, люди сидели в административных отпусках и готовы были на любую работу. Мы платили вовремя и хорошо, они собирали диваны, кресла, разрабатывали мебель, а всю подсобную работу делали учредители – я и Лёня. Подвозили материал, развозили диваны, кресла (у нас поначалу был «москвич» с прицепом, потом «жигуль» взяли), поднимали её на любой этаж. Поднаторели так, что в любую дверь диван могли затащить. Конечно, вся экономическая работа была на нас, мы решали вопросы с бандитами, если вдруг хотели своё урвать на дармовщину.

Один за другим мы в течение года открыли пять магазинов, один салон прямо в центре, наладили производство. Месяц на третий съездили на выставку в Тюмень. Замечательно там поработали. Всю нашу экспозицию скупили в Тюмени на корню, и заказов мы набрали. Были клиенты готовые на стопроцентную предоплату в желании как можно быстрее обрести наши диваны, кресла.

Всё до поры до времени складывалось отлично. Не могу не рассказать весёлое. Однажды целый день проехали. С

утра маковой росинки во рту не было. Ближе к вечеру из налоговой едем, я за рулём, останавливаюсь у продовольственного магазина, говорю:

– Лёня, купи что-нибудь, иначе мой желудок не выдержит.

Он покупает с килограмм колбасы и батон хлеба. Мы все это приговариваем. Не остановило, что колбаса мороженая. Приезжаю домой, а меня начинает трясти. А тут брат за чем-то приехал. Жена его усаживает за стол, только что борщ приготовила. Я достаю бутылку. Со мной это бывает крайне редко, тут захотелось выпить, унять лихорадку. Выпиваю грамм двести. Брат уезжает, у меня температура тридцать девять.

Жена забеспокоилась. Что, мол, такое с тобой. Я начал грешить на колбасу. Думаю, подсунули плохую, ей и отравился. Интоксикация, вот температура и прёт.

Жена вызывает «скорую». Приезжают две молоденькие соплюшки, что врач, что медсестра.

Я им изложил своё видение причины болезни, они согласились. Ну, поехали, говорят в больницу, там промывание желудка вам сделают.

Ни в какую больницу не поехал. Какие-то таблетки дали, но температура не останавливается на достигнутом – растёт. Под сорок подкатывает. Сна ни в одном глазу. Под утро жена видит, мне хуже и хуже.

– Давай, – говорит, – будем промывать желудок клизмой.

Нагнал её с таким предложением:

– Ещё чего? Клизму я буду делать! Ты головой-то подумай.

Фыркал-фыркал, потом вижу, пора к кардинальным средствам прибегать. Сама собой интоксикация не рассасывается.

Только не помогла в борьбе с ней и клизма. Температура не падает, я как сомнамбула.

Снова вызвали «скорую». Приехала многоопытная предпенсионного возраста тётя.

– Рот откройте, – потребовала.

Рот беглым взглядом осмотрела, Лёгкие послушала и выписывает рецепт, какие-то таблетки и микстуру для полоскания рта.

– Как, – говорю, – рот полоскать? Зачем?

– А вы что хотели? – тётя на меня из-под очков посмотрела. – У вас гнойная ангина!

Я как зыркнул на жену. Не слабо лечить ангину клизмой.

После этого долго на предприятии смеялись. Если кто вдруг приболел, обязательно деланно обеспокоенным голосом спросят: клизму делал? И что – не помогло?

Лёне хоть бы что после той колбасы, а моё горло не выдержало.

Четыре года с Арбузиным проработали и начались трения. Я был официально генеральным директором, он моим замом. Визитка другая, как бы престиж не тот. Засвербило его.

Праздновали Новый год. У нас всё было как на нормальном, уважающем себя, предприятии, в том числе своя столовая. Устроили в ней праздничный вечер. Я где-то задержался, приехал ко второму или третьему тосту, захожу в зал, столы буквой «П» расставлены, все сидят... Такого ни до, ни после не испытывал. Народ возликовал при моём появлении. Более ста человек как один встали, на меня хлынула волна такой радости, такого уважения... «Ура» кричат, рюмки поднимают: «За Иваныча!»

Лёня парень неглупый, понимал моё значение для фирмы, но гордыня. Мы потом открыли ещё одну фирму в рамках холдинга, арендовали два этажа на Северных. Он стал генеральным директором одной фирмы, я его зам, во второй – наоборот. И всё же кошка между нами пробежала.

Он развёлся с женой, женился по новой, срочно понадобились деньги на квартиру. Где взять? Пошёл к Аркаше.

Как-то втроём собрались, я им говорю: знаю, что у вас на уме. Известный вам Максимыч, пересказал сон про нас, как вы меня выбрасываете с самолёта. Они: да брось ты всяким бабушкиным сказкам верить, всё нормально.

Однако вскоре сказали, мол, ты больше не генеральный директор. Я молча согласился: честно свою работу делаю, веду производство и сеть магазинов. Лёня по отношению ко мне стал держаться сугубо официально. Однажды я не выдержал этой мрачной атмосферы, поводом стал конфликт: Лёня ни с того ни с сего взялся меня учить, как надо рабо-

тать. Я не сдержался и послал «учителя» подальше, и тут же написал заявление.

Думал, заберу свои деньги, начну новое дело. В принципе, если бы начал кампанию противодействия, многие специалисты пошли за мной. С клиентурой, в основном, я работал, меня хорошо знали на рынке, доверяли. Они это предусмотрели, нашли юридическую возможность отдавать мне деньги частями. Кроме этого, чтобы ключевые люди не ушли за мной, вдруг возьму кредит на новое предприятия – повысили им зарплату. Потом, правда, она пошла вниз. И жена моя, как говорил выше, помогла Лёне с Аркашей – оформила развод и пришла свою долю требовать.

Я подумал-подумал и не стал ввязываться в борьбу, что-то кому-то доказывать, умерла так умерла. Тут как раз предложение с Португалией, где, якобы, денег в виде долларов заработать проще простого – только не ленись. И я решаю: всё – меняю воду в аквариуме. Португалия для этого наилучший вариант. Во-первых, избавлюсь от всех этих пут, сетей, сброшу гири с ног, вырвусь на свободу, во-вторых, подзаработаю на новый бизнес.

Но и здесь затык – не дают визу.

Пошёл на кладбище. Говорил выше, с бабулей по отцу, бабушкой Августиной, был у меня контакт. Сердцем чувствовал, если обращался к ней, – слышала. Сел у могилки в плачущем настроении. «Бабуля, – прошу, – помоги, помолись за меня, запутался, вылезти не могу, нужно уехать, здесь я

погибну. Если слышишь, дай мне знак».

Говорю, говорю... Вдруг прилетает синичка и бросает почку от тополя мне на голову.

Два дня прошло, звонят из турагентства: все нормально, визу дали.

Из Москвы в Лиссабон добирался, вместе с такими же гасторбайтерами, на автобусе. Стартовали с Киевского вокзала, проезжали Белоруссию Минск, Польшу, Германию. Во Франции пересели на другой автобус. Водитель, не знаю на самом деле какой национальности, но очень на армянина смахивал, повёз нас с таким ветерком, что кое-кто готов был на ходу выскочить. Как утопил педаль газа в начале пути, так и гнал на предельной, за сто километров скорости до финиша. Пассажиры шумят, претензии на русском, английском, будто бы португальском выражают, ему хоть бы хны. В Испании все притихли. Узкая горная петляющая серпантинном дорога, в каких-то шагах от неё вместо обочины пропасть – метров восемьсот лететь. Лучше держать язык за зубами, не лезть под руку водителю с недовольствами скоростным режимом поездки.

Тут-то и начались разговоры про нашу братву, что обосновалась под лазурным небом Португалии. Я не поверил, посчитал – бабские страхи. Ну ладно, в России беспредел, но это ведь Европа.

Не исключая, водитель потому и гнал, намереваясь приехать раньше графика в Лиссабон, чтобы на его глазах наша

братва не дербанила нас. Пожалел русо туристов.

Смысл действий братвы следующий. Она прекрасно знает расписание, к приходу автобуса появляются сборщики дани и облупливают земляков, чтоб жизнь на чужбине мёдом не казалась. Автобус на вокзал прибыл, кого-то из попутчиков встретили знакомые, увезли, остальные разбрелись.

Я с первого раза не дозвонился до донны Розы, владелицы нашего так называемого отеля, через неё была связь с Витей. Сел на лавочку, рядом две женщины мои попутчицы, одной лет сорок и молодуха, к мужу приехала. Щекастая деваха и разговорчивая – не остановить. Муж её на БМВ копит, мечтает пусть не новый взять, но БМВ. И ещё один мужичок подсел, тоже из нашего автобуса. Этакое землячество образовалось.

Вдруг подруливают к нам два молодца. По виду один борец, второй просто здоровый. Может, в прошлом волейболист – высокий, длинноногий.

– Здравствуйте, – борец слащаво улыбается.

Кот увидел мышку.

– Здравствуй, коль не шутишь, – говорю не тоном мышки.

– Откуда прибыли? – борец с той же улыбочкой продолжает интервью.

Волейболист жвачку на высоте своих примерно ста девяноста сантиметрах молча терзает.

Любезничать с ними я не собирался:

– Тебя, – говорю, – это не должно интересовать. Ты про-

ходишь мимо.

Борец изменился в лице, улыбку тошнотворную согнал:

– А чё это ты со мной так разговариваешь?

– А чё бы я с тобой по-другому разговаривал. Ты проходишь мимо и дело в шляпе!

На их накат ответил своим. Я знал, что с ними справлюсь. Последний раз на чемпионате страны по рукопашному бою выступал в 36 лет. Это было три года назад.

Борец с ноткой угрозы в голосе бросил:

– Ну ладно, посмотрим.

Они ушли. Вскоре ещё двое нарисовались. Серьёзнее первых, один, скорее всего кикбоксёр и второй не волейболист. Эти двое и те – мне не по зубам. Мужичок, сидящий с нами – не подмога.

На руку сыграла несогласованность братвы. Кикбоксёр спрашивает:

– К вам подходили?

– Конечно, – говорю и показываю рукой, – туда пошли.

Они решили, нас уже облупили, и отправились в указанном направлении. Говорю соседкам:

– Девоньки, что-то душно становится. Берём вещи и с вокзала быстренько идём на скамеечки, что рядом с полицаем.

Так и сделали. Молодуха дозвонилась до мужа, тот приехал, забрал её и женщину заодно. Я тоже, дозвонившись до Донны Розы, взял такси и поехал к Вите, он обосновался в пригороде Лиссабона.

У донны Розы был двухэтажный дом, на втором жила с семьёй сама, а первый сдавала. Кроме этого в соседней пятиэтажке ей принадлежал один подъезд. Квартиры в нём тоже сдавала. Там, в частности, жили ребята, работавшие на мощении дороги, человек пятнадцать. Братва знала (служба оповещения не дремлет), когда «день дорожника» – работодатель привозил зарплату, и приезжали за данью. Двое из ребят-дорожников несколько раз приносили мне деньги, просили побереечь. Сбербанком работал.

В Португалии братва в основном хохлы и молдаване.

К нам однажды заявился представитель этого рода племени. Позиционировался под сицилийского мафиози – в костюме, широкополой шляпе. Мордоворот. Ну, мы тоже не хилые и не из пугливых. В соседней от нас комнате жили негры, Эрик и Дерик, не любили, когда их называли неполиткорректно – неграми. Были они из бывшей португальской колонии – Гвинеи-Бисау, да негр он и в Гвинеи-Бисау негр, поэтому случалось произвольно высказывал обидный для чернокожих термин.

У Вити, было дело, при Эрике случился подобный казус. Гвинеец тут же засветил обидчику. Витя хоть и говорил нам, что занимался боксом, удар пропустил. Эрик ростом за метр восемьдесят, в плечах шкаф, кулак под стать. Витя посыпался в угол комнаты, правда тут же вскочил на ноги и схватил кухонный нож со стола. Эрик не стал больше защищать чувство гвинейского достоинства, показал спину и бросился за

дверь.

Не испугались мы и «сицилийского мафиози». Он по-хозяйски начал задавать вопросы, мол, где работаете, что вам платят. Мы ему с иронией, без всякого почтения, мол, да разве можно задавать вот так вот напрямую такие нежные вопросы, это ведь коммерческая тайна.

– Как бы вам тайна боком не вышла! – начал угрожать.

– Да ладно, братан, – Витя ему, – мы же земляки!

– Тамбовский волк тебе земляк.

– Ну, тогда, – говорю, – гусь свинье не товарищ!

– Откуда вы такие разговорчивые?

– Сибирские лапти мы.

– Оно и видно!

– По твоей физиономии тоже не скажешь, что на Елисейских полях коровам хвосты крутил.

Попкириковались, одним словом.

– Ещё зайду, – пропустил мимо ушей Елисейские поля наш «мафиози».

Но больше не появлялся.

Они действовали на испуг. Уши прижал, жди, начнут доить.

Признаюсь, когда очутился в глубокой финансовой яме (случилось один раз такое), созрела нехорошая мысль. В отчаянном положении вышел на большую дорогу: поехал в Лиссабон с твёрдым намерением кого-нибудь из братвы грабануть. У работяг совесть бы не позволила, а экспроприи-

ровать у экспроприаторов разрешила. Сколько слышал историй, как эти уроды людей лишали заработанного, без копейки оставляли, домой не на что было уехать, или на вокзале приехавшего оберут до нитки. Вот и подумал, пусть хоть один почувствует, как это оказаться в шкуре ограбленного.

Господь отвёл от греха – никого не встретил из тех, кого бы потрясти. А когда вернулся на базу, мне сказали, что Дельфин набирает бригаду на стройку. Был такой патрон Дельф, мы его звали Дельфин. Сам бывший футболист, с уважением относился к спортсменам, на этой почве сошлись с ним.

Это я забежал вперёд, приезжаю к Вите, он ждёт меня в страшном нетерпении. С работой не складывалось. Я-то думал, Витя без меня развернётся, контакты наладит, а он последние свои деньги проел и ждал моих.

Где только омича не встретишь. Вова Хохлов сам Витю нашёл. Почти мой сосед – с Богдашки – улицы Богдана Хмельницкого. Болтун и проныра. Оказывал посреднические услуги между гасторбайтерами и работодателями. Подыскивал работу для нашего брата, имел деньги как от хозяина, так и от нас. Витю завтраками кормил-кормил, наконец, нас вместе устроил, мы поработали пару дней и поняли, на такие деньги, при такой работе не прожить. Да и Вова не понравился, слишком уж себе на уме тип – хитропопый, что называется.

Распрощались, а через два месяца по сарафанному радио

узнали – посадили Вову. Он проворачивал дела с документами на легализацию (нам тоже предлагал свои услуги), на махинациях и прихватила полиция земляка. Правда, как говорили знающие люди, португальским заключённым живётся сытнее, чем нам гасторбайтерам. По помойкам ходить не надо.

Последние десять дней в ожидании меня Витя жил на подножном корму. Собирал в заброшенных садах мандарины и апельсины, а также щёлкал кедровые орешки. Они в Португалии крупные и с толстой кожурой, как в дальневосточной тайге. Местные их не употребляют, зато Витя (голод не тётка – пирожка не подсунет) щёлкал их в большом количестве. Сидел сугубо на растительной пище.

На день раньше меня приехали к донне Розе на постой три хохлы с Западной Украины. Один моего возраста, в прошлом подполковником на зоне служил, а двоим хлопцам по двадцать с небольшим. Тётка Розка, как мы звали за глаза нашу донну, была где-то в отлучке, Витя увидел новеньких, гостеприимно зазвал к себе в комнату, дескать, подождите, чё на улице торчать. Приглашал с дальним прицелом. Хохлы посидели десять минут и «прицел» сработал, спрашивают, а можно перекусить.

– Какой разговор, – сглатывая обильную слюну, гостеприимно ответил Витя. Он всеми фибрами души чувствовал наличие в сумках сала.

Хохлы есть хохлы, появилась курочка с хрустящей короч-

кой, три вида сала, колбаса украинская.

Пригласили хозяина комнаты к богатому столу, Витя даже для приличия не стал отказываться, сразу согласился, но не с пустыми руками сел за трапезу, вытащил из-под кровати сумку.

– Ребята, угощайтесь, – начал щедро доставать фрукты, – апельсинчики, мандаринчики, сплошные витаминчики.

Жили мы у тётки Розки в двухэтажном доме на первом этаже. В одной комнате мы с Витей на двухэтажных нарах, рядом на кровати Аркаша Смолин, директор школы из Подмосковья, из Можайска. Кто-то зло посмеялся над ним, наговорил, как Витин дядя, что в Португалии можно заработать много денег. Аркаша у бывшего ученика, тот держал несколько ларьков, занял две тысячи долларов, которые бандюки дальше вокзала увезти не дали. Оставили без копейки. Бомжевал первое время. Больше года перебивался, найдёт работу, его кинут. Тотальное невезение. На поесть денег выдают, придёт время расчёта, ему досвидос. Нелегалу бесполезно справедливость искать.

С Аркашей в одной комнате спать было невозможно. Во сне стонал, зубами скрипел. Довели человека. В конце концов, кое-как набрал денег на дорогу, я ему сто долларов дал, он уехал. Про негров уже говорил. Третью комнату занимали хохлы из Мелитополя – Ленка и Володя. Отличные ребята. Не обижались, что хохлами их звал.

С ними познакомился следующим образом. Тороплюсь

утром на работу, выскакиваю на улицу, перед домом стоит дивчина с косой едва не до пят и плачет горькими слезами. С мужем сняли комнату в нашей квартире, она как увидела «номер», так и в рёв. Муж куда-то убежал, Ленка слезами обливается. На Украине была экспертом по недвижимости, фирмочку свою открыла. Могла себе позволить ездить по Европам – Испания, Италия, Франция. Бандюки, как известно, не только по вокзалам облупливают, в кабинетах тоже сидят. Ленка взятку вовремя не дала, нагрянула прокурорская проверка и нарыла криминал. Не Бог весть какой, только умные люди посоветовали отсидеться за границей. Выбирая место, остановились на Португалии, из глубокомысленных соображений: ещё не были в ней, мол, и поработаем и посмотрим. Разница небо и земля, если ты приезжаешь туристом «посмотреть» или предлагаешь себя наёмным работником.

Условия в нашем «отеле» были ещё те. Газовая плита допотопная, половина конфорок толком не работали. Газ в баллонах. Он даже в многоэтажных домах в баллонах. В тётки Розкиной пятиэтажке лифта не было, таскали баллоны на пятый этаж, пупы надрывая. Газовая колонка у нас работала так, что под душ встанешь, откроешь воду – холодная идёт, ждёшь-ждёшь, посинеешь весь, вдруг как хлынет голимый кипяток, и прыгаешь вокруг струи, вращая краны, стараясь, не ошпарившись, выставить подходящий температурный режим.

«Стиральная машина» в «отеле» – натуральное бетонное

корыто, с бетонной стиральной доской и вода холодная. Ленка увидела ненавязчивый сервис и в слёзы.

Подхожу к ней плачущей, она, носом хлюпая, по-английски со мной здоровается.

– Не выпендривайся, – говорю, – свой я.

Узнал, что к чему, скомандовал слёзы не лить, завёл на кухню, открыл холодильник, показал, где моя еда.

– Бери, что хочешь, – говорю, – ешь без всяких стеснений. Еда успокаивает. Сейчас некогда, бегу на работу, вечером всё расскажу, введу в курс дела.

Объяснил, где ближайший магазин, спрашиваю:

– Язык какой-нибудь знаешь.

– Иняз, – говорит, – заканчивала, на английском свободно разговариваю.

– Значит, объяснишься без проблем.

Я настолько сблизился с Ленкой и Вовой, сколько раз созванивались после того, как я уехал из Португалии. Сначала в Португалию им звонил или они мне. Потом на Украину.

У Ленки волосы были уникальные – до пят. Заплетёт в косу покороче, а всё одно – ниже колен. Русая коса. Мыть такие волосы не так-то просто, одна не могла, Володя помогал. С таким богатством её хоть куда на работу брали. Португальцы теряли дар речи от её косы: «Кобелу! Кобелу!» Волосы, значит. Ленка сама эффектная – кровь с молоком, кожа белая, ещё и коса... Если ей в одном месте не нравилась работа, быстро находила в другом. Володя с нами на стройке

работал. А в принципе, они не бедствовали, деньги заканчивались, им присылали. Ленка больше сидела дома.

Что касается меня, тоже не голодал, в нужный момент находилась работа. Не было такого, чтобы сидел без хлеба или на жильё деньги не находились. Койка стоила сто долларов в месяц. Случалось ели с помойки. Не в прямом нашем смысле, собирая объедки. Хохлы, те, что Витю кормили курицей, были в курсе португальских особенностей, скоренько определились с помойками и местных бомжей потеснили. Просроченные продукты на помойку выбрасывают – печенье, конфеты, всё в упаковке. У нас дату перебивают, а здесь вываливают в мусорные контейнеры. Однако дальнейшего утилизационного хода просроченным продуктам гасторбайтеры не давали, и в мусоросборщик они не попадали.

В принципе нормальный вкус, только однажды после печенья мой слабый желудок разнылся, видимо, маргарин был совсем старый.

Португалию, как и армию, с тёплым чувством вспоминаю. Компания в квартире подобралась отличная. Часто по вечерам на кухне собирались. Этакая кают-компания была. Негры тоже с нами. Понимали друг друга, что-то по-португальски, что-то по-английски.

Однажды на таких посиделках Ленка сообщила: встрети-лась с русскоговорящими, рассказали, что здесь неподалёку есть место под названием Фатима. Пользуется особым почитанием у католиков, там церковь, статуя Девы Марии. Папа

Римский Павел II ежегодно приезжает туда молиться. Негр Эрик говорит:

– Вот дураки, памятнику молятся, а бог он везде, в дереве, в цветке.

Я давай нести какую-то чушь, тогда был невоцерковлён, что крест – это сброс энергии.

Посидели, поумничали, потом Ленке говорю:

– Лена, выясни поподробнее о Фатиме, не мешало бы съездить посмотреть.

Ленка всё разузнала, с ней вдвоём в воскресенье, Володя что-то не смог, отправились. Ехали сначала поездом, потом автобусом.

Огромная площадь, огромный храм, базилика по-католически, статуя Божьей Матери. Если в двух словах (это я уже позже прочитал), в 1917 году, начиная с тринадцатого мая, в течение полугода, каждый месяц тринадцатого числа детям являлась в одном и том же месте Пресвятая Богородица. Последний раз это случилось тринадцатого октября при огромном стечении народа (более семидесяти тысяч). Явление Богородицы сопровождалось чудом – солнце совершало самые невероятные движение, вращалось в обратную сторону, перемещалось сверху вниз. Пугая собравшихся, начинало падать на них. Богородица сказала детям, что война (имелась в виду Первая мировая) скоро закончится, но при следующем Папе Римском пройдёт более страшная. (Она и прошла – Вторая мировая). Пастушки две девочки и мальчик. Маль-

чику Богородица предсказала скорую смерть. Недолго прожила и вторая девочка, а третья, Лусия, стала монахиней, была ещё жива, когда мы с Ленкой ездили в Фатиму.

В Фатиме есть длинная высокая стена, исписанная словами из Евангелия на разных языках: «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь». На русском надпись прямо над проходом. Он узкий, сантиметров восемьдесят, а то и меньше. От него наискосок через огромную площадь перед базиликой тянется бетонная дорожка к стеклянной часовне, построенной на месте явления Богородицы Матери детям. Дорожка длиной метров триста-четырееста. Этот путь проходят на коленях до самой статуи Девы Марии, находящейся в часовне.

Когда обсуждали план поездки, Ленка спросила:

– На коленях пойдёшь?

Сказал, если сердце подскажет, пойду, нет – извините.

Сердце подсказало.

Подошли к дорожке, один за другим паломники на колени встают (мужчины, женщины, в возрасте, молодые) и лихо, как лыжники, пошли-пошли. Скоренько так. Пригляделся – всё просто, у них наколенники. Ленка говорит:

– Саша, я за ночь себе сшила, ты не просил, не знала – надо нет.

– Я вообще не в курсе, что наколенники нужны.

– Наверное, забыла сказать. Но вот прихватила для тебя перчатки и булавки. Давай приспособим. Всё лучше, чем ничего.

Перчатки рабочие, шов грубый. Булавки туда-сюда ходят при движении, швы давят. Я был в тонких джинсах. Кстати, по сей день целы, а прошло более пятнадцати лет. Ленка на колени встала, фьють, как лыжница, и улетела. Я сделал пару шагов в Ленкином ритме, и понял – сегодня не мой полётный день. Коленьями чувствовал каждую песчинку. С виду, когда на ногах стоишь, кажется, дорожка безупречно ровная, миллионами паломников идеально отполированная. Метров через двадцать от старта мои колени были сбиты до кровотечения. Начал молиться. Молитв практически не знал. Просил: «Пресвятая Богородица, помоги». Всю дорогу твердил, чтобы помогла разрешить ситуацию, сохранить семью, вернуть любовь к жене. «Да, я накосячил, надурил, прости и помилуй». Пока молюсь, боль не чувствую, притупляется, стоит выпасть из молитвы – колени огнём горят.

Более часа черепахой двигался до часовни, в голове: через любую боль дойду, доползу, преодолею, тогда всё будет хорошо в семье. А Марина пусть найдёт свой путь.

Ползу через боль, «лыжники» мимо пролетают. До часовни добрался, дальше по дуге идти к входу. Расстояние всего ничего, да сил не осталось, ещё с полчаса потратил, повторяя одно: «Пресвятая Богородица, помоги». Дохожу до дверей, их перед моим носом хлоп и закрыли. Случайностей не бывает, раз не перед кем-то, передо мной, значит, надо терпеть дальше.

Потом узнал, монахи начали службу в часовне. Упорно

ждал часа полтора. Даже просто отстоять на коленях полтора часа мёдом не покажется, не зря раньше за провинность детей на колени ставили, здесь колени вдрызг стёртые. Места живого не осталось. Перенесу тяжесть на одно, давая отдохнуть другому, или сяду на пятки – всё равно не легче. Но я упёртый, решил стоять до победы. Ленка давно прошла, через стеклянные стены часовни вижу, на лавочке сидит, ждёт меня.

Наконец двери открылись. Пока я колени включал и ход набирал, «лыжников» пять обогнали меня и в часовню проскочили. Прохожу метра два, ещё столько же передо мной, затем поворот, а там и статуя Девы Марии. Рукой подать осталось и новая напасть – судорога. Не только ноги – спину и всё остальное свело. С детства знаю метод борьбы с судорогой: плывёшь, и если начинает сводить ногу, распрями в колене и тяни носок на себя. Мне куда распрямлять? Ноги, спину всё заколодило.

Паломники в часовне на скамьях сидят, на меня с удивлением уставились, что за корчи? Мария Египетская порог храма не могла переступить, назад грешницу отбрасывало, меня судорога не пускает. Можно было встать на ноги, нет – не мог слабинку позволить и сдаться. Опираюсь на кулаки и всё своё скрюченное тулово тащу вперёд, врагу не сдаётся наш гордый «Варяг».

Два метра до поворота и столько же после протащил себя на кулаках, упал перед статуей, уткнулся лбом в землю:

«Помоги, Богородица, помоги».

Не помню, сколько молился, времени не чувствовал. Потом резко встал на ноги и спокойно вышел из часовни. Коленки болели, но судорога прошла, спину отпустило.

У Ленки глаза круглые, она видела, как полз. Вдруг легко встал и вышел.

Была ли услышана моя молитва? Скорее – да. Хотя после Португалии ещё косячил и косячил, но в моей жизни появился батюшка Савва. Без него навряд ли семья сохранилась.

У Ленки с Володей семья тоже чуть было не развалилась. Ленка рассказывала, за полгода до Португалии она уехала к тётке в Николаев, Володя устроил мальчишник. Какой мальчишник без девчонок. Ленке доложили. Володя клялся и божился – не изменял ей. Она не верила, поставила вопрос ребром – расходимся. Никаких пауз брать не стала, тут же по интернету нашла себе мужичка в Англии и поехала знакомиться. В Соединённом Королевстве остыла, протрезвела, да и англичанин не пришёлся по вкусу. «Какой-то мухомор облезлый, да ещё с гонором, – рассказывала. – Я себя не в мусорном баке нашла, он думал, стелиться перед ним буду. Нос дерёт, как же – истинный британец! Так и хотелось сказать: да ты на себя в зеркало-то посмотри, чучело-чемучело! К нему такое богатство привалило, одна коса чего стоит, должен в лепёшку расшибиться от такой роскошной женщины!»

Вернулась домой, и тут начались проблемы, не до семейных разборок стало, не до выяснений, кто прав, а кто ещё правее, ноги в горсть и вместе с Володей сбежали в Португалию.

– Не ценишь, – говорил ей, – что тебе дали. Абсолютно не ценишь. Есть вещи, которые случайно могут произойти, надо включать терпение, смирение, понимание.

После Португалии она стала депутатом горсовета. Позвонила мне, мол, выиграла выборы.

– Тебе, – говорю, – надо дитё рожать, а ты полезла в политику. Ты слышишь меня, – повторил, – рожать!

– Да слышу, – смеётся, – не глухая.

Не знаю, меня ли послушалась, у самой ли дошло, но молодец, года через полтора родила, позвонила, Богданом назвали. Зови, говорю, на крестины.

В Португалии восемь месяцев пробыл, жил бы ещё, не собирался уезжать, да сыграли свою роль два обстоятельства. Первым по хронологии был разговор по телефону с Мариной. Из него понял, у неё появился другой. Мне бы радоваться, хлопать в ладоши, в пляс пуститься – свершилось! Пресвятая Богородица услышала, помогла. Сколько хотел, чтобы нашла мужчину с серьёзными намерениями, вышла замуж, навсегда исчезла с моего горизонта, обрубилa все ниточки и канаты, больше ни звонков, ни встреч.

Две недели после звонка места себе не находил. Настолько переживал, Ленка за меня стала волноваться:

– Саша, нельзя так изводить себя!

А во мне всё клокочет! Спать не могу, аппетита нет. Не мальчишка. Ладно, в техникуме на воров курсе одна особа, в которую был по уши влюблён, категоричный отлуп дала, отповедь прочитала. Пришёл после этого домой, лёг спать – не могу. Вскочил, побежал за ворота. Ночь, я весь на взводе туда-сюда улицу шагами, близкими к бегу, измеряю. Мама вышла: «Сынок, что случилось?» Накричал: «Что ты за мной шпионишь?»

Пацан был, мальчишка. Тут мужику сороковник, хуже того студента. Отелло почище шекспировского.

Потом позвонила жена:

– Не могу справиться с сыновьями, мозги набекрень, не слушаются вообще. В школе с двойки на тройку, с улицы домой не загонишь.

Мише тринадцать, Коле четырнадцать, самый переходный возраст. Жена боялась, как бы не пошли по плохой дорожке. Коле нужны были деньги, унёс из дома мой новый отличный портфель, кожаную куртку на меху. Тащил исключительно мои вещи, думал, мать не заметит.

Одни словом, надо ехать. Когда уезжал, у Ленки слёзы на-вернулись:

– Ты как брат стал.

Володя подарил отличный нож.

Жалко, война сейчас на Украине, наша связь прервалась.

Глава девятая

Зов

Приехал из Португалии, и со страшной силой потянуло к тому, отчего бежал. Придумал для себя умную причину: надо ситуацию окончательно разрешить, дабы никаких неясностей не оставалось. Нашла себе мужчину – и хорошо. Тем не менее надо встретиться с Мариной и с глазу на глаз расставить все точки. Всё-таки не совсем чужие люди.

Связи с Мариной были утрачены. Имелась единственная зацепка найти её – телефон квартиры, в которой жила до моего отъезда. С квартиры давно съехала, да для нас разведчиков это не проблема: полюбезничал с хозяйкой и разузнал номер телефона магазина, где работала Марина. Наводка сработала отчасти. Марина успела уволиться из данной торговой точки. Женский голос, сообщивший данную информацию, не удалось сходу обаять и склонить к сотрудничеству на все сто процентов, лишь на пятьдесят – телефон Марины не получил, но было обещано передать ей о моём звонке.

Через час сердце оборвалось – услышал в трубке Марину. Сухо предложила вечером встретиться в кафе на Тарской. Пришла точно, пунктуальность была её коньком. Яркая, летняя. Новая причёска, незнакомые духи. Обычно я дарил, но

выбирали вместе.

– Новые ароматы, – не смог удержаться от комментариев.

– Да! – прозвучал односложный ответ.

– Подарок от мужчины? – бес толкал меня на провокации.

– Да! – кивнула головой.

Меня охватило волнение от её близости, от возможности снова видеть её вот так вот рядом. Сколько раз представлял в Португалии нашу встречу.

Сели за столик. Попросила заказать кофе, мороженное. От вина отказалась.

Не откладывая в долгий ящик, сообщила, что у неё новый мужчина. Возможно, для этого и назначила встречу.

Подчеркнула:

– Отношения у нас самые серьёзные.

Информация резанула по сердцу. Знал ведь, да одно дело услышать от кого-то, совсем другое – вот так вот в лоб окончательно и бесповоротно.

Вида не подал и ничего глупее не придумал, как пожелать «самого-самого». Дескать, желаю вам счастья, радости и Ангела-хранителя.

И тут же, совершенно ни к селу ни к городу, вразрез с настроением Марины начал вспоминать курьёзный случай из португальской эпопеи.

Случай такой. Из соображения экономии финансовых средств, так как мужской куриный пол дешевле женского, для приготовления обеда купил я петуха. Супчика курино-

го захотелось. Загрузил птицу в кастрюлю, варю, заходит на кухню наша донна – тётка Розка.

– Что варишь? – спрашивает.

По-португальски, само собой изъясняемся.

Элементарный вопрос, да у меня на элементарный ответ начисто вылетело, как по-португальски петух будет звучать. Курица – голинья, прекрасно помню, петух, как ни морщу мозги, не идёт в голову.

Голь на выдумки хитра. Вывернулся обходным путём.

– Пай крианса голинья, – доложил хозяйке о содержимом кастрюли, стоящей на огне.

В переводе означает: папа детей курицы.

Донна Роза (женщина дородная, смуглая, губастая) какие-то секунды смотрела непонимающе, потом как зальётся смехом. Да захлёб. Не удержался и я от заразительного португальского смеха. Хохочем вдвоём, не можем остановиться.

На наше веселье выглянула Ленка из своей комнаты. Тётка Розка давай ей рассказывать о папе детей курицы.

Недели на две получил я кличку «пай крианса голинья».

– Весело в Португалии было? – посмотрела мне в глаза Марина.

– Конечно! – по-пионерски ответил я, только что руку не скинул в салюте.

– Что ж так быстро вернулся? Веселился бы дальше.

– Я соскучилась по тебе, Сарожа! – продолжил я дурашливый тон.

– Ну и зря!

– Понятно, что зря, да вот так запросто себя не переделаешь!

Выйдя из кафе, распрощались на крыльце, и каждый направился в свою сторону.

Был августовский вечер. Солнце пламенно окрасило небо за Иртышём. Никуда идти не хотелось. На месте Успенского собора бил фонтан. Только через пять лет начнут восстанавливать храм, и под фонтаном обнаружат мощи священномученика Сильвестра. Подошёл к фонтану, сел на лавочку. На душе было скверно. Убеждал себя – всё прекрасно. Мы с Мариной чужие люди, нашла мне замену и ладно. Были у меня деньги – был нужен, оказался на мели – прощай-прощай и ничего не обещавай. Но как ни успокаивал себя, в груди кипела обида, страшная обида. Гордыня (мною пренебрегли, меня предпочли другому) рвала сердце.

Марина позвонила на следующий день, и закрутилось всё по новой.

Только что дорожка старая.

Жена месяца три пребывала в неведении, верила, я «перереформатировался» в Португалии, вылечился. Я не то, что вылечился, рецидив начался – только держись.

С работой откровенно повезло, лучшего и желать не надо было. Позвонила будущая кума – Нина Березина. Через год стал крёстным её дочери Иринки. Ира зовёт меня папа Саша. С мужем у Нины не сложилось, разошлись, Иринке лет

четыренадцать было, спрашивает:

– Можно буду звать вас папой Сашей?

– Я тебе крёстный отец, – говорю, зови.

Сейчас ей двадцать четыре года, так и зовёт.

Нина наткнулась в газете на объявление: салон элитных кухонь в Омске, филиал московской фирмы, ищет директора. Без особой надежды, да попытка не пытка, позвонил в кадровое агентство, оставил свои данные. Через пару дней получаю ответ: я один из претендентов на высокую должность. Надо слетать в Москву на собеседование с владельцем фирмы. В самолёте вычислил конкурента. Ира Морозова занималась финскими кухнями, была продавцом – начальником отдела по продажам. Не сомневалась в своей победе, но когда поговорили с ней в электричке, по пути из аэропорта, скисла, поняла: вес у меня и производственный, и торговый солиднее.

Омский филиал начал быстро набирать обороты. Я подобрал хороших дизайнеров, мужиков-сборщиков. Кого-то подтянул, с кем работал по мягкой мебели. Дело пошло.

Позвонил в Португалию Ленке, сообщил, что теперь не абы как, а директор мебельного салона.

– Молодец! – порадовалась Ленка.

На следующий день сама позвонила, передала от всех приветы, отдельный от донны Розы. Тётка Розка на информацию о моём директорстве прореагировала:

– О-о-о! Пай крианса голинья – патрон!

Жизнь пошла в гору, открылись новые горизонты. Работал с удовольствием, в те времена любил решать масштабные задачи, чтобы вокруг меня всё крутилось, менялось, в голове роились новые идеи.

В первые полгода после возвращения из Португалии своей машины не было, уезжая в Португалию, оставил две жене, одну она продала («тойоту»), купила два контейнера на оптовке, на «хонде» ездила.

В тот день мне понадобилось помотаться по городу, попросил машину у брата. Под вечер позвонил Марине, подобрал её.

На светофоре, на пересечении Орджоникидзе и Фрунзе остановился и замечаю боковым зрением – подъезжает жена. Делаю вид, что не вижу – всё моё внимание сосредоточено на светофоре. Загорелся зелёный, с места взял в карьер.

Жене трудно было не заметить Марину, на протяжении полуминуты стояли на расстоянии вытянутой руки.

Высадил Марину, хотя собирался зайти к ней, сказал, что понадобилось срочно вернуться в салон.

Следом за мной к салону подъехала жена.

– Что опять? – сузила глаза.

Сказал, что случайно встретил Марину и подвёз.

Для жены встреча у светофора оказалась таким шоком, таким ударом, что у неё начались астматические приступы.

Глава десятая

Сергий Радонежский

В тридцать три года благодаря жене я крестился. Не предложи она, долго бы, наверное, ходил нехристом. И к отцу Савве привела жена, батюшке, который стал открытием моей жизни – духовным отцом, наставником, учителем. Он и сейчас, будучи в сонме ангелов небесных, молится за меня грешного.

Кто-то из знакомых посоветовал жене обратиться к старцу Савве. Жена была в таком состоянии, что не знала, что делать со своей жизнью. Я и дома, и нет меня. Не ухожу из семьи и лишь отчасти принадлежу ей. Парни, привыкшие с малых лет, что отец всегда рядом, всегда с ними, расценили моё отдаление, как предательство, начали отбиваться от рук. Жена стала искать выход из ситуации, тогда-то и подсказали, что есть иеромонах, служит в Крестовоздвиженском соборе, владыкой Феодосием благословлён на старчество. Пошла к нему. Как сама говорила, с первых минут общения почувствовала сердечную заинтересованность в её судьбе, искреннее желание помочь. «Во второй или третий раз, – рассказывала, – пришла к батюшке рано, никого ещё не было, разоткровенничалась, говорю-говорю, сама, плачу, потом голову

понимаю, а у него в глазах слёзы».

Однажды батюшка сказал ей:

– Знаешь что, если не в силах больше мириться с таким мужем – разводись. Он несёт домой нечистоту, а у вас дети. Надо и о них думать.

Жена подала на развод.

Я был категорически против, просил потерпеть.

– Сколько прикажешь терпеть? – спросила. – Сколько? Месяц? Два? Год? Десять? Назови мне срок!

Не знал, что отвечать. И клятвенное обещание дать не мог.

Скажи кто тогда, что придётся ей терпеть ещё восемь лет, не поверил бы.

– Как ты не поймёшь, – говорила, – не могу жить в подвешенном состоянии! Ты и здесь, и тебя нет. Одной ногой дома, второй у неё. В конце концов, прибейся к какому-нибудь берегу.

– У меня есть берег.

– Болото у тебя, а не берег.

Развели по её заявлению.

Не считал, что в разводе. Всё оставалось по-прежнему. Жил дома, давал жене деньги, иногда отправлялись вместе в храм. Жена ходила всегда с дочерью, случалось, составлял им компанию. На большие праздники отдавал команду сыновьям – ехали на службу всей семьёй. Не сказать, парни с охотой брали под козырёк, но слушались.

Развестись мы развелись, но жена надежду не теряла на моё исправление, принося из церкви православные газеты, подкладывала мне. В одной встретил историю, вроде бы ничего особенного, такого рода не один рассказ прочитал, этот на меня подействовал.

В коротком пересказе звучит так. Москва, православная семья, две дочери, одной десять лет, другая взрослая. Младшая увидела на подружке золотые серёжки и потеряла покой. Невмоготу как захотела такие же.

Мама едва дар речи не потеряла:

– Ты представляешь, сколько эти цацки стоят?

Девочка ожидала мамину реакцию, приготовила контрдовод:

– Ты обещала мне новую шубку, не покупай, подошьешь старую, а на сэкономленные деньги можно купить серёжки.

– Да что за блажь такая?! Не выдумывай!

Девочка поняла – серёжек от мамы не видать, ни под каким предлогом.

На следующее утро сделала вид, что отправилась в школу, сама на электричку и к Сергию Радонежскому в Троице-Сергиеву лавру.

Перед ракой с мощами угодника стала просить золотые серёжки. У всех подружек есть, а у неё нет. Мама не купит, нет денег, а ей так хочется. Чем она хуже других?

«Ну что тебе стоит, батюшка Сергей, подари серёжки».

Такая вот молитва. Со слезами.

Блажь, казалось бы, элементарная блажь. Но ведь ни куда-нибудь, к святому ребёнок поехал. В электричке молилась, в монастыре. Обещала хорошо учиться, ходить в церковь без маминых упрашиваний.

Один раз съездила в лавру, второй. На третий столкнулась в монастыре с подругой старшей сестры. Понятно, что та доложила о встрече с юной паломницей её матери.

Девочка получила хорошую взбучку. Мало того, школу пропускает, ещё и в такую даль одна ездит.

Проходит два дня, мама встречается на улице со знакомой молодой женщиной, когда-то в одну церковь ходили, и рассказывает о младшей дочери, которая вбила себе в голову: купи ей золотые серёжки. Дошло до того, что поехала к Сергию Радонежскому: ты мне серёжки, а я буду хорошо учиться.

Поведала мама о семейной драме не без иронии.

На что знакомая вынула из ушей золотые серёжки и со словами: «Твоей Таньке от Сергия Радонежского», – вложила в руку рассказчице.

Девочка ездила в Троице-Сергиеву лавру просить серёжки, женщина просила приход мужу.

Тот окончил духовную академию, рукоположили, а прихода не дают. Месяц ждёт, второй, полгода. Дитё растёт, помощи со стороны никакой. Матушка собралась и поехала к Сергию Радонежскому. Взмолилась, так и так, бедствуем, помощи, нет у меня ничего, кроме серёжек, пожертвую тебе,

только помоги.

Минует неделя, приходит разнарядка, и батюшку отправляют настоятелем в храм с хорошим приходом. Матушка не забыла свой обет, помчалась в лавру. Подошла к раке, сняла серёжки, а куда их положить не знает? Постояла-постояла, как неприкаянная, да и вышла из храма.

Нацепила серёжки и побрела на электричку. Вернулась в Москву и узнала, кому отдать серёжки.

Рассказ запал в мою душу. Обсуждал с женой, с Мариной. И та и другая воспринимали с долей сомнения, я сразу и безоговорочно поверил. Молилась девочка, молилась матушка. Ещё неизвестно, чья молитва была горячее, и кому в первую очередь помог святой Сергей.

Раньше для меня все иконы в Крестовоздвиженском соборе были одинаковы, после рассказа с серёжками образ Сергия Радонежского стал роднее. К примеру, ты знал в лицо соседа по подъезду не один год, здоровался с ним, потом до тебя доходит информация, он, когда жена тяжело заболела, бросил работу и всего себя посвятил ей. Человек оказался способным на подвиг самоотречения. После чего становится для тебя не просто соседом, а человеком вызывающим искреннее уважение, интерес.

В Крестовоздвиженском соборе большая икона Сергия Радонежского, с частицей мощей святого. Стал сугубо молиться перед этим образом. Просил святого устроить так, чтобы побывал у него в Троице-Сергиевой лавре.

По своей темноте считал – лавра находится в самой Москве. А где ей, рассуждал, быть такой знаменитой. Подкузьмила колокольня Новоспасского монастыря. Проезжал мимо и сделал для себя ложное открытие: вот он где монастырь, основанный Сергием Радонежским. Колокольню Троице-Сергиева монастыря видел на фото, самоуверенно решил, глядя на Новоспасский, вот же она. Подумал: когда-то монастырь был за городом, Москва, расширяясь, прибрала к своим рукам. Она всё, что получше, прибирает.

Посему, собираясь в очередную командировку в Москву, запланировал выкроить три-четыре часа для лавры.

Билеты брал, как и большинство наших директоров, кто летал на самолётах, сразу в оба конца с открытой датой на обратную дорогу. В те времена была такая услуга, удобно – можно всегда подстроиться, или раньше улететь, или, наоборот, если дела задерживали – позже, без всякой суеты с переносом даты вылета. В тот раз в первый день решали производственные вопросы, на второй был назначен семинар для директоров. Учредитель любил нам устраивать учёбы. Надо отдать должное, правильно делал, в основном толковые люди нас образовывали.

Отучились, в моём распоряжении осталось вполне достаточно времени для поездки к Сергию Радонежскому, улетал поздно вечером. После семинара зашёл в торговый комплекс, надо было что-нибудь купить дочери. Всегда с нетерпением ждала из командировок. Даже если среди ночи при-

езжал, обязательно выскочит с заспанными глазёнками в коридор: «Что привёз?»

Рассчитывал, куплю подарок и поеду в лавру.

На первом этаже торгового комплекса попалась на глаза церковная лавка с литературой. Не мог пройти мимо. Первое, что увидел – фотоальбом по Троице-Сергиевой лавре. Открываю, начинаю читать и понимаю, что никакой лавры не видать сегодня как своих ушей. Она не в двадцати минутах на метро, а в бывшем Загорске. Полтора часа на электричке.

Вернулся обратно на фабрику, там был офис головной фирмы. Туда же подошли директора новосибирского и самарского филиалов.

Я со всеми директорами был в хороших отношениях. С этими двумя сошёлся ближе всего. Вова Самарский... Фамилия у него была Светличный, да всех директоров он перекрестил на свой лад, я стал Сашей Омским, Максим Цаплин из Новосибирска – Максом Сибирским. Был ещё Толик Волгоградский, Гена Питерский... Одним словом, развлекался Вова...

– Ну а что, – говорил, – сразу имя и география. Удобно. Мы его звали в его же формате – Вова Самарский.

Принадлежал он к той породе, кто отлично вписался в новые времена. Депутатом горсовета успел побывать, в мэрии работал. Связи имел от серьёзных чиновников до серьёзных братков. Во всяком случае, среду криминалитета знал и она его.

В прошлом спортсмен. В советское время входил в сборную России по вольной борьбе. Характер имел далеко не нордический – взрывной.

Рассказывал, криминальный авторитет средней руки занял у него денег. И решил не отдавать. Держал он кафе за городом. Вова подумал, что если гора не идёт к Магомету с долгом, надо самому съездить за своими кровными. Заходит в офис, телохранитель тут же сидит. Вова изложил своё желание-требование: пора должок вернуть. На что получает недвусмысленный ответ: какие деньги? Пошёл вон! Самарский не стал доказывать, что товарищ не прав. Но по дороге по указанному адресу начал зажигаться. Вышел из кафе, оно прилично за городом, газа нет, кочегарка на угле, у её стены короткая штыковая лопата. Вова берёт её, за спину прячет, спина такой площади, за ней экскаватор средних размеров укроется, и плечи у Вовы косая сажень.

Возвращается в офис. И без предупреждения плашмя лопатой должника по голове. Охранник не успел пистолет выхватить, как остриё лопаты упёрлось в горло с Вовиным предупреждением: дёрнешься – башка с плеч. Пистолет приказал бросить на пол. Подобрал огнестрельное оружие. В одной руке оно, в другой шанцевый инструмент. Должник, приглубленный лопатой, в себя пришёл. Вова к его горлу шанцевый инструмент приставил. Да с таким выражением лица, что должник залепетал: «Иваныч, да я пошутил, вон в барсетке деньги, тебе приготовил...»

Говоря о Вове Самарском, не могу не вспомнить случай, имевший место быть в Москве в 2007-м, как раз за год до знаменательной для меня поездки в Бари. О Бари расскажу отдельно, пока о том памятном происшествии. Учёбы, что нам в Москве устраивали, в разных местах проходили, в тот раз в гостинице «Космос».

Самолёт вовремя из Омска прилетел, на метро я до ВДНХ доехал. Выхожу из вагона, указатели со стрелочками, как у богатыря на распутье: налево пойдёшь – голова с плеч, направо – коня потеряешь, прямо – счастье найдёшь. В метро голову снести не обещали, без этих страстей выбор: ВДНХ, гостиница «Космос», и указатель «К Тихвинскому храму в Алексеевском». На ВДНХ идти не хотелось – это с утра пораньше непереносимое многолюдье, суета. Гостиница успеет, в ней своё круглосуточное коловращение: проститутки, бизнесмены. Выбрал церковь. На часах ещё и девяти утра не было, полдня в моём распоряжении, пока, думаю, наши соберутся, посмотрю храм.

Церковь старинная, не новодел, XVII век, никогда не закрывалась. Шла литургия, постоял, помолился, так хорошо.

Выхожу из храма, взгляд натывается на табличку с указателем, отправляющим на могилу схиеромонаха Иннокентия (Орешина). Заинтересовал меня схиеромонах. Пошёл к нему. Металлическая оградка, ажурный кованый крест в зелёную краску выкрашен. Примерно такой же, как на Старо-Северном кладбище в Омске у протоирея Аполлония

Волкова, только что в зелёную краску выкрашен. Сейчас, говорят, батюшке Иннокентию гранитный поставили, ограда другая. А тогда крест был металлический с фотографией старца. Свечку затеплил. На могилку можно было поставить, на столик, и ещё был подсвечник пониже столика. Я на могилу поставил, помолился. На душе благостно, умиротворённо.

В тот приезд во вторник-среду напряжённо учились, тут же в «Космосе» занятия проходили, в четверг на вторую половину дня что-то ещё было запланировано, с утра до обеда делай что хочешь. Наши куда-то собрались, я отказался, нет, говорю, пойду на литургию.

Вова Самарский ко мне подходит:

– Возьми с собой, я ведь батю похоронил, завтра девять дней.

Отчитал его:

– Почему не позвонил, я бы со своей стороны сорокоуст заказал. Надо усиленно молиться в эти дни за его душу.

– Как-то всё неожиданно, – с благодарностью посмотрел мне в глаза, – не до звонков, если честно, было.

Пошли с ним на службу, записки на проскомидию подали, панихиду заказали.

После литургии позвал Самарского к схииеромонаху Иннокентию. Купили во дворе храма по паре самых больших свечей. Конец мая, день яркий, солнечный. По одной свече тут же поставили, подсвечник с навесиком в виде двускат-

ной крыши с крестиком на коньке, свечи в песок втыкаются. Свечи, что предназначались отцу Иннокентию, зажгли. Женщина на свечном ящике подсказала:

– Если спичек нет с собой, зажгите здесь. На могилке могут и не гореть.

Мы с Вовой оба некурящие.

Идём с горящими свечами. А тихо-тихо, полный штиль, закрывать ладонью огоньки от ветра не надо. Подходим к могиле, зажигаем от своих свечей остальные, которые там были. На самом деле не горели.

Постояли минут десять молча. Каждый про себя помолился. Вдруг дерзновенная мысль возникла.

«Отец Иннокентий, – обращаюсь к старцу, – если слышишь нас, дай знак».

Вова свою свечу на могилку поставил и говорит:

– У храма тебя подожду.

Свечи остриями огоньков к небу тянутся. И тихо-тихо. Город совсем рядом, а ни звука постороннего не долетает.

Я за оградку вышел, калитку за собой закрываю. Ограда, как и крест, зелёной краской покрашена. Калитку прикрыл – и тут же все свечки разом погасли. Ни дуновения, ни ветерка. И словно кто саблей срубил огоньки. Во всех трёх уровнях – на могиле, на столике, на подсвечнике... Все-все.

Можно ещё такое сравнение привести: реле щёлкнуло – сеть обесточилась.

Я замер от неожиданности. Вова, будто почувствовал спи-

ной, обращивается:

– Что – все сразу?

Такой батюшка там лежит.

В аэропорт вечером приехали втроём. Сначала Вова Самарский улетал, через час – Макс Новосибирский, после Макса я. Пошли билеты отмечать. Самарскому говорят: мест нет. Вова сначала вспыхнул скандалить, потом позвонил кому-то – место появилось. У него не только в Самаре завязки. Нам с Витей тоже от ворот поворот: нет мест.

Самарский, уходя на посадку, сунул мне на прощанье тысячу рублей:

– Вдруг не улетишь. Меня встретят, а ты весь растратился.

Максу в последний момент повезло, появилось место на Новосибирск. Тоже пошарил по карманам, две тысячи мне протягивает:

– На, потом отдашь.

Их деньги оказались очень кстати. Мне не подфартило, место так и не появилось.

Выхожу из здания аэропорта и сталкиваюсь со знакомым по Омску, он перебрался в Москву, в тот вечер провожал жену. Ей больше повезло, чем мне, улетела в Омск. Предложил подвезти до метро.

По дороге рассказал ему о своей ошибке с лаврой.

– Тебе с Ярославского вокзала надо ехать на электричке, – разъяснил. – Часто ходят.

Называю подобную ситуацию – ворота открыты. Стоило

им распахнуться для поездки к Сергию Радонежскому, всё пошло по накатанной. Вернулся в гостиницу, где мы, директора филиалов, всегда останавливались, на ресепшен хорошая знакомая. Заикнулся о лавре, тут же зашла в интернет, план поездки нарисовала: во столько-то выйти из гостиницы, так-то доехать до Ярославского вокзала, оттуда электрички отходят в такое-то время, а обратно уезжать, чтобы не опоздать на самолёт, надо тогда-то.

Одним словом, ворота открыты.

На следующее утро в девять часов был в монастыре. Не стал никого спрашивать, сначала в Успенский храм зашёл, там находится деревянный гроб – самая первая рака, в которой покоились мощи святого. Потом ноги привели в Троицкий собор, к современной раке с мощами преподобного Сергия.

Ходил воодушевлённый – со мной настоящее чудо произошло. Цепочка событий – не улетел, встретил омича, женщина на ресепшен – не просто так выстроилась. Одно за другое не случайно зацепилось. Я обратился к Сергию Радонежскому с просьбой побывать в его обители, и он услышал.

За монастырскими стенами часовня стоит. Был случай, когда братия возроптала на игумена отца Сергия. Дескать, зачем основал обитель в столь неудобном месте, будто нельзя было получше найти. Не ближний свет воду носить на монастырские нужды. Не натаскаешься. Тогда Сергей, взяв с собой инока, вышел из обители, спустился в лес под мона-

стырём, нашёл в неглубокой канавке немного воды и, преклонив колени, начал молиться, просить у Господа явить славу Свою, даровать воду на данном месте. Сотворил молитву, осенил крестным знаменем канавку, и оттуда забил источник, который по сей день питает лавру водой.

В свечной лавке часовни, стоящей на источнике, женщина лет пятидесяти торговала иконками, свечами. Народу никого, я к ней, меня переполняло, распирало, от всего происходящего. Подмывало скорей-скорей поделиться с кем-нибудь впечатлениями. С упоением начал рассказывать, какое чудо со мной произошло. Она слушает и улыбается. Её реакция запала в память – «да у нас постоянно так». Мол, не стоит удивляться, надо просто молиться.

Купил у женщины несколько иконок в подарок маме, сёстрам, друзьям. Себе выбрал икону Сергия Радонежского, на которой святой изображён в полный рост (высокая и узкая), по сегодня в домашнем иконостасике стоит.

Святой воды набрал, сколько мог. Она бежит из кранов, вставленных в крест. Всегда из паломнических поездок святую воду привозил. Причем, не пару-тройку бутылочек – два-три пятилитровых баллона обычно тащил. Часть себе оставлял, что-то раздаивал.

Глава одиннадцатая

Паломничество с семьёй

Не знаю, как сейчас пресса помогает новообращённым христианам, в моё неофитское время не было православных каналов, православных сайтов, книг самая малость стояла в церковных лавках, не сравнить с сегодняшним днём – полки православных магазинов ломятся от литературы. Тогда православные газеты глаза открывали. Жена из церкви принесёт какую-нибудь, прочитает, в зале на журнальный столик положит. Для меня. Дочь перешла в спальню к маме, у сыновей своя комната, мне был определён диван в зале.

О чуде с серёжками говорил. Благодаря ему открыл для себя Сергия Радонежского. Второй раз газета надоумила следующим образом. Попалась мне статья священника, который стал иереем в зрелом возрасте. Воспитывался в советском духе (октябрята-пионеры-комсомол), пришёл к Богу в начале девяностых. Воцерковлялся вместе с семьёй. Однажды осенило (ещё и не собирался в священники): детям, пока от родителей не оторвались, надо организовать летом такую поездку, что на всю жизнь оставит след в душе. Не на море везти, день-деньской на пляже валяться, отправиться всем вместе по святым местам. Показать детям, самим по-

смотреть, где подвизались в разные времена святые угодники. Строили храмы, молились, возрастали до великой святости. Дать детям возможность прикоснуться к скрытой от многих монастырской жизни. Задумано – сделано: повёз семью в Оптину.

Идея, вычитанная из газеты, меня вдохновила. Сыновья в таком возрасте, можно построить и скомандовать: собирайтесь, едем. Старшему семнадцатый шёл, едва не последняя возможность всей семьёй отправиться. Раньше бы, конечно, такое осуществить, да лучше запрыгнуть в последний вагон, чем мельтешить по перрону, сетуя: поезд ушёл, дымок растаял.

Дело за малым – накопить денег. На пятерых немало понадобится.

Как директор получал до трёх процентов от продаж. Прикинул, сколько надо откладывать, чтобы к лету набралась достаточная сумма. Наметил съездить в Дивеево к Серафиму Саровскому, в Серпуховской Высоцкий мужской монастырь к иконе «Неупиваемая чаша», в Троице-Сергиевскую лавру к Сергию Радонежскому...

Маршрут разработал с условием – в западном направлении едем поездом. Дети никогда такие расстояния по железной дороге не преодолевали. Пусть почувствуют, что сам вынес из детства. Непередаваемое ощущение долгой дороги, с её калейдоскопом картин за окном: крохотные полустанки и большие города, могучие реки, над которыми поезд

идёт и идёт, предоставляя возможность полюбоваться водной ширью, и узенькие ленточки речушек, пересекаемых за секунды. Степи с перелесками, горы с тоннелями, поля, озёра, корабельные сосны и цветущие луга, люди за окном, лицо мелькнуло и никогда-никогда больше не увидишь его. Не узнаешь, почему было грустным, или его озаряла солнечная улыбка? Пусть детям западёт в память неповторимое состояние путешественника, преодолевающего огромные расстояния. Меняются часовые пояса, меняется природа, меняется людской говор на станциях – в два дня столько всего вмещается.

Обратно наметил лететь самолётом. Устанем, поэтому домой лучше вернуться как можно быстрее.

К середине марта набралась сумма, которая давала полную уверенность – едем.

Вдруг жена объявляет: тёще нужны деньги, надумала переехать поближе к Омску.

Вот тебе и раз. Перед моим отъездом в Португалию тёща решила жить на земле: продать квартиру в Омске, купить дом в деревне. Так и сделала, да муж, отчим жены, Степаныч, умер, тёща без мужских рук разочаровалась в деревенской идиллии. Вдобавок – слишком далеко от города, целая история к дочке ехать. Надумала перебраться поближе, а денег не хватает. Всплыл один факт, который от меня ранее скрыли: тёща, продав квартиру, часть денег отдала моей жене. Та с подружкой, как уже говорил, купили два контейнера

на оптовке. Да на оборотный капитал денег не хватило. Тайком от меня попросила у матери.

С контейнерным предприятием ничего не получилось. Все деньги – и те, что выручила, продав оставленную мной машину, и тётчины – пошли прахом.

Когда жена раскрыла секрет, что брала деньги у матери, а теперь надо возвращать, я, грешен, не сдержался, накричал на жену. Обидно – паломническая поездка рушилась. Мечтал-мечтал, вдруг выныривает тётца с очередной затеей. Была из натур неужённых, решительных, в возрастном консерватизме, когда любая перемена в жизни на уровне трагедии, её никак обвинить нельзя было. Надо сказать, не везло на мужей. Двое умерли, одного, слишком прикладывался к бутылочке, выставила с чемоданами за дверь. Со Степанычем ей подальше от «городского шума» захотелось забраться, он умер, тётце понадобился шум мегаполиса поблизости от места проживания.

Повздорили с женой на тему её мамы. Однако остыв от эмоций, крикнув от досады, отдал все паломнические деньги на улучшение жилищных условий любимой тётчи.

Рассказывал про тётчину особенность – страшную нелюбовь анекдотов про тётц. Свадьбу нам подпортила, это дело прошлое. Но демарш повторился через несколько лет на дне рождения моей жены. После какой-то там рюмки моего друга, Володю Долгачёва, того самого, который отказался быть дружкой на свадьбе, разморило на данную тему. На свадьбе

не был, тёщиных особенностей не знал, ну и ляпнул. Анекдот простенький. Один другого спрашивает: «Как вам удалось на одну путёвку так хорошо отдохнуть всей семьёй?» – «Да тещу отправил на курорт». До того коротенький анекдот, что я не успел Володю придержать. Тёща снова демонстративно поднялась из-за стола и ушла. И снова обида на зятя. Должен был моментально поставить друга на место, защитить институт тещ от ироничных посягательств. Я пусть и не хихикал, зато других не остановил.

Тёща ушла и Степаныча увела. У того физиономия вытянулась: как это уходим? Он месяц настраивался, руки потирал – гульнуть появилась возможность. И на тебе. Любил выпить, а тёща не давала. Степаныча я уважал, мужик работающий, умный. Бывало, приеду к ним, в поленницу пару бутылок засуну. Этакая мужская солидарность.

Тёща приобрела дом поблизости от Омска в том числе и на паломнические деньги, но и я не стал впадать в печаль, наоборот, пришла уверенность – поедем. Не знаю, каким образом, всё равно найду деньги: поклонимся Сергию Радонежскому, Серафиму Саровскому, иконе «Неупиваемая чаша»...

Предчувствие не обмануло. Омский филиал выбился в лидеры по реализации. Наши гарнитуры стали пользоваться повышенным спросом. Продавали больше всех филиалов в России, что заметно отразилось на моей зарплате, начал получать не три, а пять процентов от продаж. Быстро восстано-

вил отданные теще деньги, к лету нужная сумма набралась.

Отлично добрались до Москвы. Отдельное купе: и молились, и в окно смотрели, и книги вслух читали.

Старший сын (у самого уже семья) недавно вспомнил, как славно всей семьёй ехали в поезде.

– Надо, – говорит, – дети подрастут, тоже так съездить.

Сыновья у меня не без проблем. Но хотя бы не наступают на грабли, которые меня не один раз по лбу били – с колдунами, ворожеями, экстрасенсами.

Приехали в Москву и сразу отправились в Серпухово, паломнический маршрут открывал Высоцкий монастырь.

К его основанию руку приложил Сергей Радонежский, а первым игуменом поставил своего любимого ученика Афанасия старшего. Тот затем уехал по заданию Сергия Радонежского в Царьград, где и скончался. Вторым игуменом стал Афанасий младший. Нам не удалось приложиться к его святым мощам, шла реставрация храма, зато доступ к месту обретения мощей был. Могила находилась в монастырском храме под лестницей. Шесть веков покоились в ней мощи святого, обрели их в 1994 году.

От могилы шло благоухание. Не знаю, уместно ли такое сравнение. Я (жена тоже) несколько лет занимался тайчи. В тайчи есть приём: мысль направляешь в руку, и кровь начинает наполнять капилляры, кожа ладони покрывается розово-белыми пятнами, ощущается поток энергии. Его почувствовал, стоя у края могилы, настолько мощным было воз-

действие. Ни до, ни после такого не происходило.

Обитель в Серпухове первая, где по-настоящему ощутили себя монастырскими паломниками. Чин по чину дали нам послушания. Я окна красил в братском корпусе, старую краску сдирал и красил, жена на кухне что-то делала, дочь за малостью лет осталась без послушания, а сыновей задействовали на уборке территории. Без моего догляда они сколько-то поработали и, улучшив момент, смылись. Смотрю, уже и след простыл. Улизнули за стены монастыря, покурить захотелось. Я не курю, они, что один, что другой с подросткового возраста. Бывало, вечером во дворе застукаю – смолят с друзьями под покровом темноты, как пойду раздавать подзатыльники, не разбирая, мои парни или нет. Всем доставалось, кто под горячую руку попадал.

В Высоцком монастыре всё было в диковинку – первый раз трапезничали по-монастырски, ночевали, работали. Поднялись рано-рано и к шести утра на утреню. Помню свои ощущения: монахи начали заполнять церковь – идут-идут. Строгие лица, чёрное одеяние, сосредоточенная тишина, и только звук шагов – одну за другой обходят все иконы.

В Омске не было тогда ни одного храма с чисто мужским хором. Монастырский хор запел, и сразу подумалось: жаль, бабушка Августина не слышит. Чисто мужской православный хор ни с чем не сравнить.

На второй день отстояли молебен перед иконой «Неупиваемая чаша».

История иконы такова. В стародавние времена демобилизовался солдат, верой и правдой отслужив от звонка до звонка царю батюшке и отечеству. На гражданке попутал его зелёный змий. Да так круто взял в оборот, что начисто пропивал солдатскую пенсию, заодно и всё, что в доме крестьянском имелось, конвертировал в вино. От беспробудного пьянства ноги отнялись. Скорее всего, Бог попытался скорбью вразумить несчастного, подсёк ему нижние конечности. Мол, остановись, несчастный, одумайся, пока не поздно: по дороге, в кабак ведущей, далеко не ушагаешь. Но и обезножев, не протрезвел вчерашний служивый: горло продырявилось до такой степени, никак не мог жажду питейную залить-погасить.

Тут-то и приснился ему сон с благолепным старцем-монахом, который наказал солдату-отставнику отправляться в город Серпухов во Владычный монастырь к иконе «Неупиваемая Чаша». Велел для исцеления отслужить перед ней молебен.

Исцелится солдат был не против, да как идти, когда от ног одно название осталось? Ехать, скажем, на телеге тоже никак: на вино едва-едва денег хватает, где найти их, чтобы лошадь нанять.

Однако старец из сна не успокоился, не оставил подопечного наедине со стаканом, снова явился к ветерану царской армии. Но и вторым визитом не подтолкнул выпивоху к решительным действиям, не сдвинулся он с места. Лишь когда

в третий раз явился монах и самым грозным командирским тоном приказал немедленно отправляться к иконе, несчастный отбросил сомнения, на четвереньках пополз из Тульской губернии за сотни вёрст в Серпухов.

Добравшись до обители, в соответствии с наказом старца-монаха, попытался заказать молебен у иконы Божьей Матери «Неупиваемая Чаша». В ответ на свою просьбу услышал: нет такой иконы в монастыре, и никогда не было. Мол, путаешь ты что-то болезный, адресом ошибся.

Закручинился было паломник, Однако кто-то из братии предположил, а не тот ли это образ Богородицы, который висит в проходе в ризницу, на нём как раз чаша изображена. Сняли икону, и увидели на обороте надпись: «Неупиваемая Чаша».

Замечательно и то, что в лике на раке с мощами преподобного Варлаама, что находилась тут же во Владычнем монастыре, недугующий солдат-отставник узнал благолепного старца, по приказу которого пополз избавляться от зелёного змия.

Новообретённую икону перенесли в собор, отслужили перед ней молебен, заказанный болящим.

И что вы думаете: исцелился бедняга от пьянства и ноги окрепли – хоть в пляс иди. На своих родненьких пошагал домой, славя Господа Бога и Пресвятую Богородицу.

С той поры новообретённая икона Божьей Матери «Неупиваемая Чаша» стала особо почитаемой в монастыре,

а потом и на Руси. В богоборческие советские годы первообраз иконы исчез. Новый образ был освящён в девяностые годы прошлого века теперь уже для Высоцкого монастыря.

На молебне с чтением акафиста перед образом Богородицы «Неупиваемая Чаша» стоим, парень лет двадцати пяти упал на колени, голову склонил долу, так весь акафист и не вставал. Жена потом сказала, ей бабулька доложила, который день вот так перед иконой парень. Пытается вымолить себя из наркотической удавки.

Дивеево стояло следующим пунктом нашего паломничества. Здесь нас ждало интересное знакомство. Однажды в православной газете попало мне предложение по оказанию услуг паломникам в Дивеево, почему-то именно оно приглянулось, я взял информацию на карандаш. Перед поездкой отыскал запись, позвонил. Это был тот случай, когда после второй минуты разговора понимаешь: встретил близкого по духу человека. Более десяти лет, до самой смерти Петра, так или иначе мы общались. Он звонил, или я. А сейчас молюсь за упокой души раба Божия Петра.

Пётр встретил нас на микроавтобусе в Арзамасе. Отвёз в Дивеево, поселил к милейшим старичкам – дедуся с бабусей. Их дом стоял прямо напротив монастыря.

Выделили нам комнату, дедуся заговорщицки подмигнул: – Айдайте-ка, ребята!

Завёл в сад-огород, широким жестом показал на две здоровенные вишни, усеянные ягодой. Да крупная, вкусная.

– Даю на полное истребление, – распорядился дедуся.

Мои парни в любую свободную минуту, правда, их было не так много, выполняли наказ «на истребление».

Бабуся – само радушие:

– Да если что, я вам, мои родненькие, и покушать сварю.

Тогда цифровые фотоаппараты только-только входили в обиход. Купил для салона – выезжали бракованную мебель фотографировать, делали для отчёта снимки комплектующих, которые с повреждениями из Москвы приходили. Собираясь в паломничество, злоупотребил служебным положением, взял дорогой фотоаппарат с собой. Старшего сына назначил ответственным. Фотографировать ему нравилось.

– Значит, – говорю, – тебе и флаг в руки, фотоаппарат на шею.

В первый день мы, может, с полчаса побыли в обители, идём, монахиня вырубивает и к Коле:

– Брат, помочь надо.

Он на меня смотрит.

– Иди, сын, – говорю, – потрудись во славу Божью.

Коле семнадцатый год, парень крепкий. В Серпуховском монастыре отлынивал от работы, здесь припахали по-настоящему. Я по простоте наивной посчитал – минутное дело, что-то перенести, разгрузить. Ничего подобного. Колю задействовали на ремонте крыши одноэтажного здания. И отправили парня наверх. Он фотоаппарат в пакете носил, куда я ещё и свою ветровку сунул. Мне бы взять пакет, да кто же

знал, что больше трёх часов будет на послушании.

На крышу не полезешь с ручной поклажей, пакет аккуратненько поставил у стеночки, сам забрался на верхотуру.

Меня поначалу удивляло, в таком святом месте, Четвёртом Уделе Пресвятой Богородицы, бомжей и нищих полна коробочка. Одни у храмов ждут подаяния, в самом Дивееве тоже не диво их встретить.

Пока Коля послушничал, мы приложились к мощам Серафима Саровского, сходили к могилкам блаженных стариц Пелагии, Паши, Наталии, Марии.

Час проходит, другой, Коли нет. Подумал грешным делом, не сбежал ли мой сын, как в Серпухове, покурить или вишни поест. Пошёл искать, а он идёт. Вид, как у побитой собаки.

– Случилось что? – спрашиваю. – С чего понурый такой?

Будешь понурым, спустился с крыши, а пакета его нет. Приделали фотоаппарату быстрые ноги и моей новенькой ветровке тоже.

Бабуся с дедусей, узнав о пропаже, давай меня утешать: не ругай ты Колю, ну потерял и потерял, не смертельно ведь, все живы. Фотоаппараты дело наживное. Философы. В одном месте, дескать, убудет, в другом – обязательно прибудет. Так сказать, закон сообщающихся сосудов и сохранения энергии в житейском варианте. На всё воля Божья.

Заступаются за Колю в два голоса. Я, собственно, и не ругал. Место святое, что уж здесь-то ругательные эмоции выплёскивать.

Коля расстроился.

– Папа, – спрашивает, – что делать, где искать?

– Иди, – говорю, – в обитель, на кладбище сходи, там сколько святых лежит. Помолись. Пашу Саровскую попроси.

– А Серафиму Саровскому можно?

– Как считаешь нужным.

Коля отправился на кладбище.

Не спрашивал его, как молился и кому, но утром пакет с фотоаппаратом и курткой принесли. Даже не знаю, кто. Как сказала бабуся, незнакомый субъект сунул ей в руки пакет со словами: «У вас паломники живут, это их».

Пётр свозил в Цыгановку на святой источник. Поразила дочечка Ульяна – смело вошла в холодную воду, парни быстрее-быстрее погрузились и одеваться, это пигалица, будто в тёплый Иртыш окунулась.

Потом отправились в Суворово в церковь Успения Божьей Матери, где мощи святых пузовских мучениц Евдокии, Марии и двух Дарий. Почему пузовских? Раньше Суворово называлось Пуза.

Петр был старостой храма в Арзамасе, человек общительный, подвижный, среди его многочисленных знакомых монахи, священники, с владыкой запросто общался. Ну, а рассказчик от Бога. Он и журналистикой занимался.

Я вообще не знал до того о пузовских мученицах. Они в числе первых пострадали от бесноватой власти. У блаженной телом немощной Дуни было пять послушниц, три из них рас-

стреляны вместе с ней в 1919-м. Казалось бы, какой вред от совершенно немощной бабушки-старушки, что сорок семь лет не поднимается с постели? А такой: в её доме постоянно звучала молитва, к ней шли за духовным советом, с просьбами о молитвенной помощи. Дуня обладала даром прозорливости, по её молитвам исцелялись.

Приговорил блаженную к расстрелу командир карательного отряда по доносу об агитации против Красной армии и укрывательстве дезертира. Если на то пошло – расстреляй сразу идеологического противника и дело с концом. Нет, так неинтересно, предварительно всласть поизмывались над Дуней герои-каратели: избивали, таскали за волосы, хлестали плетью, пинали сапожищами. Один устанет, другой со свежими силами принимается... Били в доме, били, выволокли во двор. Только потом расстреляли Дуню вместе с послушницами – Марией и двумя Дарьями. Похоронили страстотерпиц в одной могиле, которая даже в безбожное время почиталась местными жителями.

– Не могу спокойно об этом рассказывать, – говорил Пётр, – это ведь как свихнул бес мозги красноармейцам, вчерашним мужикам! Как задурманила пропаганда. Для меня убийство пузовских мучениц и царской семьи – злодеяния одного ряда. Царевны – девушки, девочки, цесаревич, отрок безвинный... Поднялась рука расстреливать, добивать штыками, изгаляться над трупами, сжигать, бросать в шахты. Есть версия, головы царю и наследнику отрубили и от-

везли Ленину.

Пётр рассказал нам о перенесении мощей Серафима Саровского в Дивеево. Их в период «разоблачения» церкви в 1921 году кощунники изъяли из раки и увезли из Дивеева в неизвестном направлении. И они затерялись. А обретенные были чудесным образом. В 1990 году работники музея атеизма, что был в Ленинграде в бывшем Казанском соборе, наткнулись в запасниках на неизвестные мощи, завёрнутые в рогожу. Никаких инвентарных номеров, пояснительных записок, единственно, на перчаточке имелась надпись: «Преподобный отче Серафиме, моли Бога о нас!» Наводка, не больше. Но направление дано. По распоряжению патриарха Алексия II был найден акт изъятия мощей Серафима Саровского, с его помощью установлена истина.

Старец при жизни предрекал Пасху среди лета. Светлый праздник начался с крестного хода с мощами в северной столице. Власти заволновались, как бы чего не вышло, не пустили ход по Невскому проспекту, направили из Александровской лавры по второстепенным улицам... Ход с хоругвями, свечами, пением прошествовал до вокзала. Площадь перед ним, перрон петербуржцы заполнили до отказа, а когда поезд с мощами тронулся, провожающие как один встали на колени.

В Москве на Ленинградском вокзале толпы народа встречали батюшку Серафима на всех платформах. Так что пассажирам дальнего следования, что прибыли в это время в

Москву, не протиснуться было в столицу сквозь море паломников. Призывали милицию прокладывать дорогу.

С вокзала мощи крестным ходом понесли в Богоявленский кафедральный собор, и снова тысячи людей.

Затем был крестный ход «на колёсах» – мощи с первопрестольной проследовали через города и веси в Дивеево. И во всех местах, где делались остановки, шли и шли желающие поклониться Серафиму Саровскому.

– Наш владыка рассказывал, а ему патриарх, – просвещал нас Пётр, – идёт микроавтобус с мощами, следом машина с патриархом, чистое поле, ни деревень поблизости не видать, никакого другого жилья. А на дороге группка старушек, по-деревенски одетых, в простых платочках, иконки в руках. Вышли поклониться «Серафиму убогому», как именовал себя старец. Патриарх всякий раз в таких случаях останавливался, давал возможность приложиться к мощам святого, благословлял тех, в ком осталась вера и через семьдесят четыре года после свержения царя-батюшки.

Иоанн Кронштадтский пророчествовал: семьдесят четыре года будет господствовать богоборческая власть. Она и закончилась возвращением Серафима Саровского в Дивеево.

– Пасха, настоящая Пасха, – рассказывал Пётр, – такого праздника Дивеево не видело. Откуда только не приехал народ. Священник Свято-Троицкого собора принимает исповедь, подходит старушка, чувашка, с трудом по-русски изъясняется. Вдобавок разволновалась так, что и те русские сло-

ва, что знала, забыла подчистую. Батюшка ей: кайся на чувашском, Бог поймёт.

Серафим Саровский пророчествовал: встану из могилы в Сарове и лягу в Дивеево. Его чада удивлялись, как такое возможно? Опять же, раз старец сказал, так и должно быть. Верили и сомневались. Может, всего лишь иносказательность. Последняя монахиня дивеевской обители, дожившая до наших дней, передала свечу, ту самую, которую святой Серафим перед смертью вручил дивеевским сёстрам со словами: этой свечой будете встречать меня в Дивееве. Когда крестный ход прибыл к обители, духовенство вышло из монастыря навстречу, протодиакон шёл со свечой Серафима Саровского.

Пётр рассказывал, в тот день заблагоухала икона царя, тогда ещё неканоническая для нашей церкви – царь не был прославлен, и появились на ней слёзы. Николай II особо почитал саровского святого, настаивал на его прославлении.

Провожая нас, Пётр подарил мне большую икону царя. До Петра я никак не относился к царским страстотерпцам. Вообще не задумывался, мимо проходило. Благодаря Петру осознал их подвиг. С иконой, подаренной Петром, хожу с крестным ходом, который идёт в ночь убийства царской семьи (с шестнадцатого на семнадцатое июля) от Успенского собора в Омске до храма Царственных страстотерпцев в посёлке Новоомский. Бывает, дождит, бывает, жарко, но всегда душа на подъёме. Молимся, поём. Те же двадцать пять

километров, которые следует Царский крестный ход в это же время из Екатеринбурга от Храма на крови до Ганиной ямы. Приходим в Новоомский рано утром, часов в шесть. В храме ждут нас, до литургии отдохнём. На литургии большинство причащается, я – всегда. Что удивляет, умиляет, вдохновляет – обязательно какая-нибудь кроха идёт с нами. Чаще девочки. И ведь всю дорогу не садится в машину сопровождения. Шагает вместе со всеми. Ещё и дополнительные километры наматывает – снуёт ведь туда-сюда...

Пётр всем моим подарил по иконке, Ульяне – Божью Матерь «Умиление», такой же образ Царицы Небесной, какой был в келье Серафима Саровского. Ульяна с этой иконкой всю дорогу не расставалась. У неё был крохотный рюкзачок, в нём носила. В Петре души не чаяла. Тихонько меня спрашивает в Дивеево: «Дядя Петя святой?» Мы до этого Ульяну молитвам не учили, с Петром первые запомнила – «Царю Небесный» и «Богородицу». Садимся в автобусик, трогаемся, они дуэтом начинают петь: «Царю Небесный Утешителью...» У Петра густой баритон, и эта дискантит жаворонком.

А сейчас Ульяна отошла от церкви, вообще в храм не ходит, как и жена моя...

Из Дивеево снова в Москву, прибыли во второй половине дня и сразу на электричку в Сергиев Посад. План был: приезжаем, заселяемся, отдыхаем, утром на литургию...

С «заселяемся» загвоздка вышла. Был абсолютно уверен: не советское проблематичное с гостиницами время.

Оказалось, надо загодя бронировать.

В результате стоим с сумками в тоске на площади перед монастырём. Вот она обитель, куда утром на литургию собрались, да переночевать негде. В летнее время такой наплыв паломников и туристов, что всё занято и заполнено на десять рядов.

Думаю, выход один – ловить такси, таксисты всё знают. Но и здесь незадача – ловить некого. Не знаю как сейчас, тогда в Сергиевом Посаде с такси было швах. День стоял жаркий, детки уставшие. Купил им газировки, посадил на стулья у киоска, пусть отдохнут.

Сам пошёл в часовню, что перед входом в монастырь. Подхожу к иконе преподобного Сергия: «Спасибо, батюшка, вот мы и приехали к тебе. Просил помочь с паломничеством, в результате деньги нашлись. Побывали в Дивееве у Серафима Саровского, в Серпухове в Высоцком монастыре, обители тобой основанной. Дети, конечно, устали, поселиться бы нам, отдохнуть перед завтрашним днём, утром пойдём на раннюю службу».

Помолился. Выхожу – такси. Спрашиваю:

– Свободен?

– Нет. С такси у нас напряг.

– Вижу, а не подскажешь, как в гостиницу поселиться?

– Тоже проблема.

– У вас, – говорю, – куда ни кинь – везде клин.

– Если бы у нас одних, – засмеялся таксист, – вся страна

клином.

От его юмора легче не стало. С трудом упросил позвонить диспетчеру, вдруг есть в наличии свободное такси. Слышу, диспетчер отвечает:

– Есть, новенький вышел.

Подъехал «новенький».

– Давай, – прошу, – гостиницу поищем. Что посоветуешь?

– «Пересвет», далековато, но дешёвая. На сэкономленные деньги, можно на такси оттуда в монастырь ездить.

– Нет, – говорю, – давай пытаться поближе. На ваше такси надеяться, а сам не плошай. Нам рано утром в монастырь.

Повёз в «Звёздочку», предупредив – бесполезно.

Подъехали. Оставил своих в машине, сам пошёл разузнать, что к чему. В дверях столкнулся с двумя мужчинами с дорожными сумками. Явно съезжали из гостиницы.

Две дамы на рецепшен. Здравуюсь. Прошу два номера. Один сыновьям, второй нам с женой и дочерью.

– Вы что? – возмутилась одна из дам, она будто из добрых советских гостиничных времён материализовалась. – У нас полная загрузка!

– Вот же, – говорю, – двое только что съехали.

Вторая дама подтвердила мои слова:

– Да, два номера только что освободились.

– Ну, тогда заселяйтесь, – не сказать, что с полным радушием зажгла нам зелёный свет первая дама.

Возвращаюсь к такси:

– Ребята, – объявляю, – выходи по одному. Сергей Радо-нежский встретил сибиряков, как подобает. Завтра закажем благодарственный молебен.

Кстати, в лавре впервые почувствовал то, о чём слышал неоднократно, как может лукавый гнать из храма. Успенский собор, служба, народу полный придел, жена с сыновьями и дочерью метрах в десяти от меня. Из алтаря выходят монахи с хоругвями, начинается крестный ход внутри храма.

В этот момент у меня ни с того, ни с сего начинает зверски першить в горле. Сильнее-сильнее, уже не першит, дерёт, как наждачкой, чувствую, секунда и зайдусь в кашле, и ничего уже поделать не смогу. Ринулся на выход, в надежде на паперти прокашляться, никому не мешая. Да куда там выйти, народ со всех сторон подпирает. Тогда поворачиваюсь лицом к алтарю и начинаю вбивать в себя: «Терпеть! Во имя Господа Иисуса Христа терпеть!» Несколько раз повторил, позыв зайтись кашлем исчез, как не бывало.

Подобный случай произошёл, когда привозили в Омск мощи великомучениц Елизаветы и Варвары. Утром с женой и детьми приехал в Христорожественский собор к самому открытию. Накануне вечером очередь длиннющая (часа на два) стояла. Утром человек двадцать собралось, не больше. Мы зашли в храм вслед за группой монахов. Они встали перед ларцом с мощами, помолились, по очереди приложились, ушли в алтарь, один остался у ковчежца. Люди начали

прикладываться к святыни. Вдруг меня будто шилом в пах ударили. Стоял за женой и детьми. Боль настолько острая, настолько пронизывающая, я развернулся бежать из храма, чтобы не заорать.

Делаю два шага к выходу и вспоминаю приступ кашля в Троице-Сергиевой лавре. Поворачиваюсь лицом к алтарю. Приказываю, как тогда: «Терпеть во имя Господа Иисуса Христа!» Боль мгновенно уходит. Будто из шарика воздух выпустили. К ларцу подходил, ничего уже не чувствовал.

Глава двенадцатая

Батюшка Савва

Не могу вспомнить детали знакомства с батюшкой Саввой, самую-самую первую встречу. По словам жены, заехали по пути к моим родителям, она вернула какую-то книгу батюшке, взяли благословение и уехали.

Батюшка Савва походил на старца Николая Гурьянова, когда показываю его фото, путают. Оба седовласые, седобородые, с лучистыми глазами. Смеялся батюшка заразительно, сердечно, как ребёнок. Но, отчитывая за грехи, мог быть ой как крут...

Первые разы был у батюшки с женой, потом стал заезжать один. Исповедовался ему предельно честно. Не скрывал свои неприглядные поступки. Попросился в духовные чада, он подумал и взял. Более тринадцати лет окормлялся у него.

Последние годы ветхий был совсем, но держался, продолжал служить в церкви. Любил на проскомидии вынимать частички из просфор, молясь за люд православный. Много в его помяннике было усопших.

Рассказывал:

– Приснилась мне мамочка, просит: «Ты поживи ещё, Ваня, поживи».

Крещён был Иваном. В том сне маму увидел не одну. Она стояла на первом плане, а за ней много-много родственников. Все нуждались в молитвах батюшки.

Семья была верующей. Храма в деревне не было. На праздники верующие односельчане шли в дом к Карповым для совместной молитвы. Все дети Карповых, а их восемь человек, хорошо пели церковные песнопения, своего рода семейный клирос. Батюшка показывал родительское Евангелие, которому было более ста лет, Псалтирь в кожаном переплёте – тоже семейная реликвия, Ветхий Завет в синодальном переводе. Всё это читалось в их доме.

В голодные годы семье было непросто. В один год сено рано закончилось, кормить корову ближе к весне нечем. А молочко у коровы, как известно, на язычке. Какую-то капелюшечку давала. Мать молоко с опилками смешивала, и эти шарики давала детям. К весне опух только самый маленький Иван. Хорошо, травка пошла, не брезговала ребятня вороньими яйцами, выжил.

Посты дома строго соблюдали. У батюшки с шести лет было послушание сепарировать молоко, сбивать масло. Ребёнок, и всё одно не позволял себе сделать глоток сливок или пройтись язычком по кусочку маслица.

Вспоминал батюшка такой случай. Это конец тридцатых годов, зимой в непостные дни собиралась в их доме молодёжь. К незамужним старшим сёстрам приходили подружки, парни. Играли на балалайках, пели. Однажды вот так же

собрались, и вдруг в трубе раздался женский плач, как по покойнику. Все присмирели. Что за напасть? Плач прекратился, тихо стало в доме, и слышались шаги под окнами с характерным скрипом. Высыпали посмотреть, кто это по ночам ходит. А никаких следов на свежем снегу. На следующий день пришло известие: умерла при родах в соседнем селе родственница. Получается, душа её приходила.

На войну батюшку призвали в декабре сорок первого. Восемнадцать лет исполнилось, сразу забрали. Как он сам говорил, до войны вера у него крепкая была, на войне ещё больше укрепилась.

Две войны прошёл, с Германией и с Японией. Прошёл с девяностым псалмом. Как артобстрел, бомбардировщики налетали, читал «Живый в помощи...» Всю войну на передовой и всего одно лёгкое ранение и контузия. Однажды снаряд прямо перед ним разорвался. Высунулся из окопа и снаряд разорвался в каких-то метрах напротив лица. Засыпало землёй так, что одна голова торчала. Из ушей, носа кровь текла. Товарищи по взводу подумали – голову оторвало.

Откопала бойца похоронная команда.

«Я тоже думал – всё, – рассказывал батюшка, – перед глазами взрыв, оглушило, сознание потерял, но телесно никакого повреждения не было».

Ещё рассказывал, поступила команда взять высотку. Большое поле, высотка, хорошо замаскированный дзот. Пулемёт косил оттуда всех, стоило пойти в атаку.

В их взвод прислали полмесяца назад нового командира взамен убитого – старшего лейтенанта. Почему-то невзлюбил он сержанта Ивана Карпова. «Не девка я, чтобы меня любили, – рассказывал батюшка, – но докапывался до меня постоянно, то ему не так сделаю, то другое».

Лежат бойцы перед высоткой, нутром чувствуют, как смотрит немецкий пулемётчик в прицел, в ожидании новых жертв. Вдруг прилетает на «додже» из штаба полка майор и давай орать на старшего лейтенанта, что задание не выполнено, взвод не уничтожен, срывается наступление. Накричал и протянул командиру взвода карту с приказом самому пересечь поле, и передать пакет с картой в соседнюю роту.

Почему вдруг поручил старшему лейтенанту непонятно, но поручил.

– Взводный побледнел, как полотно, – рассказывал батюшка, – Испугался. Несколько человек наших трупами лежали на поле. Я подхожу и говорю: «Давай отнесу, у меня всё равно ни детей, ни жены, а у тебя семья, давай».

Старший лейтенант повеселел:

– Точно понесёшь?

– Да.

Батюшка рассказывал, если в тебя стреляет издалека автомат, спастись можно, надо бежать зайцем – петлять, падать. У пулемёта плотность огня настолько высокая, трудно уйти от искусного пулемётчика. Боец выждал, рванул со словами: «Господи, благослови». Первая очередь не срезала, пули

прошли над головой, упал за кочку. Сердце колотится. Подождал. Сделал второй рывок, снова, упал, в землю вжался. Пули впритык прошли, пристрелялся пулемётчик.

Прислушался к себе, вроде целый.

Игра в кошки-мышки. Пулемётчик ждёт, когда поднимется русский, а «мышка» надеется опередить реакцию «кошки».

Да только «кошка» сама попала в «мышки».

Батюшка подождал, помолился: «Господи, благослови» и в третий раз вскочил. Вдруг рядом с ним на уровне уха густой свистящий звук прошёл. Невидимая сила отбросила, свалила с ног. На какое-то время потерял сознание. Пришёл в себя, и выяснилось – в леске в засаде стоял танк. Танкисты выждали, когда дзот проявит себя. Две очереди пулемёт дал, тем самым раскрыл себя, танкисты спокойненько прицелились. Батюшка слишком рано в третий раз вскочил, ему бы ещё полежать. Он вскочил, танк жажнул, снаряд волной отшвырнул солдата, и точнёхонько угодил в амбразуру дзота.

Почему-то не спросил я батюшку, старший лейтенант не переменял к нему отношение.

За все годы войны всего один раз был в госпитале, ранение в ногу получил. Но вернулся с войны умирать. Настолько был измождённый, желудок испортил так, что пищу принимать толком не мог. Храма в селе не было. Отправился пешком в Омск. Сорок пять километров шёл восемь часов.

– Исповедался, причастился, – рассказывал, – говорю свя-

щеннику: «Теперь можно и умирать с чистой душой». Он мне: «Теперь только и жить, солдат, Бога славить, детей воспитывать. Таковую войну прошёл, так что с Божьей помощью надо жить».

Как сам батюшка говорил:

– Поправился не по врачебной силе, а только благодаря молитвам.

Да и некогда было по врачам ходить, трое детей родилось.

Мне батюшка наказывал, куда бы ни ехал, куда бы ни шёл, надо читать «Живый в помощи Вышняго». Исполняю неукоснительно.

Любил вспоминать, другим в пример приводить, однажды ехал он на автобусе в Омск, по обыкновению читал «90-й псалом», вдруг автобус занесло, он полетел с трассы на обочину. Профиль был высоко поднят, автобус перевернулся и встал кверху колёсами.

– И ведь все живы, – рассказывал батюшка, – даже повреждений серьёзных никто не получил.

В шестьдесят лет, уйдя на пенсию, приехал в Омск и устроился при Крестовоздвиженском соборе в кочегарке. Послушаний нёс много – и кочегар, и плотник, и электрик. Для иконы Почаевской Божьей Матери сделал механизм, позволяющий по праздникам плавно опускать образ, обычно находящейся высоко под потолком перед иконостасом.

Жена умерла, дети выросли. В шестьдесят пять лет принял монашеский постриг, а затем был рукоположен влады-

кой митрополитом Феодосием в иеромонахи.

Это ещё при советской власти, в конце восьмидесятых. Тогда-то и купил домик на Северных. Вернее – полдомика. Две комнатки, одна не более десяти квадратных метров, вторая и того меньше. Кухонька – двоим не развернуться. Духовных чад у батюшки было много, народу в домике зачастую набиралось, кое-как рассаживались... Для общей трапезы имелся столик раздвижной. Батюшка сам его смастерил. Во дворике у него стоял вагончик, этакая келья. Был момент, в ней несколько дней жили моя жена с дочкой, ушли из дома из-за меня. В вагончике часто находили уют бездомные, останавливались странники.

В Омске батюшка служил только в Крестовоздвиженском соборе. Приезжал туда раньше других священников. С первым автобусом отправлялся, дежурная открывала ему храм...

Почему хорошо знаю, батюшке сделали операцию, чуть пришёл в себя, начал ездить в храм. Я вызвался на своей машине возить его. Утром рано поднимался и к нему. Восемьдесят пять лет батюшке было. В храм зайдёт и в алтарь – вынимать частички из просфор.

По окончании литургии возвращался домой перекусить. Ел как воробей, хотя холодильник всегда полный, чада постоянно приносили. Он или на общую трапезу всё выкладывал, или раздавал. Мне сунет какие-нибудь сладости:

– Ульянке передай.

Поест и едет на автовокзал, оттуда в Красный Яр, в свой приход. В нашей губернии много церквей открыл, владыка куда только не посылал его. Батюшек не хватало, приедет церковь откроет, приход сформирует, надеясь, на этот раз надолго останется, владыка его в другое место отправит: «Езжай-езжай, у тебя хорошо получается с местной властью ладить». Человек настолько искренний, настолько сердечный, трудно было ему отказать. Да ещё фронтовик, в любом месте его уважали. В самые дальние уголки области заезжал. Целыми деревнями крестил детей и взрослых.

В Красном Яре построил последний свой храм. В нём служил ещё один священник, но настоятель – батюшка, едва не каждый день туда ездил, когда поднимал храм, хотя бы досечку прибить, что-то сделать. Мастеровой был, он и электрик, и по дереву, и слесарные работы. В воскресенье обязательно кто-то из духовных чад приезжал в Красный Яр на службу, после неё всегда послушания находились, потом трапезничали, беседовали. Бывает, встречу кого-нибудь из духовных чад отца Саввы, обязательно вспомним то благодатное время, что провели рядом с батюшкой.

В будний день, поделав дела в Красном яре, возвращался на автобусе в Омск, после шести в домик на Северных начинали идти люди, и до девяти-десяти вечера постоянно был народ. Кто-то просил совета, кто-то исповедовался, много приходило онкобольных. Потом читали акафист иконе Божьей Матери «Всецарица», батюшка помазывал святым мас-

лицем.

Так у него проходил день.

Уставал, конечно. К концу дня, едва не валится с ног, но вечернее правило вычитывал обязательно. Признавался: стоит полениться, сократить правило – лукавый спать не даст. Будет ноги выкручивать, в звонок, что на калитке звонить, с кровати сбрасывать. Господь попускал бесам.

Бывало, скомандует:

– Так, читаем вечернюю молитву.

Коленку на стул водрузит для удобства, обопрётся, на ногах тяжело было стоять, и начинает читать наизусть. Без запинки пройдёт правило, только после этого на боковую. Я тоже несколько раз у него ночевал. Если у него к ночи сил не осталось, сам читал вечернее правило. В противном случае мне давал молитвослов. Слушал стоя, прикрыв глаза, и поправлял, если я с ударениями путался. У меня получалось медленнее. Дольше батюшке приходилось стоять.

Сектанты к нему наведывались, колдуны, экстрасенсы. И кто спасался от этой напасти, по нездоровому любопытству попытаться колдовать.

Доставалось батюшке от врага за то, что исцелял пострадавших от колдунов, экстрасенсов. За восемьдесят было, когда рожей заболел – на лице, ногах и руках. Священники приходили прямо в палату, молебны и акафисты читали. В 2008 году случилось, в тот год в мае сподобился я побывать в Бари, расскажу обязательно о том паломничестве. Привёз

батюшке миро с мироточащих мощей Николая Угодника. Принёс ему в больницу, он перекрестился и залпом выпил всё до капли. Такая острая потребность была. На лице и руках рожа прошла, а на ноге до смерти рана не зарастала.

Батюшка обладал даром исцеления. Это не всем нравилось, пошёл слух – колдун. Были в среде священников, косящиеся на него. Дескать, что там семь классов образования. Но у него образование было от слова «образ». Да и не всякий иерей знал Священное Писание, как он.

Был он как врач, который идёт к больному в любое время суток. Могли ночью батюшку выдернуть, хоть в час, хоть в два – духовные чада и не только. Приезжают: батюшка, ребёнок родился, врачи сказали, не выдюжит, не жилец, вот-вот умереть может, надо покрестить. Батюшка не отказывал никому – подъём и вперёд. Не один раз сам возил его крестить умирающих взрослых. Жизнь человек прожил и только перед смертью надумал или родственники уговорили принять таинство крещения.

Не всех батюшка благословлял собороваться. Была у нас совместная паломническая поездка с отцом Саввой в Дивеево, чуть позже обязательно об этом подробно расскажу. А пока такой эпизод. Много о чём мы тогда с ними переговорили, понимаю, что-то он мне поведал для моего же вразумления.

– Однажды пособоровал женщину, – вспоминал, – а не во благо. И ведь знал, скорее всего, так и получится, но поддал-

ся на уговоры матери болящей.

У молодой женщины начались проблемы с ногами, дело дошло до костылей. Мать женщины умолила батюшку посоветовать дочь.

– Она стала нормально ходить, – рассказывал батюшка, – и не совладала с собой. Просил её в чистоте себя держать, болезнь Господь Бог по блуду попустил. Обещала, божилась и не удержалась. После чего заболела страшнее, чем было. Не во благо сделал. Не смог устоять, так слёзно мать просила.

На Северных, по соседству с моими родителями жила Тамара – притча во языцех. Пятеро детей, у всех отчества разные. Убежала из дома в шестнадцать лет, вернулась брюхатой, и покатила жизнь по ухабам да косогорам...

Старше меня лет на десять. Над ней постоянно подсмеивались соседи.

Однажды прихожу к батюшке, вот это диво – Тамара вдвоём с дочерью Светкой.

Несколько раз видел потом у батюшки. Что-то притягивало к нему Тамару. Мало она любви видела в своей непутёвой жизни, у батюшки впервые встретила истинное сочувствие. Душа отогревалась в его доме.

Ко мне стала, как к родному относиться. К родителям на Северные приеду, если с Тамарой столкнусь на улице или в магазине, просияет лицом:

– Как там наш батюшка? Давно не ходила, надо бы зайти. Так у него хорошо!

Дочь Светка в конце концов умерла от передоза, Тамара лет на пять пережила её. Двое детей у неё были умственно отсталые, остальные проблемные.

Кто только ни жил у батюшки в вагончике – странники, бездомные. Один ехал с Дальнего Востока, по дороге украли паспорт, деньги. В Омске сняли с поезда. Куда идти? Кто-то подсказал, обратиться в церковь. В Крестовоздвиженском отпустили к батюшке (к нему многих отправляли, никому не отказывал), мол, есть отец Савва, попросись к нему. Сколько таких горемык перебывало. Поселит в вагончик, нам, духовным чадам, скажет: надо помочь человеку документы восстановить, что-то собрать на дорогу. Мы снабжали деньгами, по своим каналам помогали с документами.

Не могу не рассказать о таком факте: духовным чадам батюшка дал молитвенное правило. Создаётся круг из двадцати человек для чтения Псалтири. Каждый по кафизме в день читает. Сегодня я – первую, ты – вторую, он – третью... двадцатый – двадцатую. Завтра я – вторую, ты – третью, а двадцатый – первую. Каждый даёт десять имён, за кого весь круг молится «о здравии», и десять – за кого просим Господа «о упокоении». В результате ты читаешь после первой «славы» двести имён о здравии, после второй – двести «о упокоении». Двадцать человек ежедневно молятся за твоих дорогих и близких. Действенная молитва.

Я однажды соседа своего включил, Борю Завьялова. Хороший парень, вместе на заводе работали. Редкой силы.

Восьмидесятикилограммовую гирию одной рукой жал. Здоровяк. Начал спиваться. Своеобразная семья. Жена Любаша, умница, но не хуже меня с женой – куда только нос не совала. Прошла через баптистов, пятидесятников, экстрасенсов...

Мать у Любаша сердечная женщина, моя жена часто оставляла Ульянку с ней, та никогда не отказывала, ещё и скажет: «Она мне нисколько не мешает, наоборот, веселей с этой щебетуньей». Отец Любаша жёсткий был мужик. Крупный начальник на заводе. Неверующий, некрещёный. Лаврентием звали. За глаза – Берией. Заболел онкологией, Любаша стала к нему подступать, мол, папа, надо покреститься. Фыркал, злился. Категорически не хотел. Уже гниёт весь, а всё «нет». Да Любаша тоже упрямая, в сотый раз обратилась: «Папа, давай священника позовём». В ответ не отцовским голосом – грубым, жутким: «Пошла ты от меня подальше со своим попом!» Волосы у Любаша дыбом поднялись. Впервые с таким столкнулась.

За день до смерти уговорила-таки отца – крещёным ушёл.

К тому время Любаша сама в церковь пришла. Но если к баптистам и пятидесятникам мужа Бориса подтягивала, составлял ей компанию, с православием сложнее вышло. Не до церкви Боре стало. Рогатый на выпивке поймал. Боря нашёл свою нишу в новых экономических условиях – ремонт квартир. Руки у него не только гири тяжелые поднимать были заточены, мастеровой мужик. И деньги хорошие зарабатывает. Здоровьем Бог не обидел, из себя богатырь карачаев-

ский, весом сто тридцать килограммов. Одно время совсем допился. Иду, Боря в луже валяется, поскользнулся, грохнулся и пытается встать, а не получается вывести тело из горизонтального положения в перпендикуляр к асфальту. Кое-как выволок на сушу, но перпендикуляр плохой из него получался, пришлось вести до дверей. Пока шли, измазал меня. Всё обниматься лез:

– Саня, мы ведь с тобой люди, – повторял, – а не баранчихнул.

Сдал Любашке. Прихожу домой, открываю дверь, Ульяновка вылетает навстречу, как давай хихикать:

– Папа, ты на себя в зеркало посмотри.

Зеркало тоже чуть не захихикало от моего вида.

Мало того, что куртка, даже джинсы грязные от Бориных объятий, он ещё мне по щеке пятернёй, побывавшей в луже проехался, этакий боевой раскрас.

Одним словом, пропал Боря.

Как-то захожу в подъезд. Он у двери шатается, будто наш дом попал в девятибалльный шторм. Но шатается Боря не без дела – шарит по карманам в поисках ключей. Я встал за его спиной жду, что дальше будет. Наконец Боря выудил ключи, тут же возникла новая проблема – ключ в замочную скважину не попадает, как Боря ни целится.

– Давай, – говорю, – открою.

Отстранил его от двери, начал вставлять ключ, вдруг страшный грохот, будто бетонная шпала из положения «на по-

па» грохнулась на бетонный пол. В роли шпалы выступил Боря, а головой о ступеньку приложился. На следующий день трезвому рассказываю:

– Боря, думал, наш лестничный пролёт расколется от такого удара.

И пролёт выдержал и Борина голова.

После того падения, решил я включить Борю в список, за кого круг наш молится. Господь ведь может долго терпеть, а потом возьмёт и поставит точку. Жалко мужика. С год за Борю молимся. Не скажу, что совсем не пьёт. Но таким, чтобы полный ноль, больше не вижу. Бывают залёты, но уже не каждый день и безостановочно. С внуками во двор выходит, в парк их водит, чего раньше практически не было.

Хочу рассказать ещё о двух чадах батюшки Саввы – Оксане и Анне. Последняя по паспорту Инга. Мы только-только приехали с батюшкой из паломничества, они одна за другой пришли к нему. Обе живо интересовались монастырём в Дивеево. Расспрашивали, когда лучше поехать в святое место, где остановиться? Ни у той, ни у другой не было опыта паломнических поездок, но обе воспылали желанием съездить к Серафиму Саровскому.

Были примерно одного возраста. В районе сорока. Оксане лет тридцать восемь, Анна – чуть за сорок. Чем занималась Оксана по жизни – не знаю. Из тех, кого на улице встретишь и не запомнишь. Обычное лицо, одежда ничем особым неприметная. Случались периоды, когда едва не каждую

неделю приходила к батюшке в дни, когда читался акафист Божьей Матери «Всецарица», а бывало, исчезала на несколько месяцев.

Как позже расскажет батюшка, была Оксана одинокой, образ жизни вела далёкий от идеального. Каялась в грехах на исповеди, понимала, что живёт не так, но ничего поделать с собой не могла – мужчины, компании, увеселения. Однажды исчезла месяцев на семь, а потом пришла в слезах. Родила мальчика, врачи сказали – не жилец.

Почему-то беременной не приходила к батюшке? Стеснялась, скорее всего. Решила ребёнка оставить и воспитать. Да родился инвалид. Рассказала батюшке о своей беде и попросила окрестить младенчика, вдруг выживет. На всём белом свете имелась у Оксаны одна сестра, что жила на Дальнем Востоке, в последние годы почти не знали друг с другом. Очень хотела, чтобы мальчик жил, а нет – так пусть крещёной душа к Богу отойдёт.

Повела батюшку в роддом. Он потом рассказывал, с одного взгляда было видно, ребёнок не будет нормальным, да и, навряд ли, выживет.

– Врачи сказали: не жилец, – ещё раз повторила Оксана приговор докторов. – По мне пусть хоть какой, только бы жил. Я ведь давно хотела забеременеть, а не получалось.

– Скорее всего, не жилец, – сказал батюшка.

Покрестил младенчика, по месяцеслову выбрали имя Юлиан.

– Как мне молиться за него? – спросила Оксана.

Батюшка для себя решил, лучше, чтобы младенчик умер сразу. Сам бы не мучился, мать не мучал. Оксане сказал:

– Молитесь так: «Господи, делай с ним, что считаешь нужным, только спаси его душу».

Батюшка рассказывал случай. У него был беспутный племянник, запивался, нигде не работал. Мужу за пятьдесят, опустился дальше некуда. В пьяном виде не один раз повторял, всё ему обрыдло, все надоели, одна ему дорога – петлю на шею или под поезд. Много раз повторял про поезд и петлю. И вдруг бесследно исчез. День нет, неделю. Батюшка обратился к знакомому следователю, попросил найти. Сам молился за спасение души племянника: «Господи, на всё Твоя воля, но не дай душе его погибнуть». Через несколько дней нашли труп племянника с отрезанной головой и задержали тех, кто это сделал. Оказывается, перепутали с другим человеком, убили не того, кого собирались.

Батюшка говорил потом: «Слава тебе, Господи, руки на себя не наложил, пошёл как мученик, невинно убиенный».

Оксану батюшка встретил месяца через два на ступеньках храма.

Спрашивает:

– Как твой Юлиан?

Оксана заулыбалась:

– Батюшка, представился он.

И добавляет с радостью:

– Я его видела уже.

– Как видела? – удивился батюшка.

– Во сне. Большенький уже. Волосики светлые. Огромное поле цветов, и он с краю цветы сажает. Я говорю: «А зачем ты сажаешь, тут вон столько цветов?» Он поворачивается ко мне: «Мама, знаешь, как много работы для меня у Бога».

В садах Божьих цветы сажает.

В отличие от Оксаны, Анна-Инга была эффектной женщиной. Во всём. На такую невозможно не обратить внимание, встретив на улице или в любом другом месте. Пришла к батюшке со скорбью – врачи обнаружили онкологию. Кто-то из знакомых посоветовал обратиться к отцу Савве. Исповедуясь, Анна покаялась в смертном грехе. Была, как и Оксана, одинокой, в тридцать с небольшим стала вдовой. Детей Бог не дал. Анна человек яркий, публичный, разносторонне одарённый. Жизнь вела активную, и не только в трудовой деятельности, любила шумные компании, хорошо пела, играла на гитаре, броско одевалась. Успешные мужчины были в её окружении, состоявшиеся и состоятельные. Кому-то удавалось добиваться у Анны особой благосклонности.

На исповеди покаялась батюшке в грехах, а потом, вытирая слёзы, спросила, как бороться с болезнью, что делать, чтобы жить. Услышала в ответ: в любом случае жить следует в чистоте, святости, а там уж как Бог даст.

В духовной литературе можно встретить мнение: онкология – это или приговор, или предупреждение. Если приговор

– человек стораёт в течение нескольких месяцев, предупреждение – может жить десятилетиями. В последнем случае Господь даёт шанс подготовиться к вечности.

Что уж батюшка Савва говорил Анне, какие убедительные слова нашёл, об этом не рассказывал, зато известно – болящая послушалась батюшкиных наставлений, в корне изменила образ жизни, отошла от смертного греха. И случилось чудо, рак отступил.

Батюшка ничего не рассказывал в то время об Анне, но я хорошо помню, когда познакомились с ней, была потухшей, а со временем посветлела, воспряла духом. Довольно часто ездила по воскресеньям в храм в Красноярку. За трапезой пели духовные песни. У Анны был хороший голос. Не один я советовал на клиросе петь. Улыбалась: «Времени нет».

Не всегда помнила имя, данное при крещении. Могла не отреагировать на обращение «Анна». Спиной стоит, позову – ноль эмоций. Тогда скажу: «Анна-Инга». Поспешно обернётся:

– Ой, извините. Всё никак не могу привыкнуть.

Миновало года полтора, Анна не реже одного-двух раз в месяц приезжала к батюшке. Стала его духовным чадом.

Да случилось то, что случилось – однажды пришла Анна со скорбным лицом:

– Батюшка, я пала.

– Как так?

Батюшка расстроился, радовался за Анну, нашла в себе

силы побороть страсть, душа искренне потянулась к Богу. С жадной неопытностью читала духовную литературу, делая для себя новые и новые открытия, нередко возникали вопросы, с которыми шла к батюшке.

– Помните, – начала рассказывать, – приезжала к вам с мужчиной, раб Божий Евгений. Давно просил взять к вам, выражал горячее желание познакомиться. Человек невоцерковлённый, мне показалось, начал проявлять неподдельный интерес к православию, давала ему книги. В тот вечер вышли от вас, он предложил подвезти, хорошо поговорили по дороге, Евгений живо интересовался моим паломничеством в Оптину пустынь. Дороги не хватило рассказать всё о поездке. Имела неосторожность пригласить к себе на чай...

Казалось, следа не осталось от болезни, медики удивлялись – всё чисто, анализы прекрасные. Однако рак снова активно проявил себя, Анна пошла по врачам, начала чахнуть.

Батюшка меня в это не посвящал.

В тот раз приехал к нему, он попросил отвезти в больницу и помочь причастить и пособоровать болящего. Не сказал кого. Надо так надо, время было. Приехали, батюшка сначала один зашёл в палату поисповедовал болящую, потом позвал меня.

Захожу, а это Анна. Болезнь мало что оставила от прежней красоты: впалые щёки, бледная кожа. Но глаза лучились радостью. Засмущалась, увидев меня, женщина есть женщина, дескать, в таком виде.

Батюшка потом рассказал, он в первый раз вошёл в палату, Анна светится счастьем.

– Батюшка, – пропела, – я Богородицу видела, мою душу на руках держала.

И спросила:

– Значит, я прощена?

Батюшка причастил Анну, пособоровал, а вскоре она мирно отошла ко Господу.

Такая печальная и светлая история.

...Батюшкины полдомика четыре года пустуют. Его сын говорит, что ему отцовский дом как таковой не нужен, продавать не лежит душа, не прилагает усилий.

Если проезжаю мимо, обязательно перекрещусь, попрошу батюшкиных молитв к Господу, его благословения.

Как-то, в небольшом кругу духовных чад отца Саввы, было это за год до его смерти, заговорили о последних временах, когда в соответствии с «Откровением Иоанна Богослова» зазвучит ересь с амвона. Батюшка сказал, что в Крестовоздвиженском соборе служил святой праведный Иоанн Кронштадтский, по его пророчеству стоять нашему храму до скончания века.

– Посему, – просил батюшка, – постарайтесь удержать порядок хотя бы в нашей церкви. Нужно притормаживать священников, которые далеко заходят, не давать в обиду тех батюшек, кто не поддаётся ересям и держится верного курса. Приход немалая сила, если каждый не сам по себе.

Недавно возник принципиальный разговор с товарищами по приходу. Поговорили на повышенных тонах. Гордыня, тщеславие, осуждение... Полный набор. После эмоциональной стычки едем с Андреем, тоже чадом батюшки Саввы. Он завёлся не на шутку. Обычно сдержанный, где-то тугодум, здесь искры во все стороны. Говорит-говорит.

Пытаюсь успокоить:

– Ты за рулём, не кипятись, смотри на дорогу.

Он не слушает, продолжает приводить новые и новые доводы нашей с ним правоты, оппоненты, само собой их не слышат, Андрею это не важно. Ладно, сидели бы на диване, а то едем по Орджоникидзе в сторону центра, подъезжаем к перекрёстку, наискосок от нас домик батюшки Саввы. Нам красный свет. Стоим.

Я посмотрел на батюшкин домик, попечалился про себя: как давно не проезжал мимо него, не кланялся святому для меня месту. Столько раз молился здесь вместе с батюшкой, просил у него совета, молитвенной поддержки, закрывал эти ставни, которые вот уже четыре года не открываются вообще.

Перекрестился, попросил про себя: батюшка, помоги.

У Андрея всё бушует внутри, никак не остановится. Я слушаю вполуха.

Машины перед нами по Седьмой Северной прошли, но зелёный на поворот Андрею ещё не вспыхнул. Стой, что называется, и не дёргайся, если жизнь дорога. Да Андрей, про-

должая пребывать в возбуждённом состоянии, на светофор не смотрит и начинает делать поворот на Седьмую.

А по встрече из центра по Орджоникидзе прёт джип – «тойота ленд крузер».

Я кричу:

– Андрей, тормози!

Он ни раньше, ни позже, прямо на пути джипа останавливается как вкопанный. С запозданием отреагировал на мой предупреждающий вопль и перегородил улицу. Подставил в первую очередь меня (сидел с правой стороны) под этот японский танк на колёсах.

Получилось, что я просил батюшку Савву помочь раскол на приходе преодолеть, он нас с Андреем спас.

Мужик на «тойоте» в каком-то полуметре, не цепляя нас, делает поворот вправо и уходит от столкновения по Седьмой, чтобы затем вернуться назад и пойти своим курсом по Орджоникидзе. Мастерски от аварии ушёл. Андрей только и успел вскрикнуть:

– И-и-и!

Рельефно представил, чем всё могло закончиться.

Молится батюшка за своих чад, молится.

Глава тринадцатая

Паломничество с бабушкой

Было это по зиме. Заехал к бабушке, никого не было у него, заговорили о паломнических поездках. Я вспомнил, как ездил с семьёй. Бабушка – свои паломничества, он много где был, в Псково-Печерском монастыре, в Троице-Сергиевой лавре, в Киево-Печерской лавре, Почаеве... Рассказал о встрече со старцем Наумом (Байбородиним). В Троице-Сергиевой лавре хотел поговорить или со старцем Кириллом (Павловым), или с Наумом. С первым больше, тот тоже воевал, защищал Сталинград, но отца Кирилла не было на тот момент в монастыре, отец Наум принял. Бабушку томили сомнения – священник по канонам один раз женится, а у него было две жены.

Первая, не иначе как Аннушкой звал её, рано умерла. Родила бабушке трёх сыновей, от второй детей не было. Аннушка, тридцати ещё не исполнилось, заболела. Поначалу крепилась, потом повёз её бабушка в Омск, в железнодорожную больницу. Врачи обещали – всё будет хорошо. Но как ни приедет проведать супругу, той хуже и хуже. В один день Аннушка звонит бабушке на работу, он связистом на почте служил: «Ваня, забери меня домой».

Середина пятидесятых годов, лето, дали лошадь, впряг её в телегу и рано-рано утром отправился за сорок пять километров в город. Жена была совсем слабой и попросила сначала в церковь отвезти, а уж потом домой. Недалеко от больницы был действующий Николо-Казанский храм, туда и отправились. В церковь зайти у Аннушки сил не было, батюшка попросил священника прямо на телеге причастить болящую. Тот вышел с дарохранительницей, поисповедовал, причастил.

«Август, небо затянуто тучками, день тихий, тёплый, – рассказывал батюшка. – Аннушка только и сказала: “Ваня, ангелы поют”, – и отошла ко Господу. И тут же дождик пошёл, реденький. Я глаза ей закрыл, капли дождя со щёк вытираю...»

Повёз жену домой. По дороге молился, псалмы читал, плакал. В один момент запел «Свете тихий». При жизни Аннушка, бывало, скажет: «Ваня, спой “Свете тихий”».

Знал он много песнопений, она особо любила «Свете тихий». Один раз, было это на покосе, сели под копну отдохнуть, он спел какую-то народную песню, а потом Аннушка попросила: «Ваня, “Свете тихий”».

И запел в высокое степное небо: «Свете Тихий святых Славы Безсмертнаго Отца Небеснаго, Святаго Блаженнаго, Иисусе Христе, пришедше на запад солнца, видевшe свет вечерний, поем Отца, Сына и Святаго Духа Бога. Достоин еси во вся времена пет быти гласы преподобными, Сыне Божий,

живот дай, темже мир Тя славит».

«Была она хлопотуньей, – говорил про свою Аннушку, – вечно что-то делала, на ногу скорая и всё-то у неё получалось весело, как бы само собой. Не любила жаловаться. Бога почитала».

Машин в пятидесятые годы на дорогах было мало. Вёз батюшка жену по пустынному большаку. «Обернусь, посмотрю на неё, – рассказывал, – лицо не стал закрывать, будто спит, и пою».

Когда я с батюшкой познакомился, голос у него был уже старческий. Печалился: «Не тот у меня, Саша, голос, не тот». Кто слышал его раньше, говорили, тенор у батюшки был чистый, сильный – заслушаешься.

Со второй женой батюшка прожил больше, чем с первой, но если и вспоминал семейную жизнь, чаще с Аннушкой.

Похоронили батюшку рядом с ней.

Владыка в своё время объяснил, батюшке, тогда ещё мирянину, что в его случае можно рукополагаться только через монашество, постриг прежнюю жизнь отсекает, ты рождаешься заново.

Владыка сначала благословил на монашество, а потом и рукоположил в иереи, но сомнения у батюшки всё равно остались. Переживал по данному поводу.

Будучи в Троице-Сергиевой лавре, поделился терзающими сомнениями со старцем Наумом. Тот спросил: «Владыка благословил?» – «Благословил». Подумал несколько се-

кунд, потом встал, перекрестил вопрошающего и твёрдо сказал: «И я тебя благословляю». Тем снял все сомнения.

Подводя итог той нашей беседе о паломничествах, батюшка произнёс:

– Ещё бы напоследок съездить. У Амвросия Оптинского так и не сподобился побывать.

Я подхватил эту мысль:

– Батюшка, так давайте вместе съездим!

Сразу подумал – с сыновьями надо ехать, две недели проведут рядом со старцем.

Получилось наполовину, Миша не смог. Отправились втроём – батюшка, я и Коля. По маршруту: Дивеево, Москва, Оптина пустынь. Это был год, когда исполнилось десять лет со дня ритуального убийства монахов в Оптиной пустыни. В пасхальную ночь – восемнадцатого апреля 1993 года – их убили. И ещё одна годовщина в тот год была: в Дивееве первого августа праздновали столетие со дня перенесения мощей преподобного Серафима Саровского в Дивеевскую обитель.

Поехали сначала в Дивеево, в Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь. Преподобный Серафим говорил: «Счастлив тот, кто пробудет у убогого Серафима в Дивееве от утра до утра. Ибо Матерь Божия каждые сутки посещает это место».

В Арзамасе нас встретил на машине Пётр. Повёз к себе домой. Первым делом подвёл к углу с иконами, месяц назад

у него замироточила икона Серафима Саровского.

У Петра был хороший двухэтажный домик с уютным садом. Батюшке сад приглянулся. Ухоженный, уютный.

– У тебя, Петя, райское место да и только.

Свозил Пётр нас в храм, в котором был старостой. Старинный храм – семнадцатый век. На нём шли реставрационные работы. Деньги выделил один из десяти крупнейших олигархов России. Он восстанавливал несколько церквей Арзамаса, в том числе и эту.

Через два года после нашего приезда в Арзамас олигарх нагрянет туда с проверкой. Человек практичный, прекрасно знающий истину доверяй да почаще проверяй, приступил к выяснению, как расходуются кровные денюжки. Правильнее всего, как показала неожиданная ревизия, тратились на храм, в котором Петя отвечал за реставрационные работы.

Перед церковью развернулась следующая картина. Олигарх, выйдя из машины, начал отчитывать главу администрации города за нерациональное использование выделенных средств. Я вам, дескать, такие большие миллионы долларов отвалил, а где они, спрашивается? Куда ушли? На что потратить изволили? Глава что-то мямлил. Тут же стояли помощники олигарха, охрана и одно воздушное создание – племянница олигарха. Она по каким только диковинным границам не путешествовала в свои розовы годы, но в российской глубинке не доводилось побывать, вот и напросилась с дядей, захотела посмотреть, как живут соотечественники за

пределами первопрестольной.

Петру наскучили разговоры о долларах и рублях, об освоенных средствах и нерадивых подрядчиках, он вдруг решительно шагнул к олигарху, даже охрана не успела отреагировать:

– Вы бы знали, – вдохновенно сказал миллиардеру, так может говорить только Пётр, – какая красота открывается с колокольни. Даю голову на отсечение – нигде такого не увидите. Предлагаю подняться и посмотреть!

Олигарх, само собой, каких только экзотик не лицезрел на своём олигархическом веку, и всё же наглость Петра его подкупила. Посмотрел ему в глаза и сказал:

– А пойдём, коль не шутишь!

Воздушное создание тоже увязалась за дядей полюбоваться обещанной красотой.

– Ты дерзкий парень, – сказал олигарх, поднимаясь по крутой лестнице на колокольню.

– Скажу честно, – Пётр тоже перешёл на «ты», – мне по барабану, что в Москве к тебе на косоной козе не подъедешь, на танке не пробьёшься, по барабану, что наши перед тобой листом осиновым трясутся! Ты дал на восстановление церкви денег, сердечное спасибо! От всего прихода поклон до земли! Мы бы его ещё лет десять восстанавливали, если бы она не рухнул к тому времени! Колокольня наша вообще башня Пизанская была, наклонилась.

Не присочинил Пётр, нахваливая вид с колокольни. Он и

вправду был величественным. Церковь стоит на возвышенности, рядом небольшое кладбище, а дальше бескрайняя зелёная долина с лентой речушки, сверкающей на солнце, купами деревьев, пологом неба... Ощущение полёта и вечности...

Из церкви Петя с олигархом вышли в обнимку. Олигарх пообещал выделить дополнительные деньги на золочение куполов церкви. И выполнил обещание.

Из Арзамаса Пётр привёз нас с батюшкой в Дивеевскую обитель.

Батюшку поселили на территории монастыря и нас как его сопровождающих. Разместили в одноэтажном здании, одна половина в нём предназначалась для священников, вторая для мирян. Нам с Колей выделили комнату на двоих, а батюшке отдельную.

В монастыре жили батюшкины чада – Тамара и Маша. Они за год до нашего паломничества приехали в Дивеево. Я даже какую-то сумму давал на проезд.

Мать у Маши – Наталья (родная сестра Тамары) – колдовала. На этой почве возник конфликт с Тамарой, та вынуждена была уйти на квартиру, а с ней ушла и Маша, что было шоком для её матери. Наталья начала строить козни против них, делать всякие пакости. Женщин стал донимать рогатый. Пережили не одну жуткую ночь.

На жизнь Тамара зарабатывала мелкой торговлей, Маша помогала. Тамара залезла в долги, дела пошли хуже и хуже,

начали донимать кредиторы. Женщины оказались в положении: куда ни кинь – капкан.

Обе далёкие от церкви, но забрели со своей бедой в Крестовоздвиженский собор, им подсказали: идите к отцу Савве. Пришли, рассказали о своих бедах.

Батюшка оставил женщин у себя. Отошли душой, начали воцерковляться. Продолжительное время жили в вагончике, что стоял во дворе... Два топчана, окошечко – вот и вся обстановка, иконы по стенам. Отапливался электрообогревателями. Маше на то время было девятнадцать лет, Тамаре – чуть за сорок.

Ещё до встречи с бабушкой Тамаре приснился сон. Рассказала его, когда встретились в Дивеево, в монастыре.

Сидели вечером с Тамарой на лавочке у корпуса, в котором жили. Справа поодаль высилась лиственница цесаревича Алексея, посаженная царевнами в 1905 году в честь первой годовщины рождения брата. Со смолой цвета запёкшейся крови. У меня есть фотография: один сучок отпилен, срез у самого ствола, и на нём красная смола. Говорят, в природе ничего подобного неизвестно. К стволу прикреплён портрет цесаревича Алексея.

Тамара говорит:

– Видишь часть старой монастырской стены?

Лиственница была справа от нас, а стена слева.

Во сне увидела Тамара эту стену и монахиню, та строго спросила:

– Ты кто?

Тамара назвала себя.

– А я игуменья Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, – представилась монахиня. – Вот мой крест, твой где?

Перед тем как заснуть, Тамару охватило отчаяние – в испуге сорвала крест с шеи и бросила на пол.

После вопроса игуменьи Тамаре сделалось страшно стыдно за себя, начала оправдываться: крест есть, да ниточка буквально накануне оборвалась. Непременно вденет новую и впредь будет, не снимая, носить крест.

Утром проснулась с мыслью: надо записать название монастыря и спросить, где он находится.

Так Бог сподобил тётё с племянницей оказаться в Дивееве.

Батюшка, благословляя женщин на монастырь, написал поручительное письмо игуменье. Та прочитала и сказала: «Хороший у вас батюшка».

Несколько лет омички были послушницами. Тамара рассказывала, ей поручили окна красить в Троицком соборе. По преданию, по словам Серафима Саровского этот собор в конце времён будет взят на небо. Он был разрушен при советской власти, в новые времена восстановлен.

– Мне поручили окна в соборе красить, – рассказывала Тамара, – представляешь, собор вознесётся на небо, а там краска, которую я наносила. Будут ещё не один раз красить,

но поверх моего слоя. Разве не чудо – моя работа будет рядом с Престолом Господа.

Поговорили с Тамарой, я на следующий день в Троицкий храм зашёл, в нём мощи святых Марфы, Александры и Елены. Приложился ко всем, помолился, светло на душе, благостно. Паломники зашли, приложились к мощам, вышли. Вспомнились слова Тамары о покраске окон. Подумалось, как бы хорошо, хоть капельку какую для храма сделать.

Откуда ни возьмись монахиня передо мной выросла, подаёт ведро:

– Брат, принеси воды, пол сейчас будем мыть.

Схватил ведро, побежал едва не вприпрыжку.

Почти мгновенно: вопрос – ответ.

Маша приняла постриг, стала инокиней. Каждый год на Пасху поздравительную открытку присылает. Тамара жила одно время в скиту. Недавно кто-то из батюшкиных чад сказал: Тамара ушла из монастыря, сошлась с мужчиной и вернулась в мир. Монастырь оказался не её путём.

У нас с батюшкой не было расписано и согласовано: в Дивеево поживём столько-то, в Москве – столько-то, на Оптину отводим столько-то времени. Билеты брали по ходу дела. В ту поездку узнал, батюшка долго не может на одном месте. Я-то думал, в Дивеево побудем подольше, походим на службы, помолимся, будем ездить на святые источники.

Батюшка, как приехали, первым делом в храм. Попросился на проскомидии частички из просфор вынимать.

Потом съездили в Цыгановку на источник. Вернулись оттуда, Тамара и Маша к нам пришли, сели чай пить, батюшка говорит:

– Завтра поедem в Москву.

Я чаем поперхнулся, как в Москву? Начал возражать: куда торопиться, завтра на раннюю службу пойдём, потом можно на Казанский источник сходить, там окунуться, а вечером – на всенощную. Время есть, успеем в Москву.

Нам предлагали остаться на столетие прославления Серафима Саровского. Дней пять было до первого августа, уже паломники начали подтягиваться к этому сроку. Батюшка сказал: «У раки Серафима Саровского помолился, попросил его благословения, мне достаточно». В последнее время сторонился мероприятий с многолюдьем, суетой.

Тамара в бок толкает меня, мол, что ты батюшке пере-чишь. Отец Савва настолько смиренный, слушает мои до-воды, не перебивает, не настаивает на своём. А я разошёлся, будто ровня, планы обширные излагаю. Обронил мысль, мол, и на день памяти Серафима Саровского можно остаться, раз в сто лет такое событие, а время позволяет.

Наконец Тамарины толчки дошли до моих мозгов, понял свою оплошность, язык прикусил и прекратил самочинничать.

Так что поехали мы на следующий день в Арзамас на вокзал. Без труда купил я билеты на поезд. Смотрю, девчонка, худенькая, возрастом десятиклассницы, на прогулочной ко-

ляске девчушку везёт. Годик с небольшим ребёнку, упитанная, румянец на щеках и как обезьянка в коляске скачет. Не пристёгнутая, того и гляди вылетит и на бетонную плитку шмякнется.

Говорю юной мамаше, Лизой, как узнал потом, звали:

– Ребёнка держи, вылетит, не дай Бог!

Лиза гордо так:

– Она у меня сильная – не упадёт.

И продолжает:

– А я вас узнала. Вы были в Цыгановке на святом источнике, я там с кружкой стояла. Батюшка бросил денежку, и вы тоже бросили.

Я её не вспомнил.

Лиза из себя девчонка-школьница, но уже мама. История такая – забеременела в шестнадцать лет. Отец ребёнка как узнал о том, что папашей скоро станет, сразу на попятный – я не я, беременность не от меня. Лиза аборт делать не захотела, родила, а у девочки церебральный паралич.

Живут мама с дочкой на Северном Урале. Деревня большая, но всё одно – деревня. Больницы нет, денег нет, родители у Лизы на заработки уехали, редко когда позвонят, ещё реже денежку скромную пришлют, Лиза с бабушкой. И вот ДЦП у дочери. Кто-то подсказал – вези-ка ты ребёнка к Серафиму Саровскому в монастырь на источник. Лиза дочку в охапку и вперёд. Ни денег, ни каких-то знакомых в Дивееве. На перекладных, где автостопом, где на электричках добра-

лась до места. И прибилась к летнему православному лагерю детдомовцев. Те в палатках жили. Сами кашеварили, сами себя обихаживали. Молодую маму приняли в свой сиротский коллектив, Лиза человек неприхотливый, крыша пусть палаточная, да есть над головой. Помогала детдомовцам, чем могла, в том числе с кружкой у источника Серафима Саровского стояла. Было такое благословение у детдомовцев – стояли с кружками.

Два месяца в лагере жила и ребёнок исцелился. Первое время обливала дочку целебной водичкой, потом начала оку-
нать.

Ребенок, когда встретил их, был более чем нормальный – пышущая здоровьем толстушка, как ртуть подвижная, в коляску вцепилась ручонками, безостановочно прыгает. Близко не подумаешь, что ДЦП признавали.

Лиза счастливая, так всё хорошо получилось в Дивееве.

Домой возвращалась тоже на перекладных. Нисколько не переживала из-за отсутствия денег.

– Доеду, куда денусь, – засмеялась на мой вопрос.

Я попросил благословение дать Лизе на проезд.

Протянул деньги, она «спасибо-спасибо» и нырнула рукой в свою дорожную сумку, вытащила литровую стеклянную банку с земляникой:

– Сама брала, возьмите, пожалуйста.

Начал отказываться, мол, ты с ребенком, тебе нужнее.

Весело так говорит:

– Нет-нет, мне наоборот лучше, сумка вон какая тяжеленая! Батюшка пусть поест лесной ягоды. Очень вкусная.

Заставила взять землянику.

Мы с батюшкой и Колей тоже окунулись в источнике. Деревня Цыгановка в пятнадцати километрах от монастыря. В Дивееве много святых источников, в Цыгановке один из самых известных – Серафима Саровского.

Когда Саров стал закрытым городом, чудотворный источник преподобного Серафима был засыпан. По преданию, однажды охранники увидела вблизи границы запретной зоны старичка в белом балахончике. Спросили странного визитёра, что ему надобно вблизи секретного объекта? В ответ старичок ударил посохом в землю – забила вода. Вскоре источник приобрёл славу целебного. Его хотели засыпать, как же рядом с закрытым городом нездоровая суэта, люди какие-то приезжают за водой, будто её в других местах нет. Однако попытки погасить источник не увенчались успехом, в конце концов власти махнули рукой. Образовалось озерко. В советское время оно никак не было оборудовано, в девяностые годы прошлого века на берегу возвели бревенчатую часовню, три купальни, лестницы для спуска к воде.

В часовне у источника есть фотографии, человеческий глаз не видит, а фотоаппарат зафиксировал чудесные явления: священник стоит в озере, молебен служит, а от поручей исходит огненная дуга над водой... На другом фото огненное облако охватывает часть озера и часть людей, находящихся

в воде, но не всех...

Побаивался я за батюшку на источнике. Всё-таки восемьдесят лет, вода, как в горной речке, ледяная – градуса четыре-пять. Подстраховывал, но это было излишним. Три раза, как положено, погрузился с головой. Спокойно вышел. Воин.

Когда я с семьёй за год до этого был на источнике, семь раз заходил погружаться. Зайду три раза окунуться, выйду, а потом даже проплыл.

Из Арзамаса на поезде мы отправились в Москву. Приезжали в столицу рано утром, с вокзала запланировали ехать к Матронушке Московской.

В купе оказались вчетвером, кроме нас ещё мужчина. Я пошёл к проводнице, рассказал, что еду со старцем, попросил по возможности найти свободное купе, минут хотя бы на сорок – помолиться. Проводница отнеслась с пониманием, нашла купе в соседнем вагоне. Коля нам компанию не составил. Сказал, что завалиться спать, однако нашёл себе друзей в нашем же вагоне.

Мы с батюшкой помолились, вернулись в купе и легли отдыхать.

Поезд прибывал в Москву в начале шестого утра. Коля проскользнул на своё место минут за тридцать до Москвы. Нюх у меня острый, сразу почувствовал, сын не газировку пил.

На подъезде к Москве начал будить сынулю, не встаёт. Перегар от него благоухал не от одной бутылки пива. Тогда ещё

и курил. Кое-как растолкал. Как говорится, поднять – подняли, разбудить не разбудили. Смурной, бурчит что-то под нос в ответ на мои претензии.

Метро в шесть открылось, доехали до «Марксистской», пешочком прошлись до Покровского монастыря. Открывается в семь, на полчаса раньше прибыли. Хвост приличной очереди уже тянулся от ворот обители. Батюшку сразу пропустили, он приложился к мощам, и отправился в храм помогать священникам литургию служить. Как всегда попросился поминать о здравии и упокоении, частички из просфор вынимать.

Очередь длинная, но двигалась быстро. Не было, кто-то один пораньше пришёл, а потом к нему целая рота пристроилась.

Стою, свежее июльское утро, хорошо. В один момент Коля мой исчез. Только что рядом стоял, глядь – нет парня. Я подумал, отошёл. При людях не ругал, да он прекрасно чувствовал, отец не доволен его поведением.

Ладно, думаю, восемнадцать парню, не потеряется.

На стене Покровского храма установлен большой чудотворный образ блаженной Матронушки. Нижняя часть иконы завешана пожертвованиями – кольцами, крестиками... Очередь сначала двигалась к иконе, паломники прикладывались к ней, потом шли в храм. Стою, по сторонам посматриваю, где мой Коля? Начинаю беспокоиться и, что там говорить, нервничать: за две тысячи километров приехать и не

поклониться Матроне. Подошла моя очередь, приложился к мощам, помолился, попросил молитв блаженной к Господу за семью, себя.

Выйдя из храма, снова пооглядывался, искал глазами, куда сын мой, поросёнок такой, запропастился?

Нашёл, наконец, пропажу.

Сквер на территории монастыря, ряд скамеек. Все заняты, народу в час открытия было много, утро разгорелось, стало в разы больше. На всех скамьях паломники, лишь одна пустая, если не считать моего Николая. Подхожу, а у него слёзы на глазах. Весь взъерошенный...

– Папа, что это было?

– Ты о чём? – спрашиваю.

– Я подошёл к раке, начал прикладываться к мощам, вдруг хлопок...

Оказывается, почему я его потерял? Он тихонько улизнул от меня, мимо очереди напрямиком к раке прошагал. Решил, зачем страдать-мучиться стоять со всеми, без того голова после пива тяжёлая, лучше быстренько пройти, а потом отдохнуть на свежем воздухе...

Никто не остановил наглеца.

– Вдруг хлопок, – рассказывает с испуганными глазами, – и я не знаю, как на этой скамейке оказался.

Не понял, не помнит, как выбросило из храма.

– Папа, что со мной было?

– Точно не скажу, – говорю, – могу предположить: пью-

щие, курящие и наглые сочувствия у Матронушки не вызывают. Делай отсюда выводы.

– Я перекрестился, начал нагибаться, вдруг хлопок и меня вышвырнуло...

После Матронушки мы отправились в Храм Христа Спасителя. Службы не было. В верхнем приделе шёл ремонт, мы в нижнем помолились. Потом встретились у храма с духовным чадом отца Саввы – Антониной. Та привезла батюшке облачение, которое сама сшила. По её просьбе месяца за два до этого я обмерил батюшку со всех сторон гибким портняжным метром, а результаты передал Антонине, будучи в Москве в командировке.

На этом наша московская программа паломничества окончилась, отправились на автовокзал ехать дальше – в Оптину пустынь. На автовокзале нас никто не ждал – билетов до Козельска в кассах не было. Зато таксисты готовы вести хоть на край света. Узнал цену услуги. Приличная, там километров двести семьдесят ехать, но деньги у меня имелись. Попросил у батюшки благословение взять такси.

Сели в машину, смотрю, женщина суетится, явно уехать не может. Её ещё у касс приметил. Хорошо пенсионного возраста, одета по православному – длинная юбка, платок. Под вид монастырской послушницы.

Дверь такси открываю:

– Вам куда? – окликнул.

Она с надеждой в голосе:

– В Шамордино.

– Мы-то, – говорю с сожалением, – в Оптину. Извините. Для меня тогда Шамордино ничего не говорило.

– Так это по дороге, – обрадовалась женщина. – Не возьмёте с собой?

Таксист был не против. Сказал, сколько будет стоить дополнительный пассажир. Собственно, я потом и заплатил за матушку Сергию.

Женщина оказалась монахиней, да не простой – расшивала облачения патриарху Алексию. Жила не в монастыре, в Москве. Но часто ездила в Шамордино.

Села в машину. Увидела батюшку, обрадовалась, взяла благословение, успокоилась.

– Слава Богу за всё, – повторяла. – Не чаяла уже сегодня уехать. А меня ждут, я ведь позвонила в монастырь, сказала, что обязательно буду. Не зря молилась Пресвятой Богородице. Услыхала Царица Небесная.

Батюшка сидел впереди, рядом с водителем, матушку я посадил между мной и сыном.

Спросила, откуда мы, сказал, что сопровождаем старца, батюшку Савву.

Коля полусонный, носом клюёт, сказывается бессонная ночь в поезде.

Уточнила, кивая на Колю:

– Сын?

– Старший, – говорю.

– Тоже Коля.

Почему, думаю, «тоже».

– У меня сына звали Колей, – пояснила.

Матушка стала рассказывать о себе. За три часа всю жизнь доверила. После смерти мужа, протоиерея Сергия, приняла постриг с именем Сергия. Муж был настоятелем храма в Москве, сын помогал восстанавливать церковь и пономарил. Это начало девяностых. Сын с отцом поехали на такси к благотворителю за деньгами. Тот дал крупную сумму на новый иконостас. Тогда исключительно наличка имела хождение. Таксист узнал о деньгах и стукнул братве. По дороге остановили ребята в кожаных куртках, таксиста вытащили, тот, якобы, вырвался и убежал.

На беду сын матушки серьёзно занимался каратэ, да братва тоже не простая попалась. Отметила и протоиерея, и сына. Деньги отобрали. У сына после этого случилась онкология мошонки.

Помыкался по нашим врачам, медицина, как и вся страна, в очередной раз переживала трудные времена, ничего утешительного доктора не обещали, только и всего – давали советы ехать лечиться за границу. Парню подвернулась возможность отправиться с группой студентов на учёбу в США. Тот самый благотворитель (деньги которого забрали братки-грабители) отцовского храма посодействовал, в надежде, что парень сможет пройти нормальное обследование и прооперироваться при надобности.

Матушка Сергия с такой болью рассказывала. С сыном часто созванивались, только он не хотел печалить родителей, сообщать, что дела очень плохи. Говорил обратное. Радовались за Колю, жили верой – вернётся здоровым, вдруг звонок – умер.

Тело без ведома родителей кремировали.

– Вернулся домой в коробочке, – вытирая слёзы, сказала матушка. – Не по православному похоронили мы Колю.

Детство матушки прошло в Белоруссии. Интересный факт, немецкий офицер приютил пятерых сельских детей, в том числе и матушку, которые оказались без родителей. Нормально к ним относился, кормил, опекал. Матушка рассказывала, что налетела наша авиация, начала бомбить расположения немцев за селом. Она была во дворе, схватив ягнёнку, побежала прятаться в сарай. Вдруг взрыв, убило девочку, что рядом была, и ягнёнку, которого прижимала к себе. Не она спасла животинку, та её.

– Плачу над ягнёнком, – рассказывала. – Подружка рядом убитая лежит, я не по ней, по ягнёнку слезами заливаюсь.

Потом оказалась в партизанском отряде. Партизаны выкрали у немецкого офицера детей, под сеном вывезли.

Такси домчало нас до Шамардино, матушка Сергия пригласила посмотреть обитель. Таксист дал полчаса на всё про всё. За дорогу батюшка устал, но пошёл.

Красивейший монастырь. Во многих приходилось бывать, от Шамордино неизгладимое впечатление. Всё благоухает,

клумбы – цветочек к цветочку, монастырский огород тоже диво дивное. Ухоженный, красивый. Поразили кочаны капусты – неправдоподобно огромные. У меня вырвалось:

– Неужели такое может быть?!

Вокруг Шамардино деревеньки убитые, бедненькие, а здесь рай.

Зашли в храм, монахини радостно встретили матушку Сергию. Она принялась знакомить их с отцом Саввой, со мной. Была уже в монашеском одеянии. Как только на территорию обители зашли, сказала:

– Вы посмотрите пока, я сейчас.

Минут через десять подошла в монашеском облачении.

Настолько тепло было с ней, настолько близкий по духу человек, что казалось – наше знакомство обязательно должно продолжиться... Узнала, что езжу в Москву, пригласила:

– Обязательно заходите ко мне, буду очень рада.

Распрощались как самые родные люди. Дала телефон московской квартиры, договорились созвониться...

Но понятие «созвонимся» растяжимое, конкретности не прозвучало. Как позже понял, матушка подразумевала, не буду далеко откладывать. Сказала: в монастыре пробудет максимум до конца августа. Наверное, считала, в сентябре позвоню.

Напрямую не говорила, но позже сопоставил и понял, доверила свои воспоминания, чтобы я записал рассказ о её жизни и передал ей.

Позвонил приблизительно через полгода. В голове носил «надо позвонить матушке Сергии, надо позвонить», да всё тянул. Почему не мог собраться, не знаю.

Позвонил после Пасхи, она сразу узнала мой голос. И печально произнесла:

– Что ж сразу не позвонили? Куда пропали?

Я извинялся, сказал дежурные слова, что закрутили дела.

Она холодно прокомментировала:

– Конечно-конечно – семья, работа.

По тону чувствовалось, не расположена к разговору. И всё же произнесла на прощанье:

– Звоните, если посчитаете нужным. Не теряйтесь.

Через два месяца, будучи в Москве, позвонил, трубку взяла духовная дочь матушки. И сообщила, что матушку парализовало, поехала в монастырь, и там случился инсульт. По-немногу приходит в себя, но ещё в тяжёлом состоянии.

Телефон матушки до сих пор храню. Сколько ни звонил – не отвечает. Звонок проходит, а никто трубку не берёт.

На нашей православной выставке-ярмарке всегда спрашиваю монахинь из Шамардино про матушку Сергию, но ничего выяснить не удалось. Приезжали из обители насельницы, которые ничего о матушке не знали и сказать не могли – жива ли, нет.

Ношу вину перед матушкой в себе. Не оправдал её надежд.

Коля всю дорогу в Оптину проспал. Печально, конечно.

В паломничествах с детьми не один раз Господь сводил с людьми с интересной и поучительной судьбой, которые рассказывали уникальные вещи. Балбесам моим послушать бы внимательно, нет – чаще интересовало другое.

Спрашиваю как-то Колю:

– Помнишь монахиню Сергию, с которой ехали в Оптину в такси.

– Смутно.

О чём рассказывала и подавно не отложилось.

Конечно, что-то запало им в душу, да немало прошло мимо.

Кстати, относительно недавно выяснилась такая деталь той поездки, почему-то раньше Коля молчал, что едва драку не учинил, защищая батюшку.

Когда я пошёл покупать билеты на автобус в Козельск, его с батюшкой посадил за столик открытого кафе. За соседним столиком располагалась компания молодых парней.

Батюшка в туалет отошёл, один из парней попросили у Коли закурить, и пренебрежительным тоном бросил:

– И что это ты взялся прислуживать попику? Прямо стелешься перед ним – «батюшка, батюшка»! Водичку подливаешь, бутербродиками угощаешь. Попишка голову тебе задурил, а ты и рад стараться... Плюнь ты на него...

Коля задохнулся от негодования. У него такое уважение к батюшке и вдруг...

– Ты поддувало-то поганое закрой, – сказал парню, – пока

башку твою не повернул на сто восемьдесят градусов пятки разглядывать!

Не побоялся, что их трое.

Вовремя я подошёл, позвать Колю в машину. На минуту позже появись, неизвестно чем бы закончилось. Коля не дал бы себя в обиду, скорее всего, справился с парнями, но как пить дать, замели бы в милицию, и в Козельск мы в тот день не попали. Подхожу к сыну, вижу не в себе. Что такое? Мол, ничего особенного, просто парень не совсем вежливо попросил закурить, а он сказал, что ларёк с сигаретами в двух шагах находится.

Глава четырнадцатая

Венчание

Отец Савва бил в мой грех. Зная основной грех, лупил в него. Удивительно скромный и смиренный, примеры приводил, называя себя.

– Ты что, думаешь, – говорил, – рогатый блуда не дёргал меня и не дёргает? – Батюшке было за восемьдесят. – Ты что, – говорил, – считаешь, я не мужчина что ли?

Рассказывал такой случай. Был в Омске блаженный Николай – Коленька. Мог запросто епископу в глаза колючее сказать. Его любили не только прихожане Крестовоздвиженского собора, но и священники. Бывало, привечали у себя. Ходил с заплечным мешком, из которого мог и кирпич достать. Одним словом – блаженный. Батюшке Савве однажды приглянулась на клиросе в Крестовоздвиженском соборе вдовушка. Грудное сильное сопрано, и из себя ладная. Батюшка ей тоже понравился. Приходилось видеть его фото в сорокалетнем, пятидесятилетнем возрасте. Да и в шестьдесят лет он был видным мужчиной. И голос. Одна бабушка-прихожанка, рассказывая про него, сравнивала его голос в молодости с голосом популярнейшего в шестидесятых и семидесятых годах певца – Валерия Ободзинского. Летящий, ан-

гельский тенор.

На волне взаимной симпатии клирошанка пригласила Ивана Карпова к себе в гости. После вечерней службы батюшка вышел из храма с намерением подождать вдовушку на соседней улице, так сказать, чтобы лишние глаза не увидели, и пойти к ней. Идёт через двор церкви, а на скамье сидит блаженный Коленька со своим неизменным мешком. Окликнул батюшку:

– Ваня, подожди.

Батюшка остановился, мол, что тебе, Коля.

Коленька и говорит:

– Ваня, ты головой хорошо подумай! Очень хорошо. Не то вместо этого, – показал пальцем на небо, – будет тебе это! – Коленька опустил руку вниз и указал на землю. – Так что подумай.

Такая история. Свидание так и не состоялось.

Батюшка настойчиво убеждал меня, снова и снова возвращаясь к этой теме:

– Тебе венчаться надо.

Но я сам с усам, считал: это формальность – загс, венчание, штампы в паспорте.

– Зачем? – говорил батюшке. – Для меня развёлся, не развёлся, какая-то печать в паспорте – это всё бюрократия. Главное, что как никто другой знаю: жена навсегда одна, первая и последняя, и что бы ни было – продолжаю её любить.

Любил, положим, в то время не любя. Головой помнил тот

ореол, те наши первые после свадьбы двенадцать лет. Сердце не отзывалось. Говорил себе: такого не может быть, ты вспомни, нас столько связывает. Но сердце молчало. Поэтому любил, не любя. Парадокс.

– Венчание ни с чем не сравнивай, – наставлял батюшка. – Обвенчаешься и поймёшь. Грехом невенчанного брака нагружаешь детей. Они несут родовые грехи, а ты ещё свои добавляешь!

В конце концов, послушался батюшку. Убедил меня настырного.

О венчании не стал никому сообщать. Своего друга Вову Долгачёва привлёк с женой.

– Раз, – говорю, – дружкой не захотел на свадьбе, будешь венец держать. Отговорок, надеюсь, нет, что руки болят или ноги не держат?

– Никак нет, – дурашливо отдал честь, положив левую руку на голову (к пустой голове руку не прикладывают), а правую бросил к виску. – Жив-здоров, чего и жениху с невестой желаю!

На венчание маму позвал. Батю не стал, всю жизнь он церковь не признавал. Я посчитал: ни к чему напрягать, его не переделаешь, как есть так и есть.

Маме венчание очень понравилось, сожалела, что я никого не пригласил на таинство, в том числе и отца.

– Зря ты, Саша, так сделал. Пошёл бы, обязательно пошёл, и остался доволен. Ты знаешь, как гордится тобой! Нет-нет

да скажет: «Что там ни говори, а Сашка у нас, мать, самый умный получился».

При венчании чудо произошло. Повёл отец Валерий к аналою, а навстречу бабочка со стороны алтаря... Крылья огненного цвета... Подлетела и давай кружить вокруг нас. Я ещё удивился: надо же, откуда она в церкви?

Позже прочитал в православной газете. Во время крестного хода, что шёл с Дальнего Востока в Санкт-Петербург, муж с женой надумали повенчаться. Причём, не откладывая на потом, а при первой возможности. Возможность вскоре представилась. Литургия служилась под открытым небом перед церковью, всех крестоходцев храм не вмещал. После литургии венчали мужа с женой. При совершении таинства произошло чудо при многочисленных свидетелях, появились вдруг бабочки и принялись кружить подле венчающихся. Площадь перед церковью полна крестоходцами, однако бабочки летели только к виновникам торжества.

Батюшка поле таинства объяснил причину явления. Оказывается, бабочки, в отличие от нас, видят не только тварный свет (мотыльки ночью летят к горячей лампе), на нетварный Божественный свет тоже реагируют.

К нам пусть одна бабочка, да прилетела. Жена, кстати, не заметила, волновалась, вся в себя ушла.

Не скажу, что сыновья мои кардинально после нашего венчания изменились. Но дури поубавилось. Поэтому, когда через несколько лет оказалась при смерти Полянка, дочь со-

трудницы, я, отталкиваясь от собственного опыта, посоветовал родителям обвенчаться. Расскажу обязательно об этом случае.

Батюшка надеялся, венчание, прежде всего, на меня благотворно подействует. Я и сам наивно так думал. Ведь не печать в паспорте, перед Богом клятва дана...

Хватило ненадолго, снова полез в грязь.

Месяца не прошло, у Марины был день рожденья, пригласила в «Мельницу», было такое модное кафе на Герцена, с мельничными крылами. Выпили вина, посидели, она позвала к себе.

Ночью увидел подле себя движущуюся змею. Это не было сном в чистом виде. Другое состояние. Со мной однажды произошёл следующий случай: спал в родительском доме, и вдруг на ноги кто-то запрыгнул. Мягкий, наподобие кошачьего, прыжок. Глаза у меня были закрыты, однако я увидел жуткую рожу. Казалось, будь это сон, спал бы себе дальше. Начал читать «Отче наш» – рожа исчезла. Я соскочил с кровати, был один в доме, родители в Казахстан уехали, заглянул во все углы – никого. Только после этого успокоился.

Здесь увидел подле себя движущуюся толстую змею. Холодная чешуйчатая кожа, серебристо серого цвета и в движении.

Считаю, тогда я получил мистический укус – утром открылась язва, началось кровотечение.

Первый раз за год до этого со страшной силой скрути-

ла язва, не ныла, как бывало много раз ранее, здесь выл от боли. Получилось следующим образом. Марина попросила свозить в Солнечный, подружка рекомендовала тётку, та, дескать, хорошо предсказывает и помогает.

– Да брось ты верить в это! – сказал Марине. – Тётки какие-то, ржавые лебёдки, непонятно с кем связываешься.

После баб Зины осторожно к народным целительницам-прорицательницам относился.

Марина ещё та упрямица:

– Нет, сказали, никакая не колдунья. Православная. У неё иконы, свечи.

На православную я купился. Хотя баб Зина тоже позиционировала себя православной целительницей. Да ведь путь наш усеян граблями, на которые не устаём наступать.

Приехали. Номер дома тринадцать. В голове мелькнуло: Бог шельму метит. Идти с Мариной не собирался. Сажу в машине, книжку читаю. Часа полтора миновало, думаю: сколько можно будущее узнавать? Решил сходить и выяснить, что к чему.

Первый этаж, двухкомнатная квартира. В коридоре и кухне народ. В комнату дверь закрыта, туда по вызову заходят пациенты. Процент на девяносто – пациентки. В импровизированной приёмной (кухня и коридор) мужчина, лет этак сорока пяти, помощник целительницы-прорицательницы, по ушам народу ездит. Дескать, для оздоровления надо осваивать цигун.

Я тайчи занимался шесть лет. Дисциплина родственная цигун, обе связаны с энергетикой. Хотя нам говорили, что ничего там религиозного нет, просто упражнения выполняешь, но не совсем так. Цигун разрабатывали даосские монахи. В нём есть медитативные практики. На мужичка, вещающего про цигун, снисходительно посмотрел, мол, сви-сти-сви-сти, приятно слушать, но меня не проведёшь, я-то продвинутый.

Только на крючок «православной» целительнице «продвинутый» ещё как попался.

Марина, оказывается, ещё не заходила, но очередь подходит. При мне за дверь к таинственной целительнице нырнула, минут через пять вышла со словами:

– А ты хочешь зайти? Я о тебе сказала.

Думаю, почему не зайти, раз уж здесь оказался. Любопытной Варваре не зря нос оторвали.

В комнате полумрак, на окнах тяжёлые бордовые шторы, за столом сидит крупная, хорошо сбитая, от жизни не уставшая женщина, пальцы унизаны серебряным кольцами, свечи горят. С предыдущими пациентами долго не разговаривала, на меня добрых полчаса потратила. В завершении приёма говорит:

– Знаешь, я тебе помогу. Всем помогала и тебе помогу.

Должна была насторожить фирменная фраза – «всем помогала и тебе помогу». Это как у продавцов, которые навяливая товар, говорят с честной физиономией, мол, даже се-

бе домой купила. Но я уже рассиропился в ожидании целительного чуда.

– Сделаешь мне подарок, – продолжает, – а также купишь две головки чеснока. Приедешь в среду в пять утра.

Не мог свой любопытный нос не сунуть туда, где запахло дешёвой мистикой. Тем паче присутствует чеснок, который, известное дело, нечисть отгоняет.

Поразмышлял, какой подарок вручить, надо ведь от души, на то и подарок. У меня был отличный нож, люблю холодное оружие. Его определил в качестве презента целительнице. По сей день жалею – классный был нож. Купил две крупные головки сибирского чеснока. Машина была на ходу, подъехал ни свет ни заря к дому под номером тринадцать. Кроме меня ещё две женщины притащились в такую рань.

Открыл всё тот же мужичок. В комнате у целительницы мрак, свечи горят, окна зашторены. Выходит она из смежной комнаты, под цыганку одета. Что-то длинное цветастое свободное. В мужской шляпе, на шее верёвка.

И говорит:

– Вот шляпа от покойника, вот верёвка, на которой удавился человек...

Хорошее начало, ничего не скажешь. Что-то ещё бормотала. Потом подошла к одной женщине. Не помню, о чём её спрашивала, возможно, не расслышал, не о том думал. Та ответила. Подходит ко второй. Эта ближе ко мне сидела, начала плакаться: у сына семья, а он завёл другую женщину,

собрался подавать на развод, чтобы на разлучнице чин по чину жениться.

На что получает категоричный ответ целительницы, мол, пусть разводится, со второй будет лучше.

– Как же так, двое деток, – женщина не хотела развода сына, скорее всего, надеялась получить от целительницы насмерть присушивающее к законной жене снадобье.

– Младшенькой всего полгодика, – жалуется, – как тут разводиться?

Целительница неумолима, выносит вердикт:

– Пусть разводится. Со второй ещё нарожает.

Подходит ко мне:

– Кто такая Марина? – спрашивает.

Я замялся: у меня две Марины. Какую имеет в виду? Ту, что к ней приходила?

Не дожидаясь моего ответа, изрекла:

– Марина молится за тебя.

Ещё что-то говорила, не запомнил.

Потом обратилась ко всем:

– Вы принесли чеснок. Женщины принесли маленькие головки, мужчина – большие. Чеснок надо вам съесть.

И объясняет, коим образом употреблять. Не с борщом. Дала каждому по листочку со специальной молитвой. И начала объяснять суть целительной процедуры. Сейчас вспоминаю и сам себе удивляюсь: нет предела идиотизму. Рецепт следующий. С вечера надеваешь трусы наизнанку. Спишь в

носках. Предварительно делишь две головки чеснока на девять частей. Каждый вечер на час ночи ставишь будильник. Это время икс, в которое съедается, запивая водой, одну из девяти частей чеснока. Далее набираешь в ванну воды, в носках топчешь её, читая молитву по листочку. И так девять дней кряду. Рассказывала куда после курса лечения девать трусы, которые наизнанку надевал и носки, которыми вода топталась. Эти детали уже забыл. Она с серьёзным видом объясняла, женщины со старательным видом записывали, я мотал рецепт на ус.

Представляю, как лукавый хохотал над нами в то раннее утро.

С женой на тот период были практически в разводе. Я спал в зале. Изредка случались приступы язвенной болезни. Обычно просил жену снять боль, используя энергетические методики, которые вместе когда-то осваивали. Жена шла навстречу, не отказывала моей просьбе, руками поработает, и легче становилось, утихала боль.

Четыре раза я чётко выполнил процедуру-ритуал: трусы на левую сторону – носки на ноги – подъём в час ночи – употребление чеснока – топтание воды – чтение молитвы. На пятый день съедаю в час икс чеснок, запиваю водой, старательно топчу воду, ложусь и не успеваю заснуть – желудок мой начинает сворачиваться. Боль такая, какой раньше никогда не было – в разы сильнее.

Я терпеливый, тут стоны не могу сдержать. Постучался к

жене, прошу:

– Помоги, страшно болит.

Она поначалу не хотела, потом вышла. Поработала руками, а ничего не помогает.

Я вспомнил про молитву Господню. Ложусь, принимаюсь читать. Читаю, читаю, и начинает отпускать. Заснул. Часа три проспал. Проснулся – ничего не болит. Потом чувствую, опять занял желудок. Снова повторяю «Отче наш»...

После этого прекратил лошадиными дозами пожирать чеснок с топтанием воды. И жаль стало ножа, так по-дурацки отданного.

Пожалуй, расскажу ещё об одном случае, тоже с Господней молитвой связанном. Хронологически забегу вперёд. Это было годом позже после моей операции на желудке. Заболевает жена. Её кладут в больницу, в гинекологическое отделение. На обследование. Низкое давление, понижен уровень эритроцитов. Видимых причин болезни нет, но все показатели более чем тревожные.

Меня вызывает зав. отделением и объясняет, что положение более чем серьёзное:

– Скажу тебе честно, как мужик мужику, идёт резкое ухудшение. Понять, что к чему не можем.

Собрали консилиум, единого мнения нет, окончательный диагноз поставить не могут.

– Будем пробовать лечить, но бывает, что надеяться надо только на Бога.

Пришёл домой вечером, сижу на кухне, поделиться не с кем, не будешь детям говорить, что с мамой плохо.

Доктор меня напугал. Безоговорочно поверил ему. Сажу и думаю о худшем: могу потерять жену. Сыновья и дочь улеглись спать, у меня внутри: как я останусь один с ними? Как они без матери? Дочь ещё маленькая.

Звонит старшая сестра, Люба. Она первая из нашей семьи, потянулась к церкви. Но тоже долго металась – колдуны, гадалки. Это у нас, наверное, родовое. Только брат равнодушен ко всему, в том числе и к церкви.

Люба говорит:

– Саш, надо срочно поговорить. Не по телефону.

В это время отец лежал в больнице. У нас с ним одна проблема – язва желудка.

– Приезжай, – говорю, – сестре. Не могу к тебе подтянуться, детей одних оставить. Бери такси, я оплачу.

Приехала и давай каяться... Я после «чесночной целительницы» всем своим строго настроено наказал (авторитет у меня есть в семье), чтобы никаких бабок, православных колдуний! Что вся эта братия одним миром мазана, одной верёвочкой связана.

– Саша, – говорит, – я была у женщины, ты меня ругал, чтобы не ходила. Но подружка сказала, она хорошая. Папину фотографию показала. Она мне: «А всё – у него крест. Дальше ничего нет, закрыто». Спрашиваю: «Что я могу сделать?» – «Да ничего, – говорит, – ты не сделаешь». Я же,

Саша, и Маринину фотографию показала. Она посмотрела: «Здесь, – говорит, – тоже крест. У вас что-то в роду». Я начала её тормошить: «Здесь-то можно как-то помочь? Женщине сорока пяти нет». Она говорит: «Если кто-нибудь из ваших родственников тысячу раз прочитает “Отче наш”».

Я на Любу напустился, больше от отчаяния:

– Сколько раз говорил: прекрати ездить к бабкам, гадалкам, целительницам-дурительницам. Мутотой всякой забиваешь голову себе и людям!

Ругаюсь, а у самого в голове – «крест на жене». Врач сказал – шансов мало, на Бога надейся, и эта крест увидела.

Люба уехала. На меня такая тоска напала.

Посидел-посидел. Дети спят. Пошёл на кухню. Поставил на стол икону Пресвятой Богородицы «Чаша терпения». Достал банку с рожками. Принёс два тазика. В один отсчитал тысячу рожек. Затешил большую свечу. И начал читать «Отче наш». После каждого прочтения беру из полного и опускаю в пустой тазик один рожок.

Молитва, казалось бы, короткая, что там повторить тысячу раз, вроде немного, а читал всю ночь. Где-то слёзы начинали душить, сидел и плакал. Снова начинал: «Отче наш, Иже еси на небесех...» Под утро несколько раз молитву вышибало из памяти. Начисто. Силось вспомнить и не могу. Только что прочитал без запинки, а тут заколодило. Не могу, хоть плачь, воскресить в голове. Впору за молитвенником бежать. Всё же осилил – полный таз опустошил, тысячу раз

«Отче наш» прочитал.

Жену выписали через четыре дня, неожиданно началось улучшение. Анализы пришли в норму. Один Господь знает, насколько помогла моя молитва. Кстати, крест, который прорицательница видела на фото отца, тоже не состоялся. Батя ещё восемь лет прожил. Умер не от язвы, а от астмы.

Возвращаюсь снова к моей язве, к тому случаю, когда увидел змею.

Обычно, что делал, обнаружив кровотечение, – два дня отлёживался, с дивана не вставал. И на этот раз собрался так лечиться. Да звонит родной брат Олег, ему подвернулся участок земли в хорошем месте, собрался дом строить. Попросил помочь оформить. Я в свою очередь звоню Вадиму Селезнёву, специалисту по таким сделкам. Брат заезжает за мной, потом забираем Вадима и едем. Мне всё хуже и хуже, силы тают на глазах. Приехали на место, я стоять не могу, присел. И больно, и ноги не держат. Вадим узрел, что я не в своей тарелке. Начал расспрашивать.

– Язва открылась, – объясняю, – кровоточит.

Вадим давай меня отчитывать:

– Ты что дурачишься? Надо в больницу, сделка успеется!

– Какая больница, – говорю, – мне через три дня в Москву лететь с дизайнером на выставку. Билеты куплены, нас там ждут. Отлежусь, не в первый раз.

Вадим парень решительный:

– Ты давай не шути. Какая Москва, если кровь пошла. У

меня главврач в областной знакомый, сейчас позвоню.

– Да ерунда, – говорю, – не суетись, само пройдёт. Никаких врачей не надо.

Так мы тот участок земли и прошляпили, брат по сей день сокрушается:

– Такое место упустили.

– Значит, так было угодно Богу, – объясняю ему. – Не твоё оно. Не рви душу.

Вадим скомандовал брату, чтобы вёз меня домой и сразу вызывал «скорую».

По дороге решаю, мне нужна исповедь, прошу брата завести к бабушке Савве.

Делаем небольшой крюк. У бабушки как всегда вечером народ. Меня увидел:

– О, Саша, давно не был, заходи-заходи...

Потом глянул в лицо:

– У-у-у, тяжело тебе будет, пошли-ка.

В келейку, маленькую комнатку, завёл. Я на колени встал, исповедовался.

– Тебе надо обязательно причаститься, – сказал. – Я бы причастил, но даров нет у меня.

И повторил:

– Тяжко тебе придётся, Саша, тяжело. Буду молиться. Обязательно причастись.

Домой на пятый этаж поднимался с помощью Олега, сам не мог. Вызвали «скорую», и меня в многопрофильную боль-

ницу повезли.

Там сходу взяли меня в оборот, раздели догола, я начал ерепениться, как-никак директор, а со мной безапелляционно обращаются.

Скомандовали, раздев догола:

– Снимай крест и кольцо.

– Нет, – говорю.

На мне серебряные кольцо и крест.

– Мы тебя сейчас в реанимацию повезём, снимай без разговоров!

Тут уж я показал своё я. Да и вообще – как это крест снимать?!

– Ни за что не сниму, – говорю, – с этим умирать буду!

Операцию так и делали с крестом и кольцом.

Кстати, с кольцом интересная история произошла. Это уже лет через шесть после операции, вдруг лопнуло. Всё равно носил, а потом гляжу – нет. Обнаружил, когда в подполье в родительском доме картошку набирал, вылез, смотрю, нет кольца. Обратно в подполье – искал-искал, так и не нашёл.

Кто-то обвинит меня в приверженности мистике, но с того времени окончательно с женой разладились отношения.

В больнице в меня зонд ввели, определили расстояние до язвы и ушли. Вопрос со мной обстоял не лучшим образом – язва то закрывалась, то открывалась. Опасная ситуация. Когда привезли в больницу, не кровоточила.

Мне повезло, что самое серьёзное началось утром. Все

врачи были на месте. Часов в десять консилиум устроили. Зав. отделения говорит:

– Срочно операцию надо делать.

Я в бутылку:

– Какая операция? Мне в Москву ехать, билеты на самолёт в кармане!

– Ты не шути с этим! – главврач на мои brave заявления возразил. – Потерять столько крови, если снова откроется кровотечение, считай – секундомер включен, гарантий никто не даст.

Меня ничем не убедить. Своё, как глухарь на току, пою:

– Да все нормально, док, давай подпишу отказную для твоего спокойствия.

Искренне думал, он пугает, а на самом деле ничего смертельного у меня нет. Если и понадобится когда операция, во всяком случае, не на этот раз.

– Дня два у вас полежу, – говорю доктору, – дальше знаю, что делать.

– Отчаянный ты, – покачал тот головой и не стал больше спорить.

Лежал я с контролкой в носу. Тоненькую трубочку засунули в меня, с которой страшно неудобно, жёсткая, торчит из ноздри, не повернуться, ничего. Попросил зав. отделения освободить от трубопровода. Много раз в меня раньше трубку через рот внедряли на предмет эндоскопии. Не из приятных процедура, тошнотворная, и всё же терпимая, в нос

впервые засунули, и очень мне это не понравилось.

Зав. отделения поначалу пошёл на поводу, скомандовал своим:

– Уберите.

Сам направился к двери, однако на полдороге передумал, обернувшись, бросил медсестре:

– Не надо, не убирайте!

Мне пояснил:

– Ты, знаешь, лежи так, ничего страшного, пусть контролька будет. Потерпи – бережёного Бог бережёт.

Как в воду глядел, буквально через какие-то минуты сыграла трубка сигнальную роль.

Зав. отделения ушёл, в палате остался врач. Лет сорока женщина. Приятной наружности. Объяснил ей, что жду батюшку, вот-вот должен приехать. Нормально восприняла информацию о скором появлении священника в реанимации. Надо, дескать, так надо. Спросила меня, в какой храм хожу, и как часто, тут медсестра заглядывает:

– К вам жена со священником.

Я жене рано утром позвонил, чтобы отца Валерия привезла. Раз батюшка Савва наказал причаститься, значит, надо. С отцом Валерием у нас были хорошие отношения. Одно время он со скепсисом относился к батюшке Савве. Не исключаю, была некая ревность. Я ведь выбирал между ним и батюшкой, когда определялся, кого просить, взять меня в духовные чада. Он однажды бросил, дескать, вы принимаете

обычного старика за старца. И не разделял батюшкиного категоричного отношения к электронной идентификации населения. Однако ещё при жизни батюшки Саввы понял свою неправоту, поверил в его духовный дар.

Когда медсестра доложила о прибытии священника, я сказал врачу, что буду причащаться.

Она смотрит на меня и говорит:

– А вот это плохо!

Я с вызовом:

– Что плохо?

Посчитал, не хочет батюшку пускать. Только что ничего против не имела, а когда приехал, встаёт в позу.

– Что плохо? – повторил недовольным голосом.

Взгляд мой был обращён к ней, поэтому не видел, что у меня в контролёвке творится.

Она говорит:

– Смотри.

Сначала кровь выходила из меня по трубочке пузырьками, а потом, будто качнули, струйкой пошла.

Кричу:

– Быстро священника!

Она:

– Какой тебе священник!

Я настойчивее:

– Быстро священника! Быстро!

Настолько убедительно потребовал, что крикнула в сто-

рону двери:

– Священника впустите!

Отец Валерий увидел моё состояние, у него мгновенная реакция.

– Александр, причащать тебя нельзя – кровь, – сказал констатирующим тоном и сделал акцент на другом: – Ты должен простить всех, на кого у тебя обиды остались.

– Какие обиды, – говорю, – вчера у батюшки исповедовался!

Отец Валерий главное почувствовал в ту критическую минуту.

У меня после его вопроса, будто камень в груди начал расти: вдруг понял – есть обида, страшная обида на Марину. Ничего не простил ей. Умом – да, сердцем – нет. Во мне все эти годы таилась обида на её многочисленные уловки, предательства. Столько накопилось в душе от постоянного перетягивания каната. Она изменяла мне. Я это чувствовал. Головой понимал: «Что ты хочешь, если сам ничего определённого не обещаешь. Она стремится устроить свою жизнь, ищет варианты, ищет своего мужчину, ведь я ничего не обещаю». Понимал и в то же время не принимал её позицию. Делить её ни с кем, ни под каким видом не хотел.

Если начинал предъявлять ей претензии, объясняла, что никаких измен не было. Я заставлял себя верить. Так было удобнее. Но осадок оставался, накапливался. В момент, когда я оказался на грани – или-или, жизнь или смерть – обида,

словно до этого она была в сжатом состоянии, начала заполнять меня, раскрываться. Будь моя воля, заорал бы, завыл.

– Одного человека сто раз на словах прощал, – говорю отцу Валерию, – на самом деле не могу простить.

Батюшка приказным тоном:

– Все силы прилагай на этот грех, молись, проси у Бога прощения. Не имеешь права ни на кого держать зла, никого судить. Суд и наказание удел Господа. Прощай всех.

Ни о каком наказании я, казалось, не думал.

Врач замахала руками на батюшку:

– Всё-всё, уходите, его сейчас будут готовить к операции.

Отец Валерий спрашивает:

– Что ещё тебе надо?

– Помолитесь, – попросил, – за мою семью.

Перекрестил меня:

– Я за всех вас молюсь.

На этих словах я начал проваливаться в темноту, потерял сознание, потом будто бы открываю глаза, вижу огромные движущиеся на меня, мимо прозрачные пузыри. Именно пузыри – тонкие-тонкие, кажется, вот-вот лопнут. А в них обугленные люди. Женщину запомнил – чёрная, страшная, волосы длинные обугленные, глаза навывкате, как у безумной, на меня направленные, ужасом обдают, будто откуда-то с преисподней она. Исчезла женщина, шары исчезли, снова проваливаюсь в темноту, выныриваю, перед глазами серебряные пузыри. Прозрачные, отливающие серебром. Опять

темнота, после неё увидел золотистые пузыри, как и серебряные, пустые.

Не хочу снова увидеть обугленных людей, и в то же время вопрос в голове: а где они? Где та страшная женщина? Ведь были. Почему пузыри без них.

Прихожу в себя, отца Валерия нет, вбегают в реанимацию две женщины, называли их бригада «девять, один, один». Всовывают в рот мне трубку. Начинают рассматривать мою язву, из-за крови ничего не видно:

– Заливает! – одна другой говорит. – Не вижу! Какое состояние?

Язву найти не могут.

Вторая открывает книгу записей, читает, сколько сантиметров до моей язвы. Проталкивают трубку на нужную глубину, впрыскивает вслепую состав, чтобы залепить язву и остановить кровотечение.

Я опять теряю сознание. На этот раз мне кажется, будто бы смотрю в окно и вижу храм. Христорожественский собор по другую сторону здания, но я вижу его через окно палаты. Купола, кресты золотом горят. От них начинает литься свет, он приближается ко мне, становится тепло, умиротворённо.

В этот момент приходит ясное понимание – положение моё пятьдесят на пятьдесят. Или туда или сюда. Но я спокоен. С этим спокойствием прихожу в себя. Меня грузят на каталку, везут в операционную, кладут на стол, руки привязывают, я, как распятый на кресте.

Операция шла пять часов под общим наркозом.

Что характерно, после неё ничего не болело. Вообще не испытывал болей.

Лет за пять до этого операцию на связках делали – плечо выпадало. Два или три дня после этого спать не мог от болей. Отходило. А тут ничего, через месяц бегал на лыжах и в волейбол играл.

Господь и здесь пожалел, не поставил точку. Хотя исправления не было. Всё шло параллельно: в училище учился, молебны посещал, что ежедневно владыка служил на месте восстанавливаемого Успенского собора, по монастырям паломничества совершал, к отцу Савве ходил, к матушке Анне ездил, и продолжал грешить. Делал попытки освободиться из пут греха, но снова и снова возвращался к нему. Как та вымытая свинья, которая снова лезет в грязь.

Глава пятнадцатая

Матушка Анна

К матушке Анне впервые попал, когда учился в духовном училище. Если с батюшкой Саввой познакомила жена, к матушке я всех своих – жену, детей, сестёр – привёл.

После паломнической поездки с семьёй к Сергию Радонежскому и Серафиму Саровскому на глаза попало объявление о приёме в духовное епархиальное училище. Разузнал подробнее и подумал: надо поступать. Рукополагаться в священники не собирался, считал, совершенно не моё, зато училище поможет обрести духовные знания. Самоучкой можно долго блукать, а возраст не юношеский и время летит. Как раз открыли вечернее отделение, посчитал, вариант самый что ни на есть подходящий. Два года между делом похожу, умных людей послушаю и пройду с их помощью катехизацию.

Училище находилось у Крестовоздвиженского собора, вблизи от нашего салона. В то время, шёл 2002 год, чувствовал я себя более чем уверенно, готов был горы свернуть. Дела на работе складывались отлично, финансово ни от кого не зависел, поэтому не сомневался – на всё меня хватит.

Но через год вечернее отделение закрыли. Батюшкам-пре-

подавателям было неудобно – многие служили на приходах, а получалось, мало того, что днём надо читать лекции, ещё и вечера заняты. Тогда я пошёл на дневное отделение, и снова на первый курс, программа отличалась от вечерников. Думаю, ладно, даже если что-то второй раз послушаю, не вредно для пользы дела, а торопиться мне некуда – не для карьеры поступал. Нельзя сказать, что график учёбы отличался большой плотностью, я как начальник мог планировать свой рабочий день, не составляло труда и не вредило производственному процессу, если на какое-то время исчезал. Сотовая связь стала повсеместным явлением, в любой момент меня могли найти.

В училище узнал о матушке Анне. Удивительной судьбы человек. В тридцать с небольшим лет она заболела, да так, что врачи отказались, умирала. Тогда и попало ей на глаза житие Ксении Петербуржской. Что уже само по себе чудо, в советское время вдруг житие святой. Невोцерковлённая Вера, такое мирское имя носила матушка, стала слёзно молить блаженную Ксению о выздоровлении. И вскоре почувствовала облегчение. Всё у неё до этого внутри болело – желудок, кишечник, почки, печень, уже и встать не могла. А тут начала пить бульон, понемногу передвигаться по комнате. Ещё и ноги не совсем окрепли, и сил было немного, отправилась одна в Ленинград к матушке Ксении. Хотела поклониться святой, поблагодарить. Дорога далась непросто, тот случай, когда человека ветром шатает. Но пришла

на Смоленское кладбище, зашла в часовню, на месте захоронения блаженной, вдруг видит рядом с собой седого старца, он говорит ей ласковым голосом: «Ты болеешь, но долго жить будешь и храм построишь». Она глаза отвела на секунду, глядь, а его нет.

Вера решила, что если исцелится окончательно, храм обязательно построит. Дала такой обет. Выздоровела. Снова стала работать, да жизни радоваться. Обет сам собою забылся, как это нередко у нас бывает. По истечении нескольких лет начался рецидив болезни, опять к блаженной Ксении поехала. Там случилось то, о чём матушка рассказывать не любит. Точнее – не всё говорит. К Ксении она вошла, что там произошло, умалчивает, во всяком случае, мне не рассказывала, но не успела пяти минут побыть в часовне, как вылетела оттуда. Надо понимать, матушка Ксения Петербургская напомнила о данном обете построить храм.

После чего всё бросила, дети уже выросли, муж умер рано, и в окрестностях станции Татьянаовка решила строить храм. Было это во второй половине восьмидесятых годов. Сначала землянку вырыла...

Моё сердце, когда температура зимой опускается под тридцать, непременно ёкнет: как матушка в такие морозы жила одна-одинёшенька. Волосы, рассказывала, к стене примерзали. Причём, всё делала на свой страх и риск. У Бога попросила благословение, а так ни епархию, ни власти (коммунистически-атеистические ещё были) не оповещала о сво-

ём решении строить в лесу часовню в честь блаженной Ксении. Конечно, без Божьей помощи ничего бы не получилось. Больная, тяжёлое таскать ничего не могла, понемногу-понемногу из жердей, брёвен, обмазанных глиной, часовенку построила. В чём-то дети помогали. Какой-то местный пытался выжить, как он считал, бродяжку. Через него враг действовал, не мог он равнодушным остаться к созданию святого места. Всё матушка выдержала, всё перенесла.

Это уже потом узнал о пустыннонице митрополит Феодосий, постриг в монахи, и место получило официальный статус обители – Свято-Серафимовский женский монастырь. Нашлись благодетели вплоть до губернатора. Паломники потянулись, послушницы появились, а потом и монахини. Был построен большой храм в честь Серафима Саровского.

Я к матушке Анне с третьей попытки попал. В первый раз приехал – нету, во второй – аналогичная картина. Лишь в третий приезд удалось поговорить. Сейчас матушка знает мою жену, детей, моих сестёр. Младшая, Таня, была настолько привязана к маме, что после её похорон несколько месяцев плакала, не могла остановиться. Глаза постоянно держались на мокром месте. А то и рыдать начнёт. Придёшь к ней, обнимет:

– Саша, нет нашей мамы! Как жить без неё?

И давай реветь.

Со старшей сестрой повезли к матушке. Таня с глазу на глаз побеседовала, выходит, лицом светится и говорит с

удивлением:

– А матушка, как мама.

С такими людьми на самом деле впервые начинаешь разговаривать, а через несколько минут понимаешь, перед тобой родной, бесконечно близкий человек. Будто всю жизнь знал его. А он всем сердцем болеет за тебя. Такая матушка Анна.

У моего знакомого, Жени Перова, умерла жена. Сорок лет мужчине, двое ребятишек, старшему двенадцать, и вдовец. Прошло какое-то время после смерти жены, стихла боль, Женя начал просить Господа Бога: если суждено жениться, пусть жена будет верующей. И вообще как быть-поступить – жениться или вдовцом оставаться?

С этими мыслями приехал к матушке Анне. Поделился с ней сомнениями.

Она говорит:

– Думаю, найдёшь ты себе жену, только не торопись.

В тот свой приезд Женя пошёл помолиться в главный храм обители. Попросил у Серафима Саровского помощи в поисках жены. И дал обет, если женится, родится ребёнок, назовёт его Серафимом.

Проходит время, знакомится с молодой женщиной, была она крещена в православии и далека от церкви. Пригласил в кафе. Сделал заказ, стол накрыли, Женя перекрестился перед началом трапезы. Женщина удивлённо брови вскинула:

– Зачем так делаешь?

Мол, это ведь не церковь, общественное место.

– Ты ведь сказала, что православная, – Женя ей, – а это элементарные вещи.

Женщина не обиделась. Женя предложил ходить с ним на службы по воскресеньям. Согласилась.

И всё же мучили Женю, человека конкретного, сомнения: его эта половинка, продолжать знакомство или нет? Если «нет», то женщину не обнадёживать, самому не тратить время. Хотел ясности. Повёз избранницу к матушке Анне.

Матушка посмотрела и говорит:

– Что вам сказать? Подружите для начала, а там посмотрим.

Матушка как бы подтвердила колебания Жени. Не дала чёткого ответа.

Месяца два проходит. Женя из тех людей, для которых неразрешённые вопросы – тяжкое бремя, не умеет мириться с ними, спокойно носить в себе, авось само образумится. Снова едет с женщиной к матушке Анне.

Та выходит к ним:

– Вы ещё не обвенчались? – спрашивает.

– Вы же сами сказали – подружить, – вырвалось у Жени.

– Всё, венчаться! – категорично заявила матушка.

Близился Рождественский пост, поэтому Женя тянуть не стал с исполнением матушкиного наказа, вскоре обвенчался с избранницей, а на следующий год первого августа, ни раньше ни позже, в день памяти Серафима Саровского, у них ро-

дилась Серафима.

Четыре года назад у моего старшего сына Коли начался разлад в семье, звонит:

– Пап, давай к матушке Анне съездим.

Про то, как помогла ему матушка, когда он в КПЗ угодила и грозил конкретный срок, поведаю отдельно, это целая история с криминалистикой, для начала о том, как мы с Колей вдвоём ездили. Зима, свою машину накануне в сервис загнал, поехали на электричке. Было это накануне Варваринного дня. На Варвару всегда к матушке владыка Феодосий приезжал. Я тоже старался в этот день побывать в монастыре. В тот раз пришлось раньше поехать. Коля хотел с матушкой поговорить в спокойной обстановке, в праздник, когда масса паломников в обители, не получилось бы.

С электрички выходим, снега в тот год навалило, да ещё накануне нашей поездки буран крутил. День солнечный, морозный, белоснежные поля сверкают. Одно удовольствие от такой погоды.

Матушка радушно встретила. Говорю:

– Матушка, Коля с вами поговорить хочет.

– С хорошим человеком всегда готова! – заулыбалась матушка.

Оставил их вдвоём, сам в уголке устроился.

Они минут двадцать побеседовали, потом матушка нас накормила и говорит:

– Мне вас прямо Бог послал. Завтра владыченька приез-

жает, а у меня дорога не чищена.

Что такое поработать у матушки, хорошо знаю.

Трудники, точнее, трудницы всю ночь убрали на территории снег, нам осталось дорогу к воротам, где-то метров двести, прочистить. Снег плотный, бураном спрессованный, дней за несколько до этого оттепель имела место быть, поэтому снизу лёд, сверху наст. Взял штыковую лопату, копьём швырнул в наст, она вместо того, чтобы воткнуться, отлетела – до того плотный снег.

Начал долбить и не получается с одного раза воткнуть лопату – лёд. По первым метрам понял, за три часа, что нам осталось до последней электрички, двести метров физически пройти невозможно. Даже для нас с сыном, не слабых представителей мужского пола.

Коля окинул взглядом фронт работ, вздохнул:

– Раньше последней электрички не получится уехать.

– Да уж, – говорю, – придётся поработать во славу Божию.

Но не посвящаю Колю в одну монастырскую тонкость, хотя Коля её должен был помнить...

Едва не первый раз приехали тогда к матушке Анне всей семьёй, только что без дочери: жена, я и Коля с Мишей. Май, посадка картошки. Поговорили с матушкой, она зовёт:

– Пойдёмте.

Приводит на поле. Вот семена, вот лопаты, с Богом.

Сажаем. Солнышко поднялось, парит, парней моих жажда одолела.

– Попить бы, – канючат.

– Не благословлено, – говорю, – сажаем.

Они за своё:

– Ну, пить же хочется.

Изнылись. Я им объясняю, что мы в монастыре, здесь всё делается исключительно по благословению игумены.

Матушка будто услышала нас: вдруг появляется с прохладным квасом. Не кого-нибудь из монахинь или послушниц отправила, сама принесла.

Был случай, приехал к матушке с женой и обеими сёстрами. Все по отдельности поговорили с матушкой, покормила нас после бесед.

– А теперь, – говорит, – поработать надо.

Зима стояла, имелась та же проблема – снег. В большом количестве. Долбить его не надо было, поэтому матушка на так сказать лёгкий труд, грузить снег на волокуши и таскать за ворота, отправила женщин, мужчинам другое послушание определила: в корпусе, в котором находились монашеские кельи и помещение для паломников, разбирать перегородки и ставить на новом месте. Мужчин раз-два и обчёлся, я, моего возраста товарищ с сыном, парнишка лет семнадцати, студент. Он приехал с отцом и матерью. Какие вопросы привели их к матушке, не знаю, но парнишка торопился на свидание в Омск. Был ещё молчаливый мужчина, лет пятидесяти. Я взял на себя роль бригадира, опыт в таких перестройках имелся. Мужчина безропотно выполнял все мои указания.

Объём работ маленьким не назовёшь. Дощатые перегородки, обшитые вагонкой из ДВП, во-первых, надо разобрать, да не по принципу – ломать не строить, так как на втором этапе предстояло как раз строить из этого материала.

Приступили к делу после обеденной трапезы, парнишка натуральным образом извёлся, уже через полчаса начал доносить отца:

– Когда уже поедим?

В ответ звучало:

– Когда благословят, тогда и двинемся.

Работаем, время идёт, срок последней электрички миновал, парень дёргается:

– Когда уже?

Понять торопыгу можно, сердце разрывается – девушка в Омске ждёт, готов хоть пешком к возлюбленной бежать да отец одно и то же повторяет:

– Сказала матушка работать, значит, работать, благословит – поедим.

Приходит матушка, зовёт на ужин.

Плотно нас покормила. Я сам был не прочь услышать благословение на отъезд. Как-то не лежала больше душа к молотку и гвоздодёру. Тем более к электричке не был привязан – на машине. Заводи и через час дома.

Но фронт работ, что у нас, что у женщин не закрыт.

Потрапезничали и двинули на передовую.

Десять вечера стрелки часов обозначили, конца края по-

прежнему не видать. Матушка тут же с нами в корпусе. Под руку с указаниями не лезет, молча поодаль ходит – молится.

Парень канючить прекратил. Потерял последнюю надежду на встречу с любимой.

Закончили мы в четвёртом часу утра. Всё это время матушка не отходила от нас, рядом была.

Как забили последний гвоздь, подвела черту:

– Вот и слава Богу. Пойдёмте чайку попьем, поспите и поедете.

Вот когда благословила.

Был такой памятный опыт.

Рубим с Колей снег. Прекрасно понимаю, за три часа никак не перелопатить такой объём. Уж что-то, а снега в детстве и юности, мама дорогая, сколько перекидал. Двор у родителей отличался полномасштабным размером, лопатой машешь-машешь, семь потов сойдёт.

Долбим, кидаем, матушка позади нас ходит и молится.

Безостановочно молча рубим снег со льдом и матушка ни слова не говорит.

Физически невозможно было двоим столько снега убрать. С молитвой матушки успели до последней электрички. Даже осталось время чаю попить.

Что тут сказать можно: не одни мы с Колей дорогу в тот день для митрополита расчищали. Явно не одни.

Не могу не рассказать следующий случай. Однажды у матушки Анны познакомился с её духовными чадами. Муж с

женой, предприниматели, имеют магазинчик, как сами смеялись над своей торговой точкой – «тысяча мелочей из посудной мелочёвки».

Я был без машины, матушка благословила своих чад забрать меня в Омск. По дороге рассказали, как однажды приключился с ними на трассе казус, да такой, что оказались в шаге от трагедии – уснули. Ехали из Сургута зимой, дорога отличная, никаких колдобин, ям, подъёмов и спусков – ровная, как стол. Машина отличная, двигатель ровно урчит. И убаюкал.

Жена первая провалилась в сон. Муж перед этим несколько раз повторял: «Разговаривай со мной, не умолкай, иначе засну». Накануне тоже ночь толком не спали... Нет бы остановиться, съехать на обочину да подремать... Наша вечная спешка.

Жена заснула, муж пожалел будить благоверную, пусть, мол, поспит.

Едут, она во сне слышит голос: «А ты-то чё спишь?»

И тут же сотовый затрезвонил. Сунула руку в карман, достала телефон, а там голос матушки: «Ну, ты-то чё спишь?»

Машина неуправляемо мчалась по встречной полосе, муж, скованный сном, сидел, склонив тяжёлую голову к рулю.

У супруги хватило ума не заблажить во всё горло: «Просыпайся! Убьёмся!» Не напугала мужа истошным воплем. Тихонько тронула за локоть: «Петя». Он вскинул голову,

мгновенно оценил ситуацию, плавно повернул руль, направил машину на свою полосу, а потом съехал на обочину. Мимо пронеслась многотонная фура.

Оба синхронно перекрестились.

Несколько раз возил отца Савву к матушке Анне. Он любил к ней первого августа, на Серафима Саровского, приезжать. В обители всё в цвету, день, как правило, солнечный с огромным небом. Ветер в березняках гуляет, птицы щебечут, пчёлки летают. Всегда хорошо. Владыка Феодосий со своей свитой приедет, автобус с паломниками, духовные матушкины чада из Омска, Новосибирска, кто на машине, кто на электричке.

Ачаирский монастырь хорош тем, что там простор во все стороны, здесь – всё камерное, почти домашнее.

Года два прошло после смерти отца Саввы, у матушки Анны за трапезой зашёл разговор о нём, я рядом с ней сидел, они тихонько, можно сказать, на ушко мне говорит:

– Это мой друг хороший. Он сейчас в раю.

А лицо светится.

К матушке я приехал, когда встал вопрос о моём рукоположении в священники. Понадобился её совет. Батюшка, безусловно, знал, что учусь в училище. Но почему-то своему духовному отцу сразу не сказал (наверное, он был в отъезде), что владыка предложил рукополагаться. Решил для начала узнать мнение духовной мамы.

В училище по большому счёту теоретической подготовки

по минимуму было, в основном готовили священников на практике. Я хоть и не собирался в иереи, но не отказывался с владыкой Феодосием на службы ездить. Владыка – это своя школа, которая, стоила любого училища. С ним всегда было интересно, сам по себе неуёмный, хотя в те годы ему под восемьдесят подходило. Дедушка, но энергии на троих. Каждый день расписан, в десять мест надо успеть – в детдом, в воинскую часть, к губернатору, какие-то конференции, встречи... И службы, службы, службы... На праздник начнёт в одном храме, продолжит в другом, закончит в третьем... Молодые батюшки рядом с ним с ног валились от такого ритма... Он мало того, что весь день в делах, ещё назначит одному да второму явиться вечером в епархиальное управление на трапезу, вопросы порешать, что днём не успели. Службы наизусть знал. Память отменная.

Я третий год учился, владыка вызывает меня и в присутствии благочинного отца Михаила говорит, мол, хватит тебе орлецы таскать, взрослый дядька, давай будем тебя рукополагать.

– Владыка, – говорю, – не смогу вытянуть семью, у меня трое детей.

– Почему не сможешь? – спрашивает.

– Кредитов набрал. Старшему сыну квартиру купил.

– Решай свои вопросы, – говорит, – и пора рукополагаться.

И предложил компромиссный вариант, сначала в дьяко-

ны, но продолжать работать директором, улаживать финансовые вопросы, а потом рукополагаться в священники.

– Как решишь все свои проблемы, подойдёшь к нему, – владыка кивнул на благочинного, – он тебя подготовит.

Вот тогда я поехал к матушке за советом: как быть? Сам владыка предлагает, не отмахнёшься.

Она в своей манере, без обиняков:

– Саша, да какой из тебя священник?!

Я успокоился, на душе легко стало. Ведь сам прекрасно знал, какой из меня грешника иерей.

В результате залез в гораздо больше долги.

Честно сказать, одно время тянуло в священники. Хотелось создавать свой приход. Обустроить храм. Были опасения, получится ли? Но подмывало рискнуть. Видел, всякие есть иереи, и в училище по знаниям был не слабее тех, кто рукополагался. Работать с людьми я умел, и с подчинёнными, и с начальниками самых высоких уровней. Любил заниматься организацией. Не знаю, какой бы получился из меня пастырь, что касается церковного хозяйства, уверен на все сто, – повёл бы его в должном виде.

Но всё правильно сделал, не жалею. Бог уберёт, чтобы ещё больше не осквернить душу.

Правда, месяца через два приехал к матушке, она мне:

– Ты почему всё ещё не священник?

Огорошила, ничего не скажешь...

На наши православные выставки-ярмарки матушка Ан-

на всегда с венцом терновым приезжает. Есть у неё искусной работы из дерева с острыми шипами. Подойдёшь за благословением, она возложит на голову, мол, не забывай, как страдал за нас Спаситель – таким венцом Его терзали перед крестными муками.

Выставка. О которой рассказ, была одной из первых. Десятка два мощевиков с частицами святых мощей из разных монастырей привезли, старинные намоленные иконы, священники, монахи. Атмосфера благодатного храма. Каждый день старался вырваться с работы и хотя бы на часик приехать. У одной иконы постою, помолюсь, у другой. Народу много, но не раздражало. Радостно, светло. Часик побудешь, и такой подъём на душе.

В тот день приехал, к экспозиции матушкиного монастыря подошёл, она благословила терновым венцом. Всё как положено, пару конфеток вручила. Тоже обязательный атрибут благословения.

После этого ночью снится сон.

Деревянная изба, печь. А печь, как в доме у деда. Он сложил собственной конструкции, с двумя топками с разных концов, лежанкой из кирпичей. Невысокая, чуть ниже уровня обычной кровати, её кирпичи долго тепло держали. Бабуля моя – бабушка Августина – бросит на лежанку тонкий матрасик, ляжет или сядет, а я маленький к ней. Бабуля в 1970 году умерла, года два не вставала перед смертью.

Во сне точно на такой лежанке полусидит старушка.

Укрыта тёмно-коричневой шалью (у бабушки была такая) в большую клетку с длинной бахромой. Синяя кофта на ней в белый горошек. На голове белый платочек. Бабушка носила и кофту подобную и платочек похожий. И всё в этой бревенчатой избе соответствуют духу моего детства, шестидесятых годов.

Напротив старушки на лавке сидит матушка Анна, я тоже присутствую, разместился на другой лавке, сбоку. Матушка со старушкой беседу ведут, причём, матушка Анна с большим почтением относится к собеседнице. Казалось бы, игуменья, всеми уважаемый человек, перед ней всего-то простая бабушка. Но нет, матушка обращается к старушке, как к старшей, и не только по возрасту.

Я не статистом сижу. В один момент старушка повернула голову ко мне и начала отчитывать за грехи. Несколькими фразами крепко припечатала за блуд. Потом снова вернулась к разговору с матушкой Анной.

День был постный, сей факт сидел в моей голове, тем не менее мы с Мариной договорились встретиться вечером. И контрольное время приближалось. Я заторопился идти, начал прощаться.

– Куда это ты собрался? – спрашивает старушка.

Начал бодро врать, мол, дела зовут. Матушка Анна резко перебила:

– Грешить он собрался! Блудить!

На этом сон прервался.

На следующий день после обеда приезжаю на православную выставку. Считал, ей работать ещё два дня, а приехал к шапочному разбору. Половины выставки нет – разъехалась. Был последний день. Что самое печальное: нет ни экспозиции матушкиного монастыря, ни её самой.

Постоял в растерянности около матушкиного места, поворачиваюсь уходить, а напротив в павильоне развёрнута экспозиция Минской епархии. Скользнул глазами по иконам, взгляд как магнитом притянуло к иконке незнакомой святой. И сразу мысль: её видел во сне с матушкой.

Подхожу и спрашиваю хозяйку экспозиции:

– Что за святая?

– Наша, – с гордостью ответила женщина, – блаженная Валентина Минская.

– Она когда умерла?

– В 1966 году. Прославлена в 2006 году.

– Я её знаю, – говорю, – сегодня видел во сне с матушкой Анной. Знаете матушку Анну?

– Конечно, – заулыбалась женщина, – напротив сидела.

Купил иконку блаженной, книжку про неё.

Так в моём домашнем иконостасике появилась икона блаженной Валентины Минской.

Отец у неё был священником. Мать из духовного сословия. Две родные сестры состояли замужем за священниками. Муж Валентины из священнического рода. Советская власть, само собой, не могла мимо этих фактов спокой-

но пройти. Прошлась калёным железом. Арестовывала родственников матушки, ссылала, расстреливала. Погиб муж, мужья сестёр, отобрали родительский дом, отняли здоровье у Валентины.

Однажды ей во сне явилась блаженная Ксения Петербургская и благословила нести вдовый крест и крест юродства.

В отроческом возрасте Валентина сподобилась беседовать со святым праведным Иоанном Кронштадтским. А родственники по матери были в переписке с ним.

На тридцать с лишним лет приковала болезнь матушку к постели. И все эти годы, до самой смерти, шли к ней люди. Утешала, укрепляла в вере, исцеляла, помогала переносить тяготы жизни. И молилась, молилась, молилась.

В том числе за не рождённых детей. Оплакивала убитых в материнском чреве и обличала несостоявшихся мамочек.

Был такой случай, к матушке пришла молодая женщина, рта не успела раскрыть, блаженная говорит: «Что же это делается, единственный сынок так просил: “Мамочка, не отдавай меня волкам!” Да мамочка не послушалась, открыла печку и бросила сыночка на съедение».

Женщина горько заплакала.

Забеременела она без мужа. Боясь, что с ребёнком жизнь ни за что не устроит, надумала поехать к бабке-повитухе в деревню и избавиться от плода. Перед отъездом видит сон, как тёмной ночью ведёт вдоль деревни за ручку сыночка.

Вдруг появляется стая волков. Мальчишка ну слёзно просить: «Мамочка, не отдавай меня волкам!» Она ребёнка в охапку, заскочила в пустой дом. Зверей это не остановило, принялись злобно грызть стены. Женщина открыла заслонку русской печи и обнаружила дыру на улицу. Вытолкнула в неё ребёнка, волки тут же растерзали его.

Сон не остановил, всё равно сделала аборт.

Полгода назад группа духовных чад батюшки Ионы подключилась к сбору подписей под обращением к президенту с требованием запретить убийства детей до рождения. Страшно от статистики: полтора миллиона абортотворений в год по России. Мусульманская женщина рождает по шесть-восемь детей, русская – один-два, остальных «волкам». Меня назначили координатором по сбору подписей. Молюсь блаженной Валентине, прошу её помощи.

Вплотную занимаясь темой абортотворений, сколько случаев чудесных и жутких узнал.

Следователь дежурил в новогоднюю ночь, под утро стук в дверь. Открывает, на пороге бомж стоит. Картина не для слабоверных – по пояс голый, половины зубов нет, куртку к себе прижимает: «Брат, – просит сиплым голосом, – помоги». Замёрз весь.

Следователь сжалился, впустил. Поздний или сильно ранний визитёр аккуратно куртку на стол положил, развернул, а внутри дитё совсем грудное, в распашонке.

Бомж на мусорку заглянул поесть поискать и обнаружил

крохотку.

Выжил парнишка.

Приходилось читать, как кошка не дала ребёнку замёрзнуть на улице, грела его, как своих котят.

Кстати, о кошках. Отец мой был временами жестоким, а иногда тёплым-тёплым. Как-то взялся ремонтировать крышу, надо было поменять пару листов шифера. Полез на чердак, глядь, а там гнездо воробьиное с птенцами. Курей родители всегда по многу держали, воробьи это прекрасно знали. Стоит курочкам насыпать зерна, тут как тут стайка воришек пикирует на дармовщинку. Отец сгрёб гнездо и кошке на растерзание:

«Кис-кис-кис, Муся».

Муся подбежала и давай по-матерински лизать птенцов, а потом грудь им, так сказать, подставила. Мол, подкрепитесь молочком. У неё как раз котята были. Отец, рассказывая, сокрушался: «Надо же, до такого возраста дожил, а кошка умнее оказалась».

Обычно, прочитав утреннее правило, прошу благословение на день грядущий сначала у отца Саввы, потом у мамы, отца, деда по маме, который погиб в войну, у бабушки Августины. Не знаю почему, но считаю, они перед престолом у Господа Бога. Потом прошу благословение у своего рода. Затем обращаюсь к святым. Из женщин это блаженные Матрона Московская, Ксения Петербургская и Валентина Минская...

У блаженной Валентины прошу поддержки в акции по запрету абортов. Не согласных с нашей позицией очень много. Имеются и в среде священников. Недавно один протоиерей взялся меня, как дитё неразумное, учить уму-разуму в жёсткой форме, дескать, лезу с мелочами. Я не мог такое смиренно спустить. Поговорили на повышенных тонах. Разошлись оба в гневе.

Что интересно, уходя, я обернулся, и вижу – он меня крестит на дорогу. Может, дошло до сердца, что не прав. Дай-то Бог.

Хотя не исключаю, крестил во исправление «неразумного чада»...

Глава шестнадцатая

АТЫ-БАТЫ ШЛИ В СОЛДАТЫ

Напомню, сыновья мои, Коля и Миша, погодки, ну а дочурка Ульяна младшенькая у нас. Случилось это, о чём веду рассказ, когда старшему восемнадцать было, младшему – семнадцать. Миша окончил одиннадцатый класс. В институт побоялся идти, в колледж не захотел. Дескать, пойду в армию. Дал ему месяц побалбесничать и устроил к себе в салон сборщиком мебели, чтобы научился руками работать. Вдруг приходит старший и говорит:

– Папа, я в армию собрался, в спецназ, не вздумай меня отмазывать.

Как уже говорил, я стоял в молодости у истоков развития каратэ и рукопашного боя в городе, посему сыновей не мог не привлечь к спорту. Тогда ещё сам был действующим спортсменом. Кроме этого тренировал. Лет семь активно вместе с сыновьями занимался. Коля способнее, но с ленцой, Миша упёртый, что не получается, будет настырно добиваться своего, отрабатывать приём. На международных соревнованиях выступал. В один год сделал хэт-трик в городе – в своей группе стал чемпионом по каратэ, рукопашному бою и панкратиону.

Коля тоже хорошо начал, но в семь лет случился первый астматический приступ. Заниматься не перестал, но на соревнованиях не давал ему долго выступать, один-два боя проведёт, и снимал, главное – здоровье, награды – дело десятое.

У Миши, слава Богу, со здоровьем проблем не было, выступал на соревнованиях долго, даже меня консультировал, когда я ещё действующим спортсменом был.

Физически Коля отлично развит. Пусть Миша многожды чемпион, Коля не уступает ему, но астма дело нешуточное.

Поэтому Колино заявление «папа, я в спецназ» мне снегом на голову свалилось.

– Какой, – вспылал, – спецназ? Попадёшь в сырость, у тебя приступ и ты из Рэмбо превращаешься в обузу для своих товарищей. В армии спрашивать не будут: можешь, не можешь – хоть умри, но выполни задание.

– Нет, папа, я всё обдумал и решил! Мне надо в армию! Будешь отмазывать – уйду из дома.

– Ладно, – еле сдержал себя, чтобы не взорваться, – флаг в руки, барабан на шею! Тебе аж восемнадцать, самостоятельный куда с добром мужик!

Упрямый, конечно, если решил – хоть кол ему на голове теши.

Я и сам такой.

Жене сказал, что сын под ружьё собрался, та в слёзы:

– Какая ему армия?

Коля не зря мне первому сказал, знал, что со мной проще кашу сварить, чем с матерью. Сам втихушку всё уже в военкомате замутил, вот-вот забреют.

Я успокоился, начал соображать, как дальше быть, хлопнул себя по лбу – такое серьёзное дело предстоит, а мы благословение не взяли. Решил ехать к матушке Анне. В пятницу вечером возвращаюсь с работы и говорю:

– В субботу утром поедем в матушке Анне, некоторые гражданские под солдатский ремень собрались, надо взять им благословение.

– Под какой солдатский ремень? – Ульяна спрашивает.

– Брат твой Николай идёт в армию защищать нас от ползновений всяких разных басурманов. Так что будем спать спокойно.

Жена, Миша и Ульяна были дома, Коля где-то отсутствовал. Сыновья к тому времени разгульными стали. Приходили домой в два-три ночи, как я не прорабатывал их. Собственно, есть с кого пример брать, сам в их возрасте полуночничал. Хотя, мне казалось, в наши времена безопаснее было в городе.

Не могу похвастаться олимпийским спокойствием, если сыновей долго дома не было, сон не сон. В таких случаях обычно подходил к иконе Пресвятой Богородицы «Скоропослушница», молился, чтобы Матушка Защитница загнала их домой, не натворили бы чего. Загоняла. Не раз и не два было. Помолюсь, вскорости слышу, ключ в замке проворачива-

ется.

Далеко за полночь вернулся домой Коля и в тот раз. Миша раньше пришёл.

Утром просыпаюсь, командую:

– Подъём, едем к матушке Анне!

Жена поднялась, Миша полусонный прошагал в ванную, крикнул ему:

– Одевайтесь, спускайтесь минут через пятнадцать, буду ждать в машине.

Сажу в машину, пятнадцать минут проходит, двадцать. Звоню в домофон, чувствую, жена нервничает.

– Что такое? – спрашиваю.

– Иди сам с ним говори, Коля не встаёт.

Интересно, кому за благословением едем?

Поднимаюсь. Жена с Мишей, Ульяной, ей шесть лет было, сидят одетые. Коля в своей комнате.

У меня внутри всё взыграло. Готов был на пинках вынести его. Сдержался. За благословением человек должен по своей воле ехать и в соответствующем настроении. Сказал жене, чтобы все шли в машину, сам начинаю беседовать с призывником.

Он в позу:

– Не поеду, ты ничего не сказал, не предупредил меня.

Не стал ему говорить, что надо вовремя домой возвращаться.

Прохожу в зал к иконам, начинаю молиться. Монастырь у

матушки Анны Свято-Серафимовский с большим храмом в честь Серафима Саровского. Обратился к батюшке Серафиму, чтобы помог убедить сына.

Снова к Коле, чувствую, не такой категоричный, мягче стал, но упирается.

Снова пошёл в зал, по дороге вспоминаю, что второй предел у храма в честь Ксении Петербуржской. Обращаюсь к ней:

– Матушка, Ксения, помоги вразумить непослушное чадо! Едем ему за благословением, в армию собрался, а ума нет.

Помолился, слышу, Коля соскочил с кровати, забухал своими ножищами сорок пятого размера, кричит из-за двери:

– Ладно, поехали, зубы только почищу.

Приезжаем к матушке Анне. Она с послушницами цветы сажает. Нас увидела, говорит женщинам:

– Быстро накрываем на стол, ко мне священники приехали.

Думаю, какие священники? По сей день загадка для меня: почему священниками назвала? Зашли в трапезную. Она сама взяла булку хлеба, ломтями нарезала, молока налила, мёд поставила, угощайтесь.

Мы трапезничаем, она вроде бы нас весёлой светской беседой развлекает, сама по каждому из нас с юмором прошлась. Без привязки к личности, но внимательно слушая, поймёшь, что к чему. Моих грехов коснулась. И так по всем.

Миша страшно брезгливый, чуть что не так, не станет есть, Коле хоть на полу вываляй – за милую душу с аппетитом употребит. Матушка говорит:

– Миша, а ты что не пьёшь молоко, думаешь – скисло?

Берёт его стакан, отпивает глоток, отдаёт:

– Хорошее молоко, пей!

Что тому оставалось делать.

Потом Ульяну обняла:

– Пойдёшь ко мне в монастырь?

Жена:

– Куда ей в монастырь, непоседа растёт, не монашеского склада.

– Ну и что, – матушка в защиту, – видели бы меня в девках, ох, шустрая была. Где куда залезть, на дерево, крышу – первая. Гармошку сходу освоила. На вечёрках первым гармонистом была. В шестнадцать лет домой прибегаю, отец встречает у ворот: «Сваты, приехали, а ты где-то шлындаешь». Отец не хотел меня рано замуж отдавать, жалел. Спрашивает со смешком: «И что, невеста, пойдёшь замуж?» Уверен был, не захочу. Я с готовностью: «Пойду!» Удивился: «Как пойдёшь? Ты даже не знаешь за кого!»

Во двор заходим, там парни. «Вот он!» – показываю на будущего мужа. «Вы что – сговорились уже?» – «Нет, но знаю». Точно указала на будущего мужа. Хотя не сговаривались. Он был с другого края деревни, ну и решил наскоком свататься, нравилась ему, хотя робел подходить.

Свадьбу справили. Год, второй, третий живём, Бог детей не даёт. Мне так хотелось ребёнка, а нет. Пошли в детский дом. Выбрала самого маленького, болезненного, кроха восьмимесячная, ручки-ножки тонюсенькие. Прижала к себе, мне говорят: «Девка, не будь дурой, возьми постарше. Того и гляди помрёт». – «Нет, – крепче обнимаю, – мне жалко».

Тут дверь открывается, вбегает девочка, два с половиной годика, рахитик, ножки колесом. Как закричит: «Мама приехала за мной». За ногу меня схватила, повторяет: «Приехала! Приехала!»

Что делать? «Эту, – говорю, – тоже беру». Обоих забрали.

Через год сама рожать стала. Троих к этим двум добавила. А муж в двадцать семь лет умер.

– Так что, Ульяна, – закончила рассказ матушка, – непоседы мне нужны, – беру тебя в монастырь.

Ульяна тихонечко на ухо мне шепчет:

– Пап, ты меня ведь не оставишь здесь?

Я даже поначалу не сообразил, о чём она просит.

Повеселила нас матушка, потом ко мне поворачивается:

– Говори, зачем приехал?

Следует пояснить: Мише той осенью, 21 ноября, исполнилось восемнадцать. Значит, в армию идти. Я надеялся, осенью всё же не заберут, весной пойдёт. А пока поработает у меня в салоне, освоит профессию сборщика. Кто его знает, это и в армии может сгодиться. Старший пусть уходит в свой

спецназ, раз слушать ничьих советов не хочет, этот будет с нами.

Объясняю матушке:

– За благословением приехали. Сын в армию идёт!

Матушка поворачивается к Мише:

– Ты что ли?

Коля с гордостью:

– Нет, я!

Матушка поворачивается к нему, как зарядит в лоб ладошкой:

– Не будешь ты генералом!

Прекрасно знаю, матушка в такие моменты просто так не говорит, значит, «не будешь ты генералом» что-то означает.

Разговор пошёл о чём-то другом, но матушка ещё два раза прерывала его и стучала Колю по лбу:

– Не будешь ты генералом!

Переспрашивать и уточнять не следует. Сиди и мотай на ус.

Начали прощаться, благословение брать, Коля подходит, матушка говорит:

– Ох, Коля, тяжело тебе будет, ох, тяжело. Невмоготу станет, кричи громко: матушка Анна, помоги. Если услышу, помогу!

Тревожно стало от её слов.

По дороге Коля спрашивает:

– Почему матушка сказала, что тяжело мне будет?

– Не знаю, Коля, но будь осторожен.

Во вторник у Коли контрольная явка в военкомат, в воскресенье вечером отправился на улицу потусоваться. Погода хорошая, тепло. Что называется: «Последний нонешний денёчек, гуляю с вами я, друзья». Вернулся часа в три. В семь звонок в дверь, не успел я выйти, слышу Коля быстрым шагом проскочил в прихожку, с кем-то пошептался. Я ещё удивился, если Коля вернулся поздно, будет спать до упора. Он зашёл в зал ко мне, попросил мелочи на маршрутку. Полностью одет. Деньги взял и за дверь.

Куда в такую рань? Подхожу к окну, смотрю, оп-па-па: у подъезда стоит милицейский бобик, а моего Колю ведут под руки к машине и заталкивают в него. О-го-го, думаю, как здорово. Мишу поднимаю. Тот как партизан, ничего не видел, ничего не знает.

На меня такая злость напала, сколько раз его вытаскивал, и вот перед уходом в армию. Ну, думаю, натворил: хлебай по полной.

Душа всё равно не на месте, пошёл к дружкам Колиным.

Получилось так, что они решили погудеть вчетвером, набрали пива, посидели за домом, выпили хорошенько, двое ушли, мой остался с Димкой Федотовым и решил устроить разборки. Месяца за три до этого случилась с парнями из нашего дома история. Димка и Ренат украли сотовый телефон. Хороший телефон. Димка выступил закопёрщиком, он и умыкнул, Ренат при этом присутствовал. Но Ренат получа-

ет полгода условно, а Димка выходит сухим из воды. Свалил на Рената, будто инициатива от того исходила и основные действия совершал он.

У Коли выиграло: справедливость должна быть восстановлена, виновник наказан. Разошёлся так, что потерял контроль над собой, выбил Димке передние зубы, кроме того тот шарахнулся головой – сотрясение головного мозга получил, но самое страшное – лопнула печень, а это открытое кровотечение.

Коля отделал Димку и пошёл домой.

Парень чуть не погиб. Хорошо, бабушка, когда Димка вернулся домой, сразу всё поняла, вызвала «скорую».

На тренировках в секции были случаи: печень лопалась – либо упал неправильно, либо стукнули сильно. В таких ситуациях самое главное вовремя оказать медицинскую помощь. Печень орган быстро восстанавливающийся.

Меня такая злость взяла, психанул: заслужил, значит, сиди. Поехал на работу.

Да какая работа пойдёт в голову, рванул в милицию. Там ничего хорошего не сказали. Беру жену, и едем к матушке. Рассказали, она говорит:

– Заплатишь деньги адвокату, заплатишь залог, сможешь пострадавшему с лечением. Посидеть Коле маленько не помешало бы, мозги прочистить.

В принципе так и получилось. Нанял адвоката, заплатил залог. Поехал к родителям Димки, просил за своего шалопая

прощение. Все свои обещания выполнил. Сколько надо было за лечение – оплатил. Контролировал врачей, чтобы восстановили Димку быстрее. Вставил ему зубы, устроил на работу. До этого полгода слонялся без дела.

Коля сидел в КПЗ, что на Красного пахаря. Выпустили оттуда через три дня. Побитой собакой вернулся домой. Дня два прошло, сижу вечером на диване, он заходит:

– Пап, надо поговорить.

– Давай.

Сел рядом со мной, начал рассказывать:

– Понял, что натворил, как только двери в камере за мной захлопнулись. Сидел с двумя парнями. Не общался, не до них было.

Повели его к следователю. Обращались без церемоний. Подзатыльники отвешивали, табуретку из-под задницы выбивали. Обычный набор. По наручникам стучали, чтобы до боли сжимались. Проверяли на другие дела. Мол, по описаниям ты два дня назад в парке у шашлычной дебош устроил, избил двух посетителей заведения и сделал ноги. Лучше сразу сознавайся, сотрудничество со следствием смягчает приговор.

Допросили и отправили в камеру подумать.

– В камеру отвели, сижу, – рассказывал Коля, – а в голове одно – влип так влип. Могут впясть покушение на убийство. Ведь чуть человека не убил. Всё против: избил, бросил. Сижу в печали. Тут заходит в камеру мужичок бомжеватого

типа, борода с густой проседью. Сел напротив и смотрит на меня. Прямо уставился. У меня на душе до того противно, до того кошки скребут, ни видеть никого не хочу, не разговаривать ни с кем. Он спрашивает: «Ты откуда?» Я грубо ответил: «Какая тебе разница? Сам-то откуда?» Он будто не услышал моего раздражения, улыбается, а глаза добрые: «Я-то? Я с Марьяновки. С Марьяновки-Татьяновки».

Коля не успел ничего сказать, вызвали к следователю. Идёт, а в голове «Марьяновка-Татьяновка», «Марьяновка-Татьяновка». Следователь начал свою канитель, у Коли вдруг щёлк: «Марьяновка-Татьяновка – это ведь матушка Анна. А бомж здесь при чём?»

– Следователь что-то спрашивает, – рассказывал Коля, – а мне в камеру попасть не терпится, расспросить мужичка. Наконец привели в камеру, а мужичка нет. У парней спрашиваю: «Где он?» – «Кто?» – «Ну, этот бородатый мужик». – «Никого, – говорят, – без тебя не приводили». Пытаюсь втолковать, что его ещё до моего ухода привели, бомжеватый такой. Они на меня как на ненормального смотрят.

Коля подивился этой странности и вот тут-то вспомнил слова матушки: «Невмоготу будет, кричи громко: матушка Анна, помоги. Если услышу, помогу!»

Начал просить помощи у матушки. Конечно, не вслух, парни могли за чокнутого принять, которому сначала бомж привиделся, а теперь и вовсе заговариваться начал.

Как бы там ни было, Коля со сжатыми губами кричал так

«матушка, помоги», что голос сорвал. Повели к следователю, а из горла хрип.

Коле дали три с половиной года условно. За это время женился, ещё раз проявилась астма, дали ему белый билет, так что не только генералом, ефрейтором не удалось стать.

Что касается Миши, его в последний день осени забрали в армию. Я пытался оставить на весну, не получилось, в тот год был недобор, никакие просьбы не подействовали. Миша отправился служить, как и предполагала матушка Анна.

Когда Колю выпустили, повёз его к отцу Савве. Батюшка выслушал Колин рассказ и говорит:

– Коля, у православного нет больше той любви, как если кто положит душу свою, свою за друзей своих. А ты кому послужил? Ты рогатому послужил.

Глава семнадцатая

Помянник

В сорок первом маме было два года. Отца её, деда моего, Николая Петровича, забрали на фронт в самом начале войны. Что она могла помнить в таком возрасте. В сорок четвёртом отец погиб. И всё же посчастливилось увидеть его. В сорок третьем в начале декабря раненого привезли в омский госпиталь. Вот радость у солдата – побывать в родных местах. Из такого пекла, воевал на Северо-Западном фронте, хотя бы на время вырвался домой.

Второй отъезд отца на фронт мама запомнила на всю жизнь.

«Дня два после госпиталя жил дома, – рассказывала, – подошло время уезжать, я за шею обхватила: не отпущу. Плачу. Ручонки насмерть сжала. С трудом оторвали. Уехал, а я всё реву, убиваюсь».

В январе уехал и попал к самому началу наступления на Холм. Двадцать первого февраля он был освобождён, дед погиб за день до этого.

Не один раз слышал от мамы в родительский день, в День Победы:

– Мне и на могилку к отцу некуда поехать!

Через пятьдесят шесть лет удалось отыскать место захоронения. Город Холм не один раз менял областную принадлежность, относился к Калининской области, Великолукской, Псковской, наконец, его приписали к Новгородской. Архивы туда-сюда переходили. Не исключено, попросту толком никто не занимался нашими запросами. Тем не менее, в двухтысячном году отыскивали могилу деда. Я тогда в Португалии был, мама первый раз отправилась туда с племянницей.

Второй раз поехали втроём: мама, я, сын мой Коля.

Надо сказать, в десять лет я уже знал про себя, когда вырасту, у меня родится сын Коля. Почему Коля, не отложилось. Коля – и всё. Не было такого – в честь деда.

Родился сын, маме сообщаю:

– Назвали Колей.

Она заплакала.

Я к ней:

– Мама, ты что?

Никогда не навязывала своего мнения. Вам жить – вам решать. С именем внука тоже молчала. Для неё стало большой радостью – внук носит имя её погибшего отца.

Растрогалась, расплакалась. Не стал говорить ей, что про деда не думал, выбирая имя сыну. Совпало.

Мама удивительный человек. Любви в ней на всех нас хватало. Не скажу, что поверял ей сердечные тайны, ходил за советом в тяжёлые периоды, но, бывало, первой говорил именно ей какие-то вещи, не отцу. Мои сыновья подросли, пона-

чалу остро воспринимал, ревновал: с чем-то к матери идут, не ко мне. И вспомнил себя – такой же был. Мама есть мама. Во втором классе заболел гриппом. Температура, жар, лежу в комнате, а со мной странные вещи творятся. Вдруг полное ощущение – голова растёт, становится большой, ноги наоборот – уменьшаются, как у карлика. В другой момент ноги удлиняются, теряют вес и, будто надувные, начинают подниматься над кроватью. Пытаюсь ухватиться за краешек сознания, понимаю, с головой что-то нехорошее происходит. Но стоит маме зайти в комнату – всё прекращается, боль, страхи уходят. Попрошу: «Мама, ты посиди рядом, не уходи». Болел в тот раз в конце ноября или начале декабря. Вдруг мама приносит гроздь винограда. Большую прохладную гроздь. Где взяла – трудно сказать. Сезон давно кончился, в магазинах только в сентябре-октябре продавали. Что-что, а виноград всю жизнь со страшной силой люблю, по сей день не моргу наестся. Как сейчас помню вкус тех дамский пальчиков, принесённых мамой. Ягоды крупные, удлинённой формы, приятно холодные, смотришь на свет – косточки видны. И сладкий-сладкий.

Маму с Колей отправил в Холм на поезде, сам полетел до Москвы на самолёте, надо было заскочил в головную фирму. В Старой Руссе мы встретились. Решили переночевать в гостинице, а утром – в Холм.

Отличная майская погода. Тепло, солнечно. Смотрю, сын мой какой-то не такой. Как лис ходит.

– Ладно, – говорю, – выкладывай, в чём дело? Чувствую, что-то гложет тебя.

Ему было двадцать лет, дружил с девчонкой, будущей женой.

– Ничего не гложет, – отвечает, а у самого глаза бегают, – только Даша беременна.

И на меня уставился. Переложил проблему и смотрит за моей реакцией.

Я делаю мхатовскую паузу, потом встаю, сидел на кровати, протягиваю руку:

– Ну, поздравляю, сын, значит, скоро у меня будет первый внук или первая внучка. Прекрасно!

Он расплылся в улыбке, камень с души свалился.

– Папа, знал, что ты так отреагируешь!

– А как ты хотел, чтобы на аборт девчонку послал? Пусть рожает, а вы, вернёмся в Омск, в загс дуйте, с квартирой помогу.

Здесь первому мне сказал. Матери не решился.

Они что Коля, что Миша, когда был период полуночный гуляний, возвращаясь в час-два ночи, об одном мечтали, чтобы встретил я, а не мать. Та, несмотря на поздний час, обязательно устраивала разборки. С неё сон разом слетал, начинала читать нотацию на кухне. И не пятиминутную. Со мной было проще. Я выходил, давал леща и командовал отбой.

В связи с тем, что сыновья прошли школу рукопашного

боя, мои подзатыльники были ласковым поглаживанием.

Если вдруг засекал ночью с балкона, что сыновья курят на лавочке с друзьями, выходил и лещи раздавал всей компании. Причём, не разбегались, терпели, прижав уши. Наградив всех подзатыльниками, сыновей ставил на кулаки, но не «упал-отжался», а до подъезда по асфальту доскакать.

Забегая вперёд, скажу, что у Коли родился сын Алёшка, у Миши первой родилась дочь Лиза. Покрестили её, у нас собрались отметить. Мишин друг Олег Приходкин, Лизин крёстный, один из тех, кому тоже доставались лещи за курево и пиво, поднимает рюмку и говорит:

– Дядя Саша, до сих пор не верится, могу запросто водку пить при вас, и вы за это в ухо не дадите!

И предложил тост:

– За Лизиного деда Сашу.

За меня, то есть.

Кстати, с Мишей тоже интересно получилось. Лиза родилась, вскоре мама её, Полина, снова забеременела. Приходит к моей жене, плачет:

– Миша на аборт отправляет. Говорит: одного бы прокормить. Куда второго? А я не хочу на аборт.

Жена доложила мне суть проблемы.

– Ладно, – говорю, – разберёмся.

Миша приходит.

– Пойдём-ка, сын, – зову в зал. – Слышал, второго будете рожать!

– Ты что, пап, какого второго? С работой непонятки...

Я ему:

– Ты подумай-подумай, тебя-то мы оставили, вон какой вымахал!

Он:

– В смысле? Что значит, оставили?

– Считай и соображай: вы тоже с Колей погодки. У нас тогда и квартиры не было, жили втроём на одну зарплату, а ничего не побоялись.

Одним словом, родили они второго. Отличный внучок растёт – Максим.

С сыновьями у меня легко проходило. С женой идём в магазин. Она:

– Ой, купи мне розового зайчика.

– Ты что, мать, – говорю, – не в себе? Тебе тридцать три года стукнуло, и вдруг на зайчика розового разморило?

– Хочу, купи!

Жалко что ли – получи зайчика розового.

Оказалось, супруга моя непраздная – понесла.

Сыновьям одному девять, второму десять. Жена ко мне подкатывает, дескать, как-то надо сказать, живот скоро видно будет.

Сама стесняется открыться. Тут же зову парней:

– Коля, Миша, айда на мой сторона.

Пришли с видом, сейчас их за что-то будут ругать. Как потом выяснилось – было за что, накануне расколотили блюдо.

На шкафу лежало, зачем-то понесло их туда, и уронили на пол. Шкоду скрыли.

Стоят в ожидании разборок, я им:

– Помните, просили щенка?

– Ну, – пробасил Коля.

– Сейчас с деньгами напряг, щенка не будет. Будет сестрёнка. Понятно?

– Понятно.

– Свободны.

Как ветром сдуло.

Мама переписывалась с директором музея боевой славы в Холме. Директор, женщина, радушно встретила нас, рассказала про бои, что вёл полк, в котором воевал дед, про командира полка.

Братская могила, в которой дед похоронен, километрах в семи от города. Нам выделили «уазик». С километр не доехал до места, началось бездорожье, пришлось спешиться, идти своим ходом. Местность заброшенная. Поля заросли березняком. Как пояснил провожатый, землю-кормилицу скупил банк, обрабатывать толстосумам не досуг – кормятся другим, а земля дичает.

Сначала шли по низине, потом тропинка стала забирать вверх. Поменялась растительность, осинки исчезли – пошла хорошая сосна, кое-где берёза. Это была господствующая высота на подступах к Холму, за которую цепко держали обороняющиеся и отчаянно дрались наступающие, не один

раз меняясь ролями.

Памятник стоял на поляне, окружённой сосновым лесом. Немцы подошли к Холму в самом конце июля сорок первого. К тому времени относится первое захоронение. Бой приняли ещё не нюхавшие пороха, необстрелянные красноармейцы. Они первыми легли в эту могилу.

Памятник представлял из себя бетонную стелу метра три высотой. Её венчала солдатская каска времён Великой Отечественной, пробитая пулями и окрашенная в яркий зелёный цвет. На лицевой стороне стелы была красная звезда, ниже надпись: «Вечная слава героям, павшим в боях за советскую Родину в 1941–1945 гг.». Слева и справа от стелы на подставках стояли две мраморные плиты с фамилиями офицеров, солдат, сержантов и старшин, похороненных здесь. На правой плите среди прочих фамилий было выбито: «Н.А. Орлов». Мой дед.

К стеле примыкал на добрые полметра возвышающийся над землёй узкий и длинный цветник с серыми бетонными краями. Цветы в нём ещё не росли (если их вообще сажали), лишь выстрелила первая травка. Несколько касок, пробитых и ярко-зелёных, лежало на ней. Возможно, кто-то из упокоившихся в братской могиле воевал в этих касках.

Мама подошла к плите с фамилией отца, уткнулась в мрамор головой, заплакала.

– Наверное, сынок, – сказала перед этим, – последний раз здесь.

Так и оказалось.

В братской могиле было несколько захоронений. Начиная с сорок первого и вплоть до освобождения Холма зимой сорок четвёртого, добавляли в неё погибших. Так сказала директор музея. На плитах около ста двадцати фамилий, на самом деле, говорят, похоронено больше. Герой Советского Союза Иван Меркулов, повторивший подвиг Александра Матросова – телом он закрыл дзот – тоже в братской могиле.

Перед поездкой в Холм попросил батюшку Савву заочно отпеть деда. В Крестовоздвиженском соборе он совершил чин отпевания. Песочек я взял с собой в Холм, крестом высыпал на цветник, а затем прочитал литию.

После чего произошло маленькое чудо. Подъехал мужчина на «Ниве». Постарше меня, местный, из Холма. Знал дорогу к самой братской могиле, поэтому пешком, в отличие от нас не шёл. Звали его Славой. По собственной инициативе следил за несколькими братскими могилами в округе. В том числе за этой. Говорил:

– У меня отец воевал, два дяди погибли, один пропал без вести в Польше. Мне не в тягость два-три раза весной-летом приехать, прибраться, подкрасить. Зачем кого-то ждать.

Узнал, что мой дед погиб здесь в феврале сорок четвёртого, сказал:

– Не исключено, отец мой вашего деда хоронил в этой могиле. Точнее – перезахоронил из Осиновки.

Когда в 1949 году на маму оформляли пенсию за отца,

в военкомате выдали извещение, что отец погиб под деревней Осиновкой и захоронен с возданием всех воинских почестей.

Но что Осиновка Холмского района не сказано. Попробуй тут найди. Только в начале 2000-х годов мама в Книге памяти наткнулась на сведения об отце, что погиб под Осиновкой Холмского района.

Слава предложил посмотреть место, где шёл тот бой под Осиновкой зимой сорок четвёртого, когда наши войска начали операцию по освобождению Холма.

Мой брат Олег как-то мне говорит:

– Видел во сне деда.

К могиле деда никак не соберётся съездить.

– Вижу, наши пошли в атаку, – рассказывал сон, – поднялись с земли, ринулись вперёд. Сразу не понял, что среди них дед. Потом догадался – это же он, на голову выше всех, в первом ряду бежит с автоматом.

Рост деда был два метра три сантиметра, в отца казака-гвардейца вымахал.

– Атака захлебнулась. Немцы пулемётным и автоматным огнём заставили наших залечь. А ещё снайпер выцеливал. Дед приметный, снайпер взял его на мушку. Дед упал за одиноко стоящую сосну, понял, что снайпер работает, первый раз тот промазал. Дед начал переползать от пристреленного места, тут-то снайпер и достал.

– Я будто тоже там был, – закончил Олег рассказ, – побе-

жал к деду... и проснулся...

По словам Славы, убитых в бою под Осиновкой толком не похоронили. А уж про воинские почести и говорить не приходится. Промёрзшую февральскую землю было не продолбить. Похоронная команда поленилась применить взрывчатку, или часть быстро двигалась вперёд, наступая на пятки немцам, хоронили впопыхах. В неглубокий овраг собрали погибших, слегка присыпали землёй.

Слава подвёз нас на «Ниве» к низинке, поросшей редколесьем. Здесь в войну был тот самый овраг. Я спустился по пологому склону, постоял. Посмотрел вокруг себя – ничего не говорило о когда-то бывшем здесь захоронении. Посмотрел в небо – по синеве торопливо бежали облака. Утро было пасмурным, мы тревожились, не зарядил бы дождь, директор музея пару зонтиков выделила, но ветер разогнал тучки, и день разыгрался.

Слава повёл нас к Осиновке, часто попадались в округе следы войны – окопы, воронки от снарядов, во многих росли многолетние деревья. Попадались свежие ямы.

– Не боятся Бога, – пояснил Слава, – чёрные поисковики роются.

От всей Осиновки осталось одно полуразрушенное строение – бывшая баня Славы.

Рядом рос дуб.

– Я сажал, – погладил по стволу Слава. – Поженился, и с женой вместе посадили. Прутик был с палец толщиной, и

вот какой красавец вымахал! – С грустью добавил: – Петухи в Осиновке сумасшедшие были! До того горластые, будто специально отбирали! А сейчас...

А сейчас стояла тишина... Свежая робкая травка, листочки нежные, солнце, как новенькое... И тишина...

– Детство и юность здесь прошли, – сказал Слава, – дети родились...

Отец Славы вернулся с войны весной сорок шестого. Война мало что оставила от Осиновки. Вместе с родной сестрой, другими родственниками отец надумал восстанавливать деревню. Строительного леса в округе хватало. К зиме поставили пять новеньких домов.

О солдатской могиле в овраге, конечно, знали, была она без креста и камня. По рассказу Славы, так говорила ему мать, в сорок четвёртом, как земля прогрелась, от могилы пошёл запах, слишком близко от поверхности лежали бойцы.

Отец решил перезахоронить солдат, перевезти из оврага в братскую могилу. Вдвоём с сестрой раскапывали и поднимали наверх останки воинов, на подводе отвозили к братской могиле, до неё километра полтора через лес. У кого-то из бойцов в карманах находили документы, передали их в военкомат...

На следующий день после посещения братской могилы нас пригласили на городской митинг. Это был год шестидесятилетия Победы. Небольшой парад прошёл в Холме, после него митинг. Маму попросили выступить. Она начала рас-

сказывать про семью отца, потом расплакалась... Пришлось успокаивать...

Так и прожила жизнь с чувством сиротства.

– Я же безотцовщина, – бывало, скажет, вспоминая детство. – Не дай Бог никому.

После смерти мамы повёз к деду второго сына и дочь. Поехали жена, сестра моя Таня, Миша, Ульяна и я. Миша как раз армию отслужил, демобилизовался, летом мы поехали. На этот раз подъехали к самому памятнику. Цветы возложили, я литию прочитал, жена с Таней петь помогали.

Метрах в ста от братской могилы выкопал два дубка, с метр высотой. В Омске один посадили рядом с могилой мамы, второй в родительском огороде.

Хотел показать детям меты войны – окопы, воронки, остатки блиндажей. Но если в предыдущий приезд трава только-только вылезла, всё было как на ладони, читалось, на этот раз трава вымахала выше головы, в пяти метрах человека не видно, не то, что рисунок окопов, следы артобстрелов, бомбардировок.

Литию пропели, всё положенное вроде бы сделали, но уезжать с места, где воевал дед, не хотелось. День тихий, тёплый, солнечный. Предложил к речке спуститься, что за леском текла, умыть лицо, подышать речным воздухом. К берегу вела среди высокой травы тропка. Подошли к воде, лица омыли. Вода прохладная, освежающая. Возвращались по другой тропке.

Бросилось в глаза: тропинки странные – хорошо натоптанные, но узкие. Оказалось, не грибники с ягодниками бродят. Водитель пояснил – кабанчики и другое зверьё на водопой ходят. Места глухие, брошенные, люди редкие гости.

Директором музея была та же самая женщина, что и в прошлый приезд. Зашли к ней после поездки к памятнику, чаем давай угощать.

– Меня, – говорит, – зовут под Осиновку за ягодами. Правда, предупредили: там Маша с детьми ходит.

– Какая Маша? – безмятежно спросил.

– Медведица.

– Как медведица? – жена поперхнулась чаем.

На следующее утро мы с Мишей из гостиницы отправились на реку. Две реки, Ловать и Кунья, сливаются в районе Холма и делят город на две части. Мы переплыли Кунью, попали на пляж, пересекли его и оказались на берегу Ловати. На противоположенной стороне был высоченный холм. По рассказам директора музея, на холме стояла до войны каменная церковь. Лютеране немцы, захватив город, православный храм переделали под дзот. Высоченный холм, а на его вершине дзот – позиция, лучше не надо, а ещё две водные преграды внизу.

Ловать была посерьёзнее, впадающей в неё Куньи – шире, течение сильнее, я оставил Мишу на пляже – загорай, благо погода отличная, сам поплыл. Благополучно перебрался на другой берег, и вот он холм с остатками церкви на самом

верху. Крутой резкий подъём, где за траву цеплялся, где за голую землю, в одном месте гребанул – кость человеческая, берцовая. Рядом вторая. Воин ли, который брал высоту, наткнулся на пулю, или кто другой упокоился.

Поднялся наверх. От церкви осталась кирпичная кладка метра три высотой. Немцы бойницы в стенах пробили. Стены толстые, укрытие лучше не придумать круговую оборону держать. Говорят, только артиллерией удалось выкурить немцев отсюда.

Никаких других строений не осталось вокруг на холме, только развалины церкви говорили: здесь когда-то жили люди. Через Холм пролегал путь из варяг в греки. Город был бойким местом. А как все варяги ушли в греки, а потом ещё и немцы поутюжили Холм войной (ни одного дома целым не осталось), городок сделался заштатным.

Кости, что нашёл, взбираясь на холм, забрал. Переплыл с ними Ловать, а потом Кунью, с Мишей захоронили останки, поставили крестик, из двух прутиков связанный. Пусть хоть такой постоит.

Так мы побывали у деда Николая.

На обратной дороге заехали в Дивеево. Остановились у дедуся с бабусей, у которых в самое первое своё паломничество жили. По совету дедуся, дубки в саду в землю прикопал, дабы корневую систему лучше сохранить.

В ту поездку в последний раз виделся с Петром из Арзамаса. Он показывал свою церковь с позолоченными купола-

ми. Белая, купола горят. Красавица.

Внутри не попали. У Петра произошёл конфликт со священником и полномочия старосты он с себя сложил. Посто-
яли у храма, полюбовались. Пётр оправдывался, мол, думал,
кто-то обязательно будет в храме. Ему очень хотелось пока-
зать обновлённый иконостас.

– Смотри-смотри, – гордо указывал на купола, – как горят!
Настоящее золото!

Олигарх сдержал слово, выделил деньги на золочение ку-
полов.

Не исключено, конфликт с настоятелем возник из-за то-
го, что Пётр начал грешить с вином. Он как-то признался:
был период – запивался. Это ещё до того, как вошёл в пра-
вославную среду. После армии понесло в этот грех. Потом
выправился. Когда рассказал об этом, попросил молиться за
него, чтобы сил хватило держаться и дальше. То ли мы плохо
молились, то ли он ослабил поводья.

Через полгода после нашей последней встречи, Пётр по-
звонил и попросил взять у отца Саввы благословение на же-
нитьбу. Я пообещал заехать к бабушке. На следующий день
Пётр звонит: не надо бабушку тревожить.

– Решил жениться без благословения? – спросил Петра.

– Да нет, – уклончиво ответил, – передумал.

Прошло какое-то время, снова позвонил на тему бабуш-
киного благословения. На этот раз на издание газеты просил.
Решил на пару с товарищем выпускать газету, название что-

то типа «Народный целитель». О травах, рецептах народной медицины... Сказал, что сугубо православной направленности. Что уж он взялся за это, не знаю. Батюшке я доложил, он в свою очередь спросил:

– А хорошее дело?

– По словам Петра, – говорю, – сугубо для здоровья, чтобы химией люди не травились. С православным уклоном.

Батюшка дал благословение.

С газетной затеей ничего не вышло.

С обидой месяца через два позвонил Пётр. Я, дескать, с чистым сердцем поверил старцу, кредит взял, вбухал с товарищем более полумиллиона рублей, а вышел пшик, тираж практически не разошёлся.

Жёстко ответил ему. Объяснил: надо было самому приезжать и досконально всё батюшке объяснять.

– Батюшка, – говорю, – благословил тебя на дело во славу Божию. Благословение это ведь не «по щучьему велению, по моему хотению».

Недели через две Пётр позвонил, попросил прощения. Объяснил, что местные жучки сначала говорили, давай-давай, а потом перекрыли каналы реализации. Подставили незадачливого предпринимателя.

Покаялся и говорит:

– Какие мы, Саша, счастливые, у нас такой батюшка есть.

За год до смерти батюшки сотовый зазвонил, высветился номер Петра.

– Петя, – говорю, – привет.

Из трубки:

– Это мама Пети, он умер, вчера похоронили, помолитесь за его душу, вы ведь дружили. Он так мечтал в последнее время съездить в Омск, всё повторял: какой там живёт батюшка Савва, какой батюшка!

Я заказал панихиду и сорокоусты в трёх или четырёх церквях. В монастыри позвонил, тоже заказал сорокоусты. И перенёс Петю в помяннике из одной графы в другую.

К деду Николаю на могилу хотел съездить на семидесятилетие Победы, не удалось. Надо будет без всяких юбилеев как-нибудь собраться.

Мама не один раз просила:

– По возможности могилу деда не забывайте.

Она мне года за два до своей смерти, передала тетрадный листок, исписанный именами и фамилиями близких родственников, со словами:

– Ты, Саша, лучше меня знаешь, как поминать, не забывай про них, тут самые близкие.

Что касается маминой родословной, её дедушка по отцу, мой прадед, Алексей Иванович, жил в Сибсаргатке. Казак. По фамилии Орлов. Весь род по мужской линии – орлы и гвардейцы. У Алексея Ивановича рост два метра четыре сантиметра, у его брата Ивана Ивановича – два ноль три. Сохранилось фото, стоят плечо к плечу два богатыри. Глядя на таких богатырей жить хочется. У Ивана Ивановича борода,

один к одному моя – лопатой, причём, совковой.

Прадед Алексей Иванович вернулся с Первой мировой весь израненный. Всего два года и пожил. Не хватило богатырского здоровья перемочь болезни – умер. Жена его, Вера Андреевна, осталась с тремя детьми: Шура, Николай (мой дед), Елизавета. Помаялась одна и повторно вышла замуж, снова за сибсаргатского казака, перебравшегося к тому времени в Омск. Что интересно, не родственник, а фамилия та же – Орлов. Василий Орлов. Он жену схоронил, остался с двумя дочерьми, Зоей да Надей. Стало на двоих пятеро детей.

Баба Шура, мамина родная тётя, всех пережила, умерла в прошлом году ста двух лет от роду. Она последний мой родственник довоенного и даже дореволюционного рождения из тех, кто дожил до наших дней.

Раз в год на родительский день, в Великий пост или в субботу перед Троицей, еду в храм Всех святых, что на месте бывшего Казачьего кладбища, и заказываю панихиду родственникам, кто упокоился в этой земле. Первой в середине тридцатых похоронили на Казачьем прабабушку Веру Андреевну, ненамного пережил её второй муж – Василий, рядом лёг. Елизавета, родная сестра деда Николая, тоже перед войной умерла.

– Гроб с ней на своей машине везла на Казачье кладбище, – рассказывала баба Шура.

Чуть не забыл такой факт. Мама, как-то смотрела списки

воинов, умерших в омских госпиталях от ран и наткнулась на Сергея Сергеевича Андреева из города Холм, похороненного на Казачьем кладбище.

В мемориальном сквере на месте кладбища был установлен символический надгробный камень тем, кто умер в омских госпиталях и похоронен на Казачьем кладбище. На нём несколько десятков фамилий, все умершие не уместились, Андреева в списке них нет. Мама несколько раз ездила к камню (я раза два возил) с цветами.

– Глядишь, – говорила, – кто-то и моего папу помянёт в Холме.

Мы пытались найти родственников Сергея Андреева. Директору музея в Холме послали фамилию солдата. Не смогла отыскать – город в войну был весь разрушен, архивы уничтожены.

За раба Сергия тоже молюсь по наказу мамы.

Не могу не сказать о сёстрах деда Николая, родных и сводных.

Баба Шура была истиной казачкой. В кости крепкая, боевая. С лошадьми, как сама рассказывала, обращалась запросто. Ничего не стоило на хорошем коне забор из жердей перемахнуть на всём скаку. Да город потребовал более прогрессивных навыков. Подалась баранку крутить. До войны, в войну и после оной летала по городу сначала на полуторке, потом на ЗИС-5.

Её на фронт не призвали, а Зою, сводную сестру, дочь Ва-

силия, забрали в восемнадцать лет. Через полгода привезли в санитарном поезде с тяжелым ранением.

И её баба Шура отвезла на полуторке к родственникам на Казачье кладбище. Вдвоём с Надей хоронили.

Есть в семейном архиве довоенная фотография, от мамы осталась: три казачки-красавицы – Шура, Зоя, Надя.

По рассказам бабы Шуры, Надя жила с улыбкой на лице, на мир смотрела счастливыми глазами, ожидая от будущего исключительно хорошего. Доверчивая, открытая. Любила ездить с Шурой на машине. Нравилось смотреть на город с высоты пассажирского сиденья. При этом вдохновенно пела бодрые довоенные песни.

...Мчались танки, ветер подымая,
Наступала грозная броня.
И летели наземь самураи
Под напором стали и огня.

И добили – песня в том порука
Всех врагов в атаке огневой
Три танкиста – три веселых друга —
Экипаж машины боевой!

В сентябре сорок первого года Надя устроилась на авиа-завод. Была у неё комнатка в коммуналке. С началом войны с жильём в городе стало туго, к Наде подселили ушлую ба-

бёнку с их же завода. Та работала в столовой посудомойкой, овощерезкой.

Комната у Нади крохотная, только-только две кровати поставить. Бабёнка решила – на двоих жилплощадь не рассчитана. Ей надо мужичков водить, а тут помеха. Хотя Надя пропадала на заводе с раннего утра до поздней ночи, бывало, сутками дома не появлялась. Бабёнка, как только представился случай, избавилась от хозяйки комнаты. Однажды та с мастером приватно договорилась, что выйдет после обеда, ей надо было какие-то бумаги оформить.

Бабёнка утром будит Надю, дескать, почему на завод не идёшь? Надя возьми и скажи откровенно: мастер её прикроет.

По законам военного времени за опоздание более чем на двадцать минут судили. Тем более – за прогул. Бабёнка доложила своему хорошему знакомцу зам. начальника по режиму о «вопиющем нарушении». Надю арестовали, дали срок, отправили в лагерь. Больше её родные не видели.

Разбитная бабёнка, кстати, недолго на правах хозяйки блаженствовала на освободившейся площади, вскоре тяжело заболела и умерла.

В моём помяннике, с маминой добавкой, более трёхсот имён в списке «за упокой», есть за кого молиться.

В шестидесятые годы Казачье кладбище снесли, и получилось – никого из родственников не перезахоронили. Так и остались в той земле. Хотя тоже навряд ли, когда фундамен-

ты под строительство многопрофильной детской больницы и жилых домов рыли, столько, говорят, костей вывезли с грунтом.

Глава восемнадцатая

Полинка

Из сети салонов нашей фирмы, только омский филиал не работал в воскресенье. Москву в самочинство посвящать не стал, ни к чему руководству лишние знания о подчинённых. В Москве салоны в воскресенье работали, сама головная контора отдыхала. Я решил, пойдут не пойдут мои люди в храм, это их дело, моё – предоставить такую возможность.

По четвергам проводил оперативки. Подводил итоги прошедшей недели, ставил задачи. Была одна особенность наших производственных посиделок, поступив в духовное училище, завёл железное правило в нашем филиале, начинал совещание не с оглашения цифр объёмов реализации, сравнительной статистики продаж, а с церковной тематики. На неделю вперёд рассказывал о предстоящих православных праздниках, чтимых святых, подвигах мучеников, новостей Омской епархии.

Говоря о чудесах, связанных со святыми, приводил собственные примеры, связанные с Серафимом Саровским, Сергием Радонежским, Николой Угодником, Матушкой Матроной, Ксенией Петербуржской, Валентиной Минской. О тех самых случайных неслучайностях, которые со мной

происходили. Другие примеры из жизни.

Первое время по скептическим физиономиям видел, сотрудники мысленно крутили пальцем у виска – директор блажит. Кому-то, допускаю, было не по нраву, да не уйдёшь, когда начальник речь держит. Постепенно к новшеству привыкли, вопросы начали задавать. На Крещение появились желающие совершить паломничество в Большекулачье в монастырь. Кто святой водички набрать, а кто и в Иордань отчаивался погружаться. Дизайнер Света Лысенко не побоялась годовалую дочку взять. Всю не погружала, но раздела, ножки помочила, головку водой у проруби омыла. Женщины ахали: ты с ума сошла, заболает. Ничего подобного, никаких отрицательных последствий.

Однажды веду оперативку, вдруг звонок, на проводе Максим Цаплин, директор новосибирского филиала, с предложением съездить в Томск на фабрику стульев. Нюх ему подсказывал, можно выгодно поторговать профильным товаром параллельно с кухнями. Хороший его знакомый приобрёл фабрику стульев, делает выгодное предложение.

– Ещё как поеду, – говорю, – если будет возможность святому Феодору Томскому поклониться.

– Да без проблем, – ответила трубка.

Тут же поделился радостью с сотрудниками. Месяц назад прочитал брошюрку о святом праведном Феодоре Томском. Ничего до этого не знал о самом загадочном святом земли Сибирской.

Чем взволновало жизнеописание старца, в детстве два лета провёл в местах, где проявилась святость сибирского подвижника Христовой веры.

В 1836 году в Пермской губернии крестьяне задержали и передали властям подозрительного странника, назвавшегося Феодором Кузьмичом Кузьминым. Был он преклонного возраста, необыкновенной для странника наружности – величавый, благообразный. Изысканные манеры, правильная речь выдавали человека знатного происхождения, который уклончиво утверждал, что ни грамоту не знает, ни какого он рода-племени не ведаёт. Так, перекасти поле. Документов, удостоверяющих личность, при себе не имел. Одёт убого. Веры, дескать, православной, образ жизни такой, что под каждым кустом и стол, и дом. С места на место ходит, а пропитывается у добрых людей.

В царской России бродяжничество не поощрялось, привлекли задержанного субъекта к суду. Судейские повидали всяких бродяг на своём веку, таких особ не доводилось. Не сходились концы с концами, однако старец стоял на своём: безграмотный, безродный, путь держит в Сибирь.

Суд есть суд, назначил наказание: двадцать ударов плетью, после чего отправил задержанного по этапу туда, куда странник сам направлялся – в Сибирь. Определили бродягу на поселение в деревню под названием Зерцалы.

Я чуть не подпрыгнул, как прочитал «Зерцалы, Ачинского уезда, Боготольской волости». Я был в Зерцалах. Дальше

встречаю в жизнеописании старца информацию, что поднадзорного бродягу поместили в 1837 году в «...казённый винокуренный завод в селе Красная речка». И здесь был повод подпрыгнуть. Это ведь дорогие сердцу места. На том винокуренном заводе, а если перевести на современный язык – спиртзаводе, мой дядя Афанасий, мамин брат, механиком работал. Само собой, не при Феодоре Кузьмиче. Он в армии служил в Ачинске, ну и познакомился с краснореченской девахой. Рыбаку и охотнику по душе приплась не только деваха со всеми её девичьими достоинствами, ещё и таёжный край, в коем она проживала. Не захотел дядя Афанасий от такого добра в Омск возвращаться.

Старца назовут Томским, но в Томске всего шесть лет пробудет, а двадцать один год (с 1837-го по 1858-й) его сибирской жизни придётся на этот медвежий угол. В поисках уединения жил в Зерцалах, станице Белый Яр, селе Красная речка, деревне Коробейниково. Населённые пункты на небольшом пятачке расположены, в каждом с дядей Афанасием довелось побывать.

Не простой был старец Феодор. Не один раз посещал его в этих сёлах епископ Иркутский Афанасий, встречался с ним святитель Иннокентий Московский, известный тем, что проповещал в христовой вере Америку и Дальний Восток.

Места у спиртзавода таёжно-живописные. Саянский хребет Арга река Чулым огибает. У дяди дома четыре дочери, коим даром не нужны охота с рыбалкой, а мне только давай

из ружья пострелять, рыбу половить, по тайге пошастать. С дядей оказывались в таких местах, ни за что не пройти, только прорубаться. Вот где, понял, что такое непролазный лес. А грибы... Точно – косою коси. Дядя хохочет: «Да остановись ты!» А я не могу, режу-режу. Впору брать литовку: эх, разудись плечо. Грузди, как на картинке... И столько вокруг тебя... Не одну бочку можно засолить...

Позже, когда читал «Угрюм-реку» Шишкова, воображение рисовало таёжные картины романа на основе виденного в путешествиях с дядей: поросшие лесом высоченные берега Чулыма, пустынные плёсы, тайга нетронутая.

Однажды летим на моторке, дядя резко сбросил скорость:
– Санька, смотри!

Лось плывёт с одного берега на другой. Гордая голова над водой... Мощный, величественный...

Дядя Афанасий шоферил, однажды взял с собой, долго ехали, вдруг говорит:

– Закрой глаза.

Закрыл.

– Открывай!

Открыл и себе не верю – я на Украине. Доводилось бывать в хохляндии, с отцом ездили к родственникам. Вдруг в Сибири, в тайге беленые крепкие хаты, именно хаты, тын из прутьев с кринками да макитрами. Ворота в яркие цвета окрашенные – синие, зелёные... Широкая выметенная улица и люди в украинской одежде. Будний день, они в выши-

ванках, жилетках расписных, у женщин головы по-украински платками повязаны... Дедок у ворот в широкополой соломенной шляпе, шароварах. Где та Украина, и где Сибирь, а поди ж ты... У магазина остановились, дядя заскочил за папиросами, я на землю прыгнул из кабины... Осталось ощущение: все вокруг ладные, девушки кровь с молоком – румянец на щёках... Будто какое-нибудь кино «Свадьба в Малиновке» снимается...

– Переселенческое село, – пояснил дядя, отъезжая от магазина, – ещё до революции хохлы сюда приехали, и получилась маленькая Украина в нашей глухомани. И ведь молодцы – посмотри, всё чистенько, ровненько, ухожено. Крепко живут.

В Белый Яр ездили с дядей Афанасием за мёдом.

Пасечник, весёлый, разговорчивый мужичок, поставил передо мной большую миску сот:

– Ешь, толстей, только что срезал.

Тут же прилетела оса. Пасечник сбил её тыльной стороной ладони.

Соты плавилась светло-коричневым мёдом. Брал их руками, облизывал, высасывал из воска вкусноту, пальцы сделались липкими. Уже вроде бы наелся, но снова рука тянулась к миске.

– На животе, поди, мёд выступил, – серьёзно сказал пасечник.

Я хихикнул.

– Нет, ты посмотри-посмотри, – настаивал с озабоченным лицом. – Такое часто бывает с моим мёдом.

Я испуганно задрал рубашку.

Пасечник с дядей Витей громко захохотали.

– Лопай, не бойся! – подбодрили.

Мужики выпили по два стакана медовухи, пасечник был из интересных говорунов. Запомнился его рассказ, как старший брат вернулся с войны.

«Мне восьмой год шёл. Толю и не помнил, на пятнадцать лет старше, его в сорок первом призвали. Летом сорок третьего в огороде горох рву, мама как закричит в ограде, да так страшно, так сильно – похоронку вручили. Через месяц от Толи письмо пришло из госпиталя – ранен. Демобилизовался в июле сорок пятого. Я у деда на пасеке жил, вдруг Толя в гимнастёрке, с медалями заявляется. Дед засуетился, старенький был, но крепкий ещё. В домик зашли, дед давай потчевать внука. Толя попить захотел, жара стояла. “Деда, – просит, – у тебя вода сладкая, набери ковшик. В степи однажды лежим под палящим солнцем, ждали наступления немцев. Воды ни капельки, лежу и мечтаю, вот бы к деду на пасеку, его водички испить”. Дед меня послал на колодец. Я рослый был, а ума нисколько. Дед только-только мёд накачал, без малого полное ведро в сенях стояло. Я хватя его и вылил в колодец, чтобы сладкой воды для брата набрать».

Читал про Феодора Томского и видел Зерцалы, Белый Яр, спиртзавод. И волнение брало – Бог сподобил побывать в ме-

стах, освящённых молитвой старца.

Ознакомившись с жизнеописанием святого, стал искать икону с его образом. Спросил в православном магазине – нет, на епархиальном складе – нет.

Улетая в Москву, в аэропорту подошёл к киоску сувениров, глядь – образок Феодора Томского. Купил, а возвратившись из Москвы, поехал к бабушке Савве, попросил освятить.

Поставил иконку в свой домашний иконостас.

Молясь святому, просил о встрече с ним.

Никоим образом моя жизненная география не касалась Томска, вдруг выплывают стулья.

Говорю сотрудникам:

– Вот вам случайная неслучайность. Кто-то скажет, совпадение, я говорю: Феодор Томский услышал мою просьбу.

Всем сотрудникам привёз из Томска его иконки.

Феодор Томский стал для меня одним из самых дорогих и близких святых. Сергей Радонежский помогал воцерковляться. Благодаря ему понял, что такое сугубая молитва святому: искренняя, от сердца – будешь услышан. Николай Угодник помог избавиться от смертного греха. Об этом далее отдельно расскажу. Близость Серафима Саровского почувствовал в Дивеево, Матрона Московская на примере сына, когда его похмельного вышвырнула из храма, показала, что она рядом с нами. Ксения Петербургская – пример нечеловеческого подвига во имя Христа. Феодор Томский – тоже

за пределами мирского понимания.

Нет сомнений: Феодор Томский – это Александр I, Александр Благословенный. Есть тому множество доказательств. В 1825 году не Александра I похоронили в Петропавловском соборе.

Человек был на вершине мирской славы, монарх мирового значения. Замешанный на сто процентов на гордыни Наполеон Бонапарт считал себя властелином мира. Александр I разбил безбожника, этого осквернителя церквей, в котором современники видели антихриста. Разбил непобедимую армию и триумфально вошёл в Париж. Французы боялись, «русские варвары» будут преисполнены мести за сожжённую Москву и тысячи загубленных французами жизней, начнутся насилия и грабежи. «Русские варвары» были галантны, офицеры свободно говорили по-французски, а если и кутили в ресторанах, то не задарма, платили сполна...

Царь-победитель не стал требовать головы Наполеона, суда над ним, показательной казни. Он, а не Наполеон стал истинным властелином мира. Великодушным и милостивым.

И вдруг властелин уходит из мира. Стоит только сравнить великолепие Зимнего, Екатерининского, Павловского дворцов и дом крестьянина в Белом Яре, ветхую келью в Зерцалах, сооружённую из овечьего хлева. Царские палаты и деревянная скамья вместо кровати с балдахином, а под головой не подушка из лебяжьего пуха, а берёзовый чурбак. Всемирная слава, почёт всех царских и королевских дворов Ев-

ропы, и наказание плетью за бродяжничество. Величайший монарх пришёл к мысли, никакие победы не спасут душу, отягощённую грехом участия в заговоре против отца, против помазанника Божьего. Грех отцеубийства можно искупить лишь молитвенным подвигом. Если будет на то воля Божья.

Я исподволь вёл миссионерскую работу не с одними сотрудниками своего филиала, директоров других филиалов личным примером приобщал к церкви. Нас головная фирма собирала в Москве практически каждый месяц, а то и не один раз. Учёбы, совещания, выставки. Такого не помню, чтобы в Москве не выкроил время для храма. Со временем коллеги стали присоединяться. Глядя на меня, преодолевали дурацкую стеснительность, на колени на литургии вставали.

Однажды вот также несколько директоров пошли со мной на службу. У меня со всеми были хорошие отношения, с директором новосибирского филиала Максом Цаплиным по сей день перезваниваемся, с праздниками поздравляем друг друга. Макс – моя печаль, в церковь с нами ходил, но так и остался некрещёным. Когда начинал ему говорить, отвечал:

– Внутри созрею – покрещусь.

Давить на него не давил, только что предупреждал:

– Можешь не успеть.

Про Вову Самарского рассказывал. Алла Басова из Нижнего Новгорода, наполовину татарка. Броская внешность, но властная, кремень. А если что – огонь. Из журналистики в бизнес пришла. Раза четыре замуж выходила, трое детей, все

при ней. С ней был случай, это уже предприятие наше закрылось. Пишет мне по электронке – у дочери опухоль. Я обзвонил директоров, большинство подключилось, деньгами помогали, докторов искали. Слава Богу, обошлось, опухоль оказалась доброкачественной.

Было одно исключение в нашем директорском корпусе – Петя Гейц из Казани. Макс Цаплин говорил: «В семье не без Гейца». Никакой Петя не Гейц – «девичья» фамилия Кокоулин. В сорок лет ударило в голову: с такой неблагозвучной далеко не уедешь, надо менять. Заодно с фамилией и жену обновил, была русская, дочку с ней народил, взял немку. Песенный Степан Разин ночь с княжной провождался, «сам наутро бабой стал», а Петя стал Гейцем на берегах той же Волги.

Спокойно, даже с гордостью говорил, что у второй жены мать колдунья.

Не помню, какой был праздник, нас человек восемь директоров пошли в церковь. Гейц с нами. Водосвятный молебен. Батюшка кропит прихожан. Мы группкой стоим, щедро в нашу сторону раз да другой кропилом махнул. Все улыбаются, хорошо. Смотрю, у Гейца глаза затравленно бегают, а когда святой водой попало, как вскрикнет и бежать из храма.

В гостинице хихикает: от неожиданности вскрикнул.

Не стал ему говорить, в Дивеево был свидетелем, некоторые паломники кукарекали при выносе святынь.

В конечном итоге аферистом Гейц-Кокоулин оказался. В

обход бухгалтера набрал предоплаты от клиентов, очень даже приличную сумму, и уволился. Заказчики приходят через месяц: где наши кухни? Им: а кто вы, собственно, такие?

Если учесть, что, сажем, среди моих заказчиков были местные министры, заместители губернатора, олимпийские чемпионы, звёзды хоккея, вопрос «кто вы такие?» для них даже не красная тряпка для быка. Мебель-то элитная.

Гейц тем не менее вышел сухим из воды. В КПЗ посидел, от зоны сумел каким-то образом открутиться.

Ещё до этой махинации занял у меня денег. Чувствовал я, что-то не то. Но сказал себе – отринь подозрения, не кто-нибудь, товарищ просит. Он сначала обещаниями кормил «счас-счас перечислю», «завтра, в крайнем случае – послезавтра», потом и вовсе трубку перестал брать. Да не на того попал, достал я его – вернул долг.

А ещё хочу поведать вот о чём. Про главного бухгалтера рассказывал, как ездили в Троице-Сергиеву лавру и чуть не опоздали на самолёт. Заходит она ко мне в кабинет и рассказывает жуткую историю, происшедшую с Галей Ситниковой, та постоянно помогала нам по рекламе. У Гали одиннадцатилетняя дочь Полина. Заболел живот, вызвали скорую, врач дал таблетку и уехал. Девочке легче не стало, на следующий день снова вызвали скорую, снова ничего не определили, только вечером увезли в больницу и сделали операцию. Перитонит.

– Галке сказали, – бухгалтер чуть не плачет, – с операцией

опоздали, надейтесь на Бога.

Выслушал её и подумал: женские эмоции. Конечно, бывают тяжёлые случаи с аппендицитом, но неужели вопрос может стоять о жизни и смерти.

– Пусть, – говорю, – закажут сорокоуст, молебен.

Бухгалтер на следующий день заходит:

– Александр Иванович, Галка вообще в истерике. Сделали вторую операцию и сказали: «Мамочка, всё может быть».

Я завёлся.

– Звони, – говорю, – Гале, пусть заедет в салон.

Часа через два прилетела, начала сбивчиво рассказывать, перебиваю:

– Почему ты пустила всё на самотёк, не сидишь в больнице?

– Реанимация, меня не пускают.

– Плевать, твой ребёнок лежит, ты должна быть рядом. У моей дочери в полтора года фурункул под ухом был. Врачи у меня строем ходили. Потом, конечно, извинялся за излишнюю резкость. А куда деваться! Сколько случаев, вовремя не подошла медсестра или доктор – и всё. Три года назад имел опыт, у лучшего друга Володи Долгачёва инфаркт был. Приехал с дачи, пошёл погулять с собачкой, по дороге плохо. Мужуку пятидесяти не исполнилось – умер! Вызвали «скорую», увезли его, а был воскресный вечер, через два часа позвонили: забирайте. Тот случай, когда вовремя не подошли, не начали бороться за жизнь.

Володя – тоже моя боль. Так и не дотянулся до исповеди, причастия. Атеистом не был, мне иконы дарил, а сам до церкви не дошёл. Без покаяния, причастия отошёл ко Господу. Где он, куда попал? Праведником не был. Только официально женился три раза, дети от двух жён...

Начал Галю накачивать, ни в коем разе не расслабляться, вожжи крепко держать в своих руках. Кто-то из родственников постоянно должен сидеть в больнице. Сама, муж, бабушки. На собственной шкуре испытал. У мамы был инсульт, не отходили от неё – сёстры мои, я. Следили, когда какое лекарство принимать должна. Шесть раз за руку ловили, не то лекарство приносили. Доктор новое назначил, она даёт которое отменил. Не преувеличиваю, не один, шесть раз путаница была с лекарством. Поэтому нужен жёсткий контроль, и врачи должны знать это.

Потом решили забрать её домой. Машину больница выделяет. Я готов был их разорвать – катафалк прислали. Разорвать не разорвал, но отчитал. «Вы бы ещё, – говорю, – гроб выделили вместо носилок, чтобы домой с машины доставить». Через пятнадцать минут «скорую» прислали.

– Человек по своей сути разгильдяй, – настраивал Галю. – Они могут плакаться, что зарплата маленькая, пятое-десятое, это тебя не касается – твоя дочь в тяжелом состоянии. Ни на кого не надейся! Делай всё, что можешь! Вбей себе это в голову! Не успокаивайся, что она под присмотром врачей!

Дальше повёл разговор о грехах родителей, из-за которых

страдают дети. Рассказал о своём опыте. Когда я начал перечить отцу Савве, мол, разве венчание это обязательно, ба-тюшка сказал:

– Обвенчайся, потом увидишь.

У меня сыновья школу бросали, а мы и не знали. Утром вроде как на уроки, сами по улицам шляться. После того, как мы обвенчались с женой, не сказать, что исправились в корне, но точно – дури меньше стало.

Рассказал Гале о своих ошибках, чтобы легче ей было... Потом спрашиваю:

– Вы с мужем крещены.

– Да.

– Причащались, исповедовались?

– А что – надо?

– Венчаны?

– Нет.

– Представляешь, сколько ваших грехов на ребёнке! Если хотите, чтоб выкарабкалась, старайтесь сделать всё от вас зависящее, чтобы ей легче было. Снимаете с себя грехи исповедью, причастием, пусть ребёнок их не тащит. Не откладываете, готовьтесь и завтра-послезавтра на исповедь и причастие.

Муж у неё Володя, хороший парень, юрист. Тоже ко мне приехал, и ему объяснил.

– Вам даже врачи говорят: надежда – на Бога! Но вовсе не значит, должны сидеть и ждать Его милости!

Поговорил с ними и начал обзванивать директоров филиалов. Палкой, думаю, никто не огреет, если попрошу. Позволил в Самару, Новосибирск, Волгоград, Нижний Новгород. Попросил заказать сорокоуст о здравии рабы Божией отроковицы Полины.

Допускал, кто-то поленился пойти в храм, но в основном закажут. Когда болела мама, тоже так делал. И когда умерла. Сам в течение сорока дней ежедневно заказывал панихиду, по возможности старался три-четыре раза в неделю присутствовать на ней. Директором был, легче вырваться. Дней двадцать со дня похорон проходит, сестре Татьяне снится мама – ходит по дому и поёт: «Со святыми упокой...» Сама счастливая... Сестра ей: «Мама, ты что поёшь? Это ведь для мёртвых поют». Она: «Да? А мне очень нравится!»

Я сделал вывод: для маминой души надо было всё, что заказывал я, сёстры, что её поминали в разных храмах.

Мама, когда последние две недели парализованная дома лежала, начала молиться, читала «Богородицу», «Отче наш». Был момент, отец обнял её и говорит:

– Хорошую мы жизнь прожили, мать, и дети у нас хорошие.

Она кивает:

– Хорошую, отец, хорошую.

Потом в мою сторону посмотрела:

– Саша, а ты больше так не делай.

Не выходил у неё из головы мой грех даже на смертном

одре.

Дня через два Люба, старшая моя сестра, заходит к ней, мама тихим, но счастливым голосом говорит:

– Люба, а я ведь завтра умру.

Люба в испуг:

– Мама, что говоришь такое? Как это умрёшь, а мы?

Мама ей снова с радостью повторяет:

– Нет, ты не понимаешь, я завтра умру.

Каким-то образом чувствовала. Так и получилось.

О Полинке матушке Анне позвонил, в другие монастыри – в Большекулачье и Ачаир. Всех батюшек, кого лично знал, попросил помолиться за ребёнка. Составил список на целый лист и последовательно обзванивал. Петру в Арзамас позвонил.

Проходит ещё день. Сделали Полинке третью операцию, легче не стало.

Думаю, почему?

И осенило... Захожу к главному бухгалтеру:

– Лидия Васильевна, – спрашиваю, – а Полинка крещёная?

Лида хватается за телефон, делает звонок Гале.

– Нет, мы её не крестили, – сообщает та, – никак не соберёмся.

Вот тебе и раз! В храмах по моей просьбе молятся, а за кого спрашивается? Полина в книге у Бога не записана. Это одно. Второе – получается, батюшки на себя грех берут, а

значит, болезни... Попал, как кур во щи. Как быть?

Да никак – обзванивать, отзывать просьбу. Не за кого молиться. Достал список. И первым набрал монастырь в Большешулачье, позвал Веру Николаевну, регента.

Она говорила про себя: «Не зря я здесь! Я – Вера, папа – Николай, а служу в Никольском храме».

– Вера Николаевна, – повинился перед ней, – грешен я. Просил, чтобы сорокоуст подали за рабу Божию Полину, она, как оказалось, не раба Божья – не крещёная. Вы уж простите меня, уберите записку.

Возникла пауза. Вера Николаевна человек замечательный, но в иных случаях кремень.

– Знаешь что, дорогой ты мой, – выдала решительным тоном, – сам накосячил, сам и распутывай клубок. Записку забирать не буду, а ты ноги в руки и организовывай крещение!

Как сам-то не догадался?

Звоню Гале:

– Делаем так, прямо сейчас договариваюсь с бабушкой, едем к Полинке и крестим её.

– Она в реанимации, не пустят!

И начала со слезами рассказывать, в каком виде дочь.

– Под любым предлогом договаривайся, – говорю, – твои проблемы, как убедить врачей.

Галю в тот день, впервые к Полинке в реанимацию пустили.

Зашла и едва сознание не потеряла: Полинка, как скеле-

тик. Вся в капельницах. Рядом в тазике кишочки в растворе.

Позвонил отцу Олегу, с которым вместе в духовном училище учились. Сказал, что дело более чем срочное, ребёнок умирает. Надо успеть покрестить. Еду к нему, забираю, летим в больницу. Пустили к Полинке его одного. Вышел из реанимации, на лбу испарина:

– Ну, слава Богу, покрестил...

В день крещения сделали четвёртую операцию. Снова улучшения нет.

Узнал об этом и рванул к матушке Анне. Сначала схватился за трубку звонить, потом думаю, нет, надо самому ехать. Срываюсь, благо сам себе хозяин. По дороге заскочил домой. И решил воспользоваться следующим приёмом. Он похож на гадание, но два раза прибегал к нему. Помолился, попросил: Господи, скажи, для чего этому ребёнку такое испытание? Открываю Евангелие, и первое, на что натывается взгляд: «Болезнь эта не к смерти, но к славе Божией...» И читаю дальше про Лазаря Четверодневного и его воскрешении.

Немного успокаиваюсь, еду к матушке. Повезло, одну застал, посетителей нет, значит, можно, не торопясь поговорить. Сели в храм. Я ей только чуть-чуть рассказал. Что девочке Полине сделали операцию. Поздно. Перитонит. Сказали – «надейся на Бога». Дальше она мне говорит, что врачичи накосячили. Дословно не помню, но что-то с желчью, она выбрасывается, происходит отравление, так как перистальтики кишечника нет.

Короче, рассказывает, что произошло. Хотя я ей ничего не рассказывал.

Говорит:

– Надо же такая молоденькая. Ай-я-яй.

Потом на меня посмотрела:

– А ты что такой унылый? Всё равно все погрём.

– Понимаю, матушка, но ведь дитё! Каких-то четыре-пять дней назад не на радуешься был ребёнок, и вот – при смерти.

– Всё, – отправила, – езжай домой, будем молиться.

Я поехал отчасти успокоенным, всё, что мог, сделал, матушка своим тоном уверенность вселила – что-то должно обязательно произойти, разрешиться.

Рано утром приходит эсэмэска от Гали: «У Полины заработал кишечник».

В салон приехал, Галя уже там сидит. Глаза сияют:

– Врачи сказали, кризис миновал. Как мне Бога благодарить? И матушку Анну? Лида сказала: вы к ней ездили вчера.

– Во-первых, прямо сейчас езжай и закажи Господу нашему Иисусу Христу благодарственный молебен. Во-вторых, у матушки Анны, слышал вчера, картошка закончилась, привезите, не поленитесь. Если есть возможность, в ящичек у неё в храме денег положи.

Она тут же скомандовала мужу отвезти два мешка картошки в монастырь, сама поехала в храм.

На оперативке, это уже когда Полину выписали из больницы, рассказал этот случай. Как Господь лечит, как показал

родителям: по нашим грехам, дети страдают.

Матушка Анна несколько раз потом спрашивала про Полинку:

– Что скажешь про свою крестницу?

Как из салона ушёл, больше с Галей не сталкивался. Что у них – не знаю, а Поинка уже девушка... Молюсь за неё. И вправду, крестница, хотя я во время крещения в коридоре сидел.

Глава девятнадцатая

А я и не знала

Один из примеров, что привёл на одной из оперативок в качестве поучительного, был о Валентине, подруге младшей моей сестры Тани.

Таня преподаёт балльные танцы. С детства страшно любила танцевать. В зале у нас стояло зеркало на тумбе, высокое, едва не до потолка. Она перед ним искрутится – и так встанет, полюбуется собой, и эдак. Я не мог не подтрунить над сестрой, если заставал врасплох за этим занятием. Подсмеивался. До слёз, бывало, доходило. Обидчивая росла. Протанцевала всю школу, техникум. Окончила, как и я авиационный, как и я – на гироскопах училась. Танцы, в конце концов, перетянули. Стала преподавать детям. Даже есть диплом от патриарха Алексия II. Церковь проводила всероссийский конкурс ко Дню Победы. Танины ребятишки шли специальные костюмы. Сняли выступление на видео и отправили в Москву, в патриархию. Их программа была отмечена дипломом. Я его доставил в Омск. Будучи в командировке в Москве, заехал в Данилов монастырь, в патриаршее подворье, забрал и передал в наше епархиальное управление. Сам владыка Феодосий вручал диплом Тане в Успен-

ском соборе. Она привела ребятишек... Красиво было и торжественно. Не где-то на клубной сцене, а в соборе, на архиерейской службе... Священники в праздничных облачениях, хор...

У Тани была подруга Валентина. Вместе много лет танцевали, вместе стали преподавать. Сложилось так, что Таня малышей набирала, учила их с нуля, Валентина потом лучших забирала и вела дальше. Её воспитанники выступали на соревнованиях, в том числе и международных, становились чемпионами.

Валя заболела – онкология. Несколько раз ложилась в больницу, а потом отправили домой умирать. Сестра переживала за подругу. Ещё до болезни пыталась Валю приобщить к церкви, хотя бы немного. Та ни в какую не соглашалась. Крещёная, но отношение к церкви категоричное – нет.

Валя уже вышла на финишную прямую, а всё цеплялась за своё «нет». Таня после обедни зашла к ней, принесла святую водичку, просфорки. Вот, мол, пей понемногу, просфорочки ешь. Та давай хохотать: ты что, мол, удумала подруга? Ещё и отчитала: на смех меня перед соседями хочешь поставить? Будто Таня собралась стучаться во все двери подъезда, докладывать: принесла подруге святыни из церкви.

Сестра рассказывала:

– Жалко бедняжку, всю жизнь вместе, хочется помочь, облегчить её муки... Она не понимает.

– Таня, – говорю, – нет, так нет, не надо в таком случае

оставлять святыни. Может взять и выбросить в унитаз.

Валю прекрасно знал. Порядочный человек. Из себя видная – высокая, длинноногая, фигура всегда идеальная, сказывался постоянный танцевальный тренинг, и умение держать себя в форме. Сестра не один раз повторяла:

– Валя молодец, стройняшка. Ни килограмма лишнего, не то, что я.

Сестра, конечно, кокетничала. Излишки, если и имелись, от силы каких-нибудь три-четыре килограмма. На рост метр семьдесят два не очень и заметно. У Вали не к чему было придрататься.

По жизни ей не повезло. Замуж два раза выходила – оба раза неудачно. Детей Бог не дал. Вдобавок ко всему онкология.

Таня переживала за подругу, каждый день заходила к ней. Работала рядом, хоть на минутку до или после занятий заскочит. К матери Валентины всякий раз обращалась, мол, надо пособоровать Валю. Мать относительно недавно отпраздновала семидесятилетний юбилей, считала себя передовой во всех отношениях, работала когда-то на крупном заводе начальником отдела технической информации, церковь не признавала. Жила с ними ещё Валина бабушка, той было под девяносто. Подвижная старушка. Она поддакивающе кивала головой на слова Тани о соборовании, мол, надо-надо, но голоса в доме не имела.

Вале тем временем всё хуже и хуже, наконец, пришёл мо-

мент, когда мать согласилась на настойчивые слова Тани о соборовании.

– Таня, делай, что хочешь, я тебе доверяю.

Сестра тут же звонит мне:

– Валю нужно срочно пособоровать.

Я обращаюсь к батюшке Олегу, тому, который крестил Полину в реанимации.

– Батюшка, – прошу, – надо срочно пособоровать умирающего.

Договариваемся о времени, еду за ним. Отец Олег выходит из дома, в хорошем настроении:

– Сегодня, – говорит, – пособоруюем, а завтра причастим. У меня сегодня Святых Даров нет. Завтра возьму и всё сделаем.

У меня четкое понимание: с причастием навряд ли получится. Если бы всё за один раз. Тот сложный случай, когда сегодня одно, завтра другое, не приемлемый вариант. Таня больше месяца уговорила её пособороваться.

Где-то прочитал, Иисуса Христа спрашивают: Господи, ты же Милостивый, почему, не всех спасаешь – часть заблудших по левую руку от себя ставишь? Не такие они, может, и грешники, если разобраться, не хуже других. Почему, вопрошают у Господа, не берёшь к себе на правую сторону. На что Господь отвечает: с превеликой радостью взял бы, попроси они хотя бы перед смертью прощения за свои грехи. Уж не до большего. Так нет же, даже не покаяться.

Приезжаем к Вале. Её не узнать. Таня первая заходит. Валя обрадовалась:

– Танечка пришла!

Голос тихий-тихий. Истаяли силы. Меня увидела, застыдилась, как же она в таком виде. Тихим голосом говорит:

– Саша, зачем?

Ещё и батюшка.

– Таня, зачем батюшку привела?

Отец Олег молодец. Сразу взял командование в свои руки. Отправил всех в другую комнату, попросил меня дверь за собой закрыть. Мы с Таней и Валиной матерью ушли, тут же была Валина бабушка.

Батюшка за дверью проводит с Валею беседу перед соборованием, я начал с Валиной матерью разговаривать. Спокойная, ни тени не заметил, что переживает за состояние дочери. Бабушка – та вытирала уголком платка глаза, эта – нет. Даже повела себя агрессивно:

– Я, – говорит – все равно не верю в попов, в церковь вашу. У нас в деревне церковь закрыли, клуб в ней организовали. Ух, плясала в нём и танцевала. Частушки, бывало, как вдарю, знала их несметную тучу, каблуками трахну и пошла-пошла сыпать одну за другой. На любую тему. Огонь, а не девка! Плевать, что церковь с иконами на стенах нарисованными, не все сразу покрасили. Бабушка разворчитя: «Тебя в ней крестили, а ты отплясываешь, бесстыдница». А я, считала и считаю, чушь это на постном масле.

Поначалу я что-то начал говорить ей, возражать, потом понял – бесполезно, ровно бисер перед свиньями метать. За-молчал. Бабушка ни слова не проронила.

Минут десять прошло. Мы заходим в комнату. И чудо. Валя поворачивается, тихо-тихо и удивлённо говорит:

– Батюшка со мной поговорил, а я этого и не знала.

В тоне, в голосе, глазах читалась, она узнала сокровенное, то, что прошло мимо неё в жизни. Прожила более пятидесяти лет, но гордыня не давала возможности узнать, проникнуться.

Ей, лежащей при смерти, батюшка сказал элементарные вещи. Для спасения души, нужно примириться со всеми, не держать зла, простить всех, кто обижал тебя. Ты осуждала людей, делала аборты, грешила с мужчинами – в этом надо покаяться перед Богом. Ад, рай – не сказки, а то, что уготовано душам человеческим, живущим вечно.

На смертном одре поняла, что церковь, как считала всё время и говорила Тане, вовсе не попы жадные, бабушки безграмотные, это совсем другое. Гордыня застила глаза, вдруг пришло откровение: «А я и не знала...»

Тяжело было её соборовать, Валя начинала скулить:

– Я кушать хочу, я пить хочу...

Мать постоянно мельтешила рядом, усидеть на месте не могла, мешалась. С большим трудом пособоровали.

Валя приложилась к кресту, Евангелию и спрашивает с надеждой:

– Батюшка, я буду жить?

– На всё воля Божья, – отец Олег ей. – Для вашей души большая польза сделана. Первый раз поисповедовались, по-соборовались. Будем уповать на милосердие Господне. Вам, конечно, трудно, и всё же по возможности помолитесь, поговорите своими словами с Богом. Бог милостив.

Вышли в коридор, прощаемся. Матери говорю:

– Завтра приедем с бабушкой, причастим Валентину.

Она мирным, но твёрдым тоном:

– Не беспокойтесь, достаточно. Это сделано и достаточно, хватит её мучать.

Вышли, отец Олег спрашивает:

– Я что-то не понял, причащать не будем?

– Что тут непонятного, – говорю, – ты завтра не нужен.

Через два дня Валя умерла. Пригласили отца Олега отпеть.

Самое интересное, мать умерла через полгода. Как только поняла, что недолго ей осталось, уже подходит к своему последнему пределу, попросила отпеть её после смерти и чтобы отец Олег. Позвонила Тане.

Та исполнила её просьбу.

Глава двадцатая

Дальнойбой

Случай с Матвеем рассказал на оперативке, как пример того, какую роль в жизни играет молитва матери, и молитва, которую выносит человек из детства. В какой-то момент жизни она может стать щитом, копьём, удесятерить твои силы и разрушить вражеские. Пытался вразумить подчинённых, чтобы учили детей, внуков не только стихам, но и молитвам.

– Вы скажете, – говорил, – это красивые слова: молитва матери со дна моря достанет. Но ведь достаёт!

Никто кроме Господа Бога не знает точно, молитва ли помогла Матвееву, мама ли его вымолила, только был он на самом дне. Мог запросто замёрзнуть, отравиться какой-нибудь спиртосодержащей гадостью, получить нож в бок.

Директор новосибирского филиала Максим Цаплин будто чувствовал, что наша фирма может загнуться, вошёл в учредители транспортной почтовой грузовой кампании и попросил поддержать его с омским отделением, открыть филиал. Я посчитал предложением разумным. Тем более начались непонятки в Москве, в головном офисе. Если раньше работали чётко, тут начались проблемы с комплектующими, свое-

временным выполнением заказов на их поставку. Клиенты месяцами ждут, трезвонят. Если раньше вся фурнитура была из Европы, качественная, здесь стали поставлять китайскую дешёвку. Это всё не могло не вызвать тревожное чувство – фирму лихорадит.

Взялся я за филиал транспортной компании. На первых порах был в одном лице, и директор, и менеджер, и грузчик, и экспедитор. Договор заключить, аренду склада оформить, за складом следить, чтобы воровства не было. Грузопоток был не сказать, что большим. Приходит машина из Новосибирска, обзваниваю клиентов, предупреждаю, когда будет доставлен груз. Разрабатываю маршрут для доставки груза адресатам.

Бывало, машина сломается ближе к Омску, ищу транспорт, надо её притащить в Омск, поставить на ремонт, решить вопросы с грузом.

Был период, плечо Омск–Новосибирск очень эффективно задействовали. Грузы шли весёлым потоком в обоих направлениях.

Из Новосибирска часто возил грузы Матвей Сизов. У нас было время пообщаться. Кто о чём, а лысый о расчёске. Ну а я – о церкви. В случае с Матвеем тоже забросил удочку. Он говорит:

– Я две молитвы знаю.

– Какие? – спрашиваю.

Не удивил первой – «Отче наш», второй оказался псалом

«Живый в помощи».

Честно скажу, усомнился, потому что Матвей сказал, что в церковь вообще не ходит. Попросил его прочитать псалом. Без запинки от начала до конца прочитал, пару ошибок в ударении сделал.

– Мама ещё до школы научила, – пояснил. – Она верующая. Когда бомжевал, бывало, в мороз лежу на горячей трубе теплотрассы, смотрю в звёздное небо и читаю.

– Не понял, – спрашиваю, – как бомжевал? На самом деле или прикалываешься?

Видный молодой мужчина, Матвею лет тридцать тогда было. Открытое лицо. Крепко сложен. Ладони не шофёрские – с пальцами гитариста, но по рукопожатию чувствовалось, человек сильный.

Бомжевал по-настоящему. После школы поработал шофёром, затем призвали в армию. Служил на Северном флоте водителем. Элитным. Возил морские баллистические ракеты. Мурманская область, сопки, дороги серпантинном, а ты везёшь к базе подводного флота бомбу на колёсах – ракету, заправленную высококипящим самовоспламеняющимся топливом. На этих дорогах без ракеты, смотри, как бы не улететь в обрыв, а если у тебя за спиной изделие высотой с четырёхэтажный дом, которое и в горизонтальном положении не короче, тут предельно будь внимателен. И в хранилище, вырубленном в скалистой сопке, от водителя требуется филигранная работа.

Сопка на берегу Баренцева моря, на её вершине и склонах травка зеленеет, морошка сначала краснеет, а потом приобретает апельсиновый цвет, грибы живописно произрастают – изумрудный покров травы, а из него красавцы белые или подосиновики с подберёзовиками торчат. Никаких осин и берёз (только что карликовые попадаются), тогда как грибы, которые в соответствии с названием должны под ними расти – пожалуйста. Такая вот полярная идиллия на поверхности сопки, тогда как под идиллией не земля и каменная толща, спящая вековым сном, а наоборот – жизнь военная кипит: в скале вырублены огромные хранилища для ракет, к ним ведут длинные тоннели, по которым Матвей искусно возил на мощных тягачах ракеты. С Мурманска доставлял в хранилища, потом из хранилищ – к подводным лодкам для погрузки в шахты.

Отслужил Матвей на флоте, вернулся домой в Новосибирскую область, женился на однокласснице. Все годы службы переписывался с ней, после дембеля сразу пошли в загс. Покрутился Матвей в родном селе, достойной работы нет, и пошёл в дальнобойщики, как сам говорил – «в дальнобои». Однажды с рейса вернулся, а жена спуталась с его другом. Разом потерял друга и, что страшнее всего – жену.

Было настолько больно, настолько беспросветно, что Матвей запил и прошёл полную школу бомжевания.

Понесло его, аки лёгкую пушинку, по белу свету. Из Сибири попал за Урал. Бомжевал в Казани, под Ярославлем.

Скитался по теплотрассам, попадал в спецприёмники, терял и восстанавливал паспорт. Молодой организм переваривал всякую спиртосодержащую гадость и сомнительного качества еду. Не замёрз, не отравился, не убили в пьяной драке. Однажды под осень вернулся в родные края, и случайно, а все случайности не случайны, столкнулся на железнодорожной станции Татарская (Новосибирская область), с одноклассником.

Тот удивился социальному статусу Матвея – сильный мужик и вдруг сломался. Одноклассник был удачливым предпринимателем и предложил Матвею вариант возвращения к нормальной жизни. Он приобрёл по дешёвке зону отдыха, чудное место – берег озера, большой кусок соснового бора. «Будешь жить в вагончике и смотреть за участком, – сказал одноклассник, – бабу тебе найдём».

Обещание выполнил. Нашли на теплотрассе напарницу женского пола, а кто ещё согласится к бомжу в помощницы? Зажили Ксения и Матвей на пару под сенью соснового бора.

Одноклассник не зря оказал доверие Максиму. Мы привыкли делать поспешные выводы: что хорошего можно ждать от конченого бомжа, тем более – если их двое? Ждать, мол, если что и можно – так появление ещё одного бомжатника на просторах нашей многострадальной сраны, куда как мотыльки на свет начнут стекаться такие же опустившиеся личности...

Вот и нет. Матвей восстановился, как и его Ксения. Ро-

дился у них Тимофей. Зарегистрировались. И всё хорошо пошло. Матвей перерос должность сторожа, тот же одноклассник помог устроиться водителем в транспортную кампанию. Тут-то мы и познакомились.

Начал я его подводить к церкви, давать книги. Он часто приезжал в Омск. Жил уже в своём селе, но с батюшкой отношения не сложились. Я настраивал Матвея на исповедь и причастие, Матвей обратился к местному батюшке, тот почему-то посчитал, рано Матвею причащаться. Епитимию не наложил, сказал, надо подождать. Дескать, ты столько нагрешил, потерпи...

Матвея данное обстоятельство раздосадовало. Заговорила гордыня. Я пытался настроить, чтобы не опускал руки, проявил упорство. Царство Небесное усилием даётся. Возможно, в конце-то концов, к другому батюшке обратиться, в Новосибирске часто бывает... Матвей не торопился.

Тем временем жизнь свою устраивал основательно. Занял денег у того же однокашника-благодетеля, купил домик, пусть не ахти какой, но жить можно. Начал приводить его в порядок, перекрыл, окна поменял, печь переложил, баню поставил. Одним словом – хозяин.

Однако стал замечать, приезжает из рейса, а жена какая-то не такая, не в себе. Думал поначалу – болеет. На деле всё было проще простого. Он в рейс, она за рюмку. И не в гордом одиночестве. Появились собутыльницы и собутыльники со всеми вытекающими в вопросах нравственности послед-

ствиями.

– И это моя Ксюша, – сокрушался Матвей, рассказывая о жене.

Не хотел верить в такой поворот судьбы. Не запил, как в случае с первой женой, не выгнал её, сдерживало наличие сына (как он без матери), но сердце разрывалось от боли.

Спрашивал меня:

– Как поступить?

Перешёл в другую транспортную кампанию. Объяснял, чтобы реже быть дома. Гонял большегрузы по всей стране, проезжая Омск, обязательно звонил. Иногда встречались, передал ему православной тематики книги. Всегда по многу привозил из командировок в Москву, из паломничеств, читал, раздаривал...

Матвей каждый раз пытал меня, как быть с семейной жизнью, до конца простить жену? Её измена для него была мукой. Повторял не один раз:

– Не могу поверить, моя Ксюша и вот так.

По натуре был однолюбом, человеком, для которого семья – центр вселенной.

Объяснял ему, что жена попала в зависимость. Так просто её рогатый ни за что не отпустит.

– Если дорога тебе, надо бороться, – говорил Матвею. – Семья может восстановиться, если супругу обратиться к церкви, если она пойдёт за тобой.

К тому времени Матвей уже исповедовался, причастился,

сына Тимофея покрестил, начал водить к причастию.

Рассказывал Матвею про матушку Анну. Советовал вместе с женой приехать к ней. Пусть уговорит жену, знаю не один пример, когда общение с матушкой становилось толчком к коренным переменам в человеке.

– На всё Божья воля, – говорил Матвею, – но ты даже не представляешь, как встреча с матушкой может изменить жизнь.

Был случай у матушки, откровенно гулящая молодая женщина опомнилась, вернулась к нормальной жизни, да не просто вернулась – стала женой священника. По молитвам матушки Анны, по своим молитвам.

– Господь может исправить всё, – втолковывал Матвею.

Сколько ни пытался Матвей убедить жену пойти в храм, смеялась в ответ и продолжала своё. В конце концов, Матвей оставил ей всё, забрал сына и ушёл к своим родителям.

К матушке Анне так и не съездили они.

Был момент, когда жена попыталась хитростью вернуться к Матвею. На стороне забеременела, после чего пришла к Матвею, дескать, я, дура такая-растакая, всё осознала, впредь буду делать, как считаешь нужным, ходить с тобой в церковь.

При этом про беременность ни слова.

Матвей страшно обрадовался, поверил, а когда открылась беременность, порвал с женой окончательно.

Тяжело ему, родители в преклонном возрасте, внук с ни-

ми. Матвей думал уйти из дальнебоев, чтобы Тимофей не оставался без отца надолго. Да в селе нормальной работы нет.

Как-то звонит:

– Сань, иду в Красноярск, вот вторую бутылку заканчиваю.

Сам за рулём. Время двенадцать ночи.

Начал убеждать его, чтобы съезжал потихоньку на обочину и ложился спать.

– Какой спать! К утру должен как штык! Хозяин ждёт.

– Ты ведь понимаешь, – говорю, – кто тебе помогает прикончить вторую бутылку. У тебя сын. Не дай Бог, с тобой что случится, кто его растить будет? Хозяину скажешь – сломался в дороге, потому опоздал.

– Сын – да! Тима – чудо...

Язык заплетается. Явно нельзя ехать дальше.

Кое-как уговорил его остановиться.

Минут через десять Матвей позвонил, сказал, что остановился и лёг спать.

Глава двадцать первая

Бари

Перед майскими праздниками подходит ко мне дизайнер Катя Сажина и предлагает съездить в Италию на выставку. В Милане ежегодно проводится огромная выставка мебели, раз в два года посвящена исключительно кухням. 2008-й был как раз «кухонный».

Катя начинала в нашем салоне дизайнером. Быстро выросла. Её хорошо знали в головной фирме в Москве и ценили. Не один раз ездила в столицу на учёбу. Поднаторела и решила пойти в самостоятельное плавание. Средств не хватало, предложила мне выступить соучредителем, мы на пару открыли дизайн-студию по интерьеру. Заправляла делами Катя, я подключался, если кто-то хотел её развести. Были такие. Причём, люди вроде бы серьёзные. Жена одного спортсмена, чемпиона мира, затеяла судебную тяжбу, надеялась срубить денег по лёгкому. Пришлось вмешаться, притянуть хорошего адвоката и пресечь поползновения. Одним словом, крышевал. У меня были связи, немалый опыт в данной скользкой теме.

Два года с Катей мы соучредительствовали, потом уступил ей свою долю, не моё это. Она хорошо развернулась, ди-

зайн-студия сейчас в числе маститых в городе. Кроме этого виповский магазинчик у Кати. Хваткая женщина.

В ту весну я страшно вымотался, ехать в Милан не хотелось. Катя за границу ни разу не сподобилась съездить, одна не решалась. После Португалии мне, конечно, любая граница была нипочём.

– Александр Иванович, поехали, – просила, – ну, пожалуйста! Это ведь не прогуляться, для пользы дела.

То, что для пользы, не сомневался, но хоть убей – не было никакого желания мотаться по аэропортам, гостиницам. Катя настаивала. И вдруг меня осенило: Италия – это ведь Бари, мощи Николая Чудотворца.

– С одним условием, – говорю, – если предварительно заедем в Бари и поклонимся святителю Николаю Мирликийскому.

– Конечно, – Катя на всё согласна, – заедем!

Тогда не представлял, какое расстояние от Бари до Милана. Оно оказалось неблизким, едва не через всю Италию – час на самолёте.

В Милан Катя не зря рвалась, много та поездка дала ей, заметно пошла в гору. Заключила пару-тройку серьёзных договоров, наладила контакты с несколькими фирмами. На себе почувствовала пользу таких мероприятий, после чего начала посылать своих девчонок-дизайнеров в ту же Италию, Испанию.

Стоит отметить казусный факт. На выставке я выглядел,

как три тополя на Плющихе. В соответствии с прогнозом погоды взял с собой белый костюм. Недешёвый, надо сказать, костюмчик. Не в секунд-хенд покупал. На мне отлично сидел. На выставке ни единого человека в белом. Строгий стиль – мужчины в синем, чёрном...

Кроме белого костюма, был ещё один пассаж. Выставка необъятная, неохватная, просто огромная. Мизерная вероятность знакомого встретить. Заходим в первый зал, слышу: – Александр Иванович, здравствуй.

Оборачиваюсь, наш генеральный директор, он же владелец головной фирмы с сестрой, та занималась шкафами, креслами.

Понятно, что у него созрело в голове: ага, ушлый омич тайком от него что-то затевает, вместе с дизайнером Катей. Они не знали, что Катя уже в салоне не работает.

Формально ко мне докопаться нельзя было. Уезжая в Милан, отправил в головной офис заявление на отпуск – неделя у меня как раз оставалась. Командировочные расходы от нашей с Катей дизайн-студии.

Скажу честно, почувствовал себя школяром, застуканным родителями за неприглядным занятием – тащил из буфета конфеты, от него спрятанные. Невразумительное что-то промямлил генеральному. Тот с серьёзным видом покивал головой, будто моё присутствие на выставке рядовой факт. Больше с ним не сталкивались в Милане.

Но до выставки были в Бари. Прилетели туда во второй

половине дня, в гостинице разместились. Катя предложила в первый вечер просто погулять, храм отложить на следующий день.

Для меня никаких вариантов не существовало.

– Катя, – говорю, – это не обсуждается – только храм!

Нас предупредили, у итальянцев есть небезобидное развлечение – мотоциклисты вырывают сумочки у прохожих. Пролетает впритык с тобой и одним движением лишают туриста-ротозея барсетки, сумки, дамской сумочки. Само собой, не ради молодецкой забавы, безвозвратно.

Я ухо остро на улице держал. Катю вёл, чтобы между ней и возможным мотоциклистом-циркачом самому находиться.

Не предоставил возможность байкерам нас обворовать. Зато другие специалисты нашлись. Не в этот вечер.

На церковь святого Николая вышли не сразу. Нам сказали, что она в старом городе. Пошли пешком, это довольно далеко от гостиницы. Храмов в старом городе много. Португальский и итальянский пусть в чём-то и схожи, но мой португальский не такого уровня, чтобы беседу вести. С трудом, но нашли. Храм непривычной для нашего глаза архитектуры – базилика. Один главный вход был закрыт, мы попали сначала в верхний храм. Смотрю, а где рака с мощами? На фотографиях, что видел, другой интерьер. Спросил, оказывается, есть ещё подвальное помещение – крипта. Спустились – вот они мощи. Справа от них католический придел был, слева – православный. Народу никого. Хорошо.

Катя минут десять походила, шепчет:

– Александр Иванович, пойду а? Погуляю.

Предупредил, чтобы не ротозейничала, сумку крепко при себе держала на случай ушлых мотоциклистов.

Мы прилетели в Бари двадцатого мая, на следующий день, говорили, православный батюшка должен был вечером служить под праздник весеннего Николы. Предлагали остаться, но надо было на выставку.

Что удивило – рака с мощами отделена решёткой. Конкретной, массивной решёткой. Не приложиться к раке, не постоять на коленях рядом с мощами. Только когда литургия служится, после неё открывают и можно приложиться.

Помню, владыка, митрополит Феодосий, рассказывая в духовном училище о паломничестве в Бари, возмутился, что Николая Угодника за решётку поместили.

– Как заключённого держат, – не мог владыка согласиться с такой постановкой вопроса в отношении великого святого.

Связано «заключение» с вороватостью потомков великих ромеев. Не только сумочки на улицах выхватывают. Поэтому церковные власти мощи святителя от греха подальше за решётку упрятали. Крестonosцы в своё время не побоялись Божьей кары, плюс к материальным ценностям, награбленным в Византии, прихватили с собой в Европу мощи Николая Чудотворца. Но Божьим Промыслом дальше Бари увезти не смогли. С тех средневековых пор воровства меньше не стало, исключать нельзя появление охотников ещё раз умык-

нуть святыню.

Я оставался в церкви до самого закрытия. Стоял, молился. Просил у Николая Чудотворца молитв к Богу. Просил его помощи.

На следующее утро поднялся пораньше и снова отправился к Николаю Угоднику. Уезжали во второй половине дня, хотел подольше побыть рядом с мощами чудотворца.

Катя отправилась по магазинам.

– Катя, – пытался вразумить её, – ты что до Милана не можешь потерпеть? Там магазинов куда больше. Купишь, что надо. Тут святой из святых – Николай Чудотворец! Когда ещё сподобит Господь попасть в Бари! Используй Богом данный случай!

Не уговорил. Сказала, мол, ей одного раза достаточно. Вчера ведь посмотрела церковь, что ещё?

Она искренне считала себя верующей.

– Меня в детстве крестили? Крестили! – говорила уверенно. – Крестик ношу? Ношу.

Тут же добавляла:

– Почти всегда.

Могла снять, если не гармонировал с бусами или другой бижутерией.

С гордостью сообщала, что из настоящих старообрядцев. Насколько понял, на бабушке всё старообрядчество семьи закончилось. Мама в церковь не ходила, Катя тоже. И всё же хочется верить: придёт её время. Уже хорошо, с уважением

относится к церкви.

Пытался её вразумлять, хотя удавалось не очень. Имел место следующий случай в период открытия дизайн-студии. Купили мы трёхкомнатную квартиру в центре города, по Катиному проекту интерьер оформили, денег не пожалели. Стильно получилось. Катя летала от радости и первая предложила:

– Надо батюшку пригласить, помещение освятить.

Договорился с отцом Николаем. С ним я учился в духовном училище, он не один раз был у нас в салоне. Освящал его, было дело – соборовал Катиного отца. Того в шестьдесят три года парализовало. Мы были хорошо знакомы. Два раза в год я устраивал для нашего предприятия выезды за город – зимой и летом. Тайком от головной фирмы. Одного человека оставлял в салоне на телефоне. На случай звонка из Москвы была заготовлена легенда: в помещении отключено электричество на весь день, директор всех отпустил. Летом мы, «отключив электричество», ездили на озера Данилово или Линёво, зимой – в какой-нибудь дом отдыха. За счёт фирмы. Работникам разрешалось брать родственников, с последних брали по пятьдесят процентов стоимости путёвки. Катя ездила с отцом и матерью. Так с ними познакомился. Отец, известный в городе художник, воцерковлённым не был, однако на отдыхе заводил со мной разговоры о Боге. Думаю, поживи ещё, обратился бы к Господу...

Когда с батюшкой Николаем пришли его соборовать, он

так обрадовался:

– О, мои ангелы приехали, мои ангелы приехали.

Несколько раз повторил «мои ангелы».

Измощённый перенесённым ударом лежал, но я был уверен – выкарабкается. Люди старше его переживают по два-три инсульта. Парализован был на левую сторону, правая рука слабая, медленно и старательно накладывал ею на себя крест. Хотел, жить...

– Мы ещё повоюем, – сказал на прощанье...

Через две недели после соборования Катя звонит: «Папа умер».

Отец Николай отпевал.

Приехав освящать дизайн-студию, отец Николай первым делом поставил две иконки в красном углу – Спасителя и Богородицу. После освящения Катя накрыла стол. Чай, фрукты. В едином стиле сервировка – заварной чайник, чашечки, ваза. Всё продумано. Красиво, что там говорить.

Батюшка, прежде чем к чаю приступить, икону Божьей Матери в свой кофр положил, на икону Спасителя показал:

– Это подарок вашему салону.

Катя счастливая, горела созданием салона, каждую деталь оформления на десять раз продумала. То и дело бегала ко мне советоваться. Скажу:

– Катя, ну какой из меня советчик? У тебя вон какая голова светлая да умная, а я что?

– Как же, Александр Иванович, это же наше совместное

дело.

Сбылась её давняя мечта, салон готов, чин освящение совершён.

Батюшка Николай дарит икону Спасителя.

Катя спрашивает:

– А это кто?

Отец Николай удивлённо мотнул головой:

– Не понял? Вы о ком?

– Ну, какой святой?

Я готов был сквозь землю провалиться.

– Катя, – говорю, – это Иисус Христос.

Такая наша Катя, поэтому в Бари магазины для неё представляли более живой интерес, чем Николай Чудотворец, его мощи.

Купила очки, кошелёк, сумочку. Спрашивала меня:

– Правда, стильные вещи?

В её вкусе сомнений никогда не было. Из себя не красавица. Зато до мельчайших деталей всё продумано: макияж, платья, кофточки, юбочки, шляпки. Сама шьёт, поэтому одежда исключительно эксклюзивная. Эффектно всегда смотрится. Окончила институт сервиса. Они там все эксклюзивные. Однажды смотрю, сканирует фото из семейного альбома. Институтский раздел переводит в цифру. Меня любопытство взяло, начал смотреть, и попал на свадебные фото, кого-то из однокашниц замуж выдают.

– Это что, – спрашиваю, – ряженые? Второй день сва-

дъбы?

– Александр Иванович, вы как скажете. Какие ряженные? Это мы в загсе.

Понятно, все из себя модельеры, все портнихи, все выпендрёжницы.

– Катя, – говорю, – а вот интересно, как бы твои сокурсницы выглядели, если бы ряженными нарядились на второй день?

Что говорить, с Катей отлично работалось. Везло мне в жизни на интересных и хороших людей.

Утром в церкви святителя Николая службы не было. Молился я долго, не постыжусь – до мокроты в глазах. Был вымотан своими проблемами, связью с Мариной, от которой устал и которую не мог преодолеть, разорвать, прекратить. На какое-то время замирал, уткнувшись в пол лбом, и твердил про себя одно: «Помоги! Помоги! Помоги!»

В отель вернулся к обеду. Катя разбирала покупки.

В Бари купили с ней чемоданы с замочками. Маленькие навесные замочки. Откуда нам знать, что аэропортовские работники багаж пассажиров чистят на раз, не в смысле – тряпочками протирают, а запускают в него шаловливые руки. Тем паче замочки на чемоданах – одно название. Про итальянских мотоциклистов, которые лихо сумки у прохожих выхватывают, предупредили, о багажных воришках ни слова никто не сказал. На Катином чемодане замочек открыли и всё, что сверху лежало, она как раз сверху разместила, что в

Бари приобрела – очки стильные, кошелёк, сумочку – умыкнули. Ничего из Бари не привезла. Вот так.

Твёрдо верю: Николай Угодник услышал меня. Был у него девятнадцатого и двадцатого мая, накануне Николе летнего, после этого зов к Марине, тяга, которую не мог преодолеть более десяти лет, стали угасать. Несколько раз встречались после Бари, больше по инерции. Приходило осознание – мы совершенно разные люди, по взглядам, устремлениям. Чужой по духу человек. Как можно так напиться, что в течение десяти лет не протрезветь?

На Николу Зимнего, девятнадцатого декабря, окончательно созрел и отрубил – всё!

Накануне увидел маму во сне. Ругала за связь с Мариной, за семейный разлад, а в окончании сказал: «Так будет до пенсии».

Что до пенсии, не понял. Епитимия? Скорби? Что-то помешало расслышать последнюю мамину фразу.

Марину просто забыл. Будто не со мной было.

Если вдуматься, столько лет, столько сил бездарно потрачено. Насколько силён враг, если ты слаб, не просвещён, ориентирован на прихоти тела, идёшь по пути удовольствий, и даже не стараешься совладать с собой, включить голову.

Что теперь говорить. После Бари многое стало меняться. Безболезненно отпали какие-то друзья, знакомые (не счастье их было!), даже родственники, с кем когда-то было интересно общаться, сидеть за одним столом. Сейчас из друзей огра-

ничился только братьями во Христе.

Выше рассказывал, как привёз из Бари батюшке Савве миро с мощей Николая угодника. Он при мне сразу всю бутылочку выпил. С рук и лица рожа после этого сошла, на ноге, оставалась до самой батюшкиной смерти.

Глава двадцать вторая

Смерть батюшки

Двадцать четвёртого декабря у батюшки был день рождения, юбилей – девяносто лет. Поздно вечером, раньше не получилось, поехал к нему с поздравлением, по дороге купил букет цветов – девять шикарных хризантем. Получилось согласно пословице: поспешишь – людей насмешишь. Перед светофором в меня въехала «Нива». До батюшкиного дома оставалось рукой подать – километра два... И вот – вызывай комиссаров, жди... За час явно не управиться. Без того времени в обрез, только-только успевал к батюшке – дальше будет поздно, ему отдыхать надо.

Посмотрел на результат столкновения. Вмятина заметная. Парень из «Нивы» с ноги на ногу переминается. Молодой, лет двадцать с виду, понимает – виноват, и ничего тут не попишешь.

– Ладно, – говорю, – некогда мне. Впредь будь внимательнее.

Парень обрадовался, тоже куда-то торопился.

Нас, духовных чад, собралось у батюшки в тот день человек двадцать. Заполнили его домик под завязку. Батюшка говорил мало, запомнилось его наставление: «Молитесь

вместе, трудитесь, держитесь друг друга, ересям не поддавайтесь». Ещё попросил тридцатого декабря, в воскресенье, приехать в Красный яр в церковь, где он продолжал быть настоятелем, хотя служил там в последнее время редко. Тяжело ему было.

Тридцатого декабря на литургию в Красный яр собралось нас как никогда много. Работать ездили человек пять-шесть, больше и не надо было, в праздники человек пятнадцать-двадцать набиралось, здесь восемь машин полностью заполненных приехало.

Батюшка отслужил литургию, после неё пили в трапезной чай. За окнами щедро светило солнце.

Батюшка выглядел уставшим, молча смотрел на нас и улыбался. Его не беспокоили вопросами и расспросами. Понимали – не тот момент. Улыбка солнечная, всех на свете любящая. Седая борода, седые длинные волосы...

Вместе с нами уехал в Омск, а на следующий день – тридцать первого декабря – его увезли на «скорой» – сердце.

Второго января я заехал к отцу Валерию, мы направились в больницу – причастить батюшку, по возможности пособоровать. Отец Валерий мне накануне позвонил и сказал, надо съездить.

В больнице преградила путь дежурный врач. Женщина лет пятидесяти, грозная и решительная!

– Ни в коем случае не пушу! Вы что? Даже и не думайте! Слушать не хочу! Предынфарктное состояние.

– Как это нельзя, – говорю, – мы причастить его приехали, пособоровать!

– Тем более! – встала стеной. – Старый человек, девяносто лет, увидит священника, его кондрашка хватит! Что я не знаю наших пациентов! Подумает всё, кранты – отпевать приехали.

– Да вы что? – вознегодовал я. – Видано ли такое: священник испугается священника! Батюшка ждёт его! Понимаете, ждёт причастия. Для него выше этого нет ничего на свете!

Наверное, был я убедителен в своём порыве. Доктор после короткого раздумья сказала:

– Хорошо, священник на пять минут пусть зайдёт.

И уточнила:

– Один. Вас не пропускаю!

Отец Валерий не более пяти минут находился в палате, с широкой улыбкой вышел.

Я к нему:

– Причастили?

– Нет.

У самого вид, будто великой радостью поделились с ним только что.

– Захожу, – начал рассказывать, – батюшка весь светится. От него передалось это настроение. Просто счастливый. Достая дарохранительницу, говорит: «Не надо причащать, я только что покушал. В пятницу меня выпишут, а в субботу священники ко мне придут».

Возвращались домой в прекрасном настроении, как же – батюшку выписывают через два дня, значит – всё хорошо, идёт на поправку.

Боялись за него. Ещё летом чувствовал себя бодро, в последние месяцы заметно сдал, начал быстро уставать.

Не совсем понятна была батюшкина фраза: «В субботу священники придут».

Зачем? Поздравить с днём рождения?.. День в день не успели, он решил их в субботу собрать у себя.

Спросил у отца Валерия, что за священников батюшка ждёт в субботу? Отец Валерий пожал плечами:

– Сам он ничего конкретного не сказал, я уточнять не стал.

Умер батюшка в пятницу, а в субботу в морг пришли священники облачать его.

Похоронили батюшку на сельском кладбище. Как он и просил, рядом с первой женой Аннушкой, той, тело которой вёз он дождливым летним днём из больницы домой. Шестьдесят лет ждала его Аннушка.

Над могилой батюшки я дал себе слово не брить бороду. До этого несколько раз отпускал её, убирал. Когда ходил с бородой, жена ворчала, не нравился ей в этом обличье. «Ты как извозчик!» – говорила в сердцах.

У гроба батюшки решил – как православный мужчина должен носить бороду.

На похоронах батюшки было светло и печально. А со

смертью батюшки жизнь моя поделилась на три части: до батюшки, с батюшкой, после батюшки.

Глава двадцать третья

Ариане

Против показа рок-оперы «Иисус Христос – суперзвезда» мы, батюшкины чада, организовались, помня его завет противостоять ересям.

Как же не ересь, если Господь Иисус Христос не Бог, а человек, предатель Иуда хороший парняга, святая равноапостольная Магдалина – гулящая девица, запавшая на Иисуса Христа, восплававшая к нему страстью. Далекое не безобидная крошка на фоне талантливой музыки.

Порыскав по интернету, сразу поняли, современные ариане хорошо обставились, прикрывшись мнением нескольких влиятельных госмужей. Те высказались, дескать, всё хоккей, либретто соответствует евангельскому сюжету, каноны не нарушены, бить тревогу не след. Перед нами шедевр, несущий в массы доброе, светлое, вечное. Вкушайте.

На Первом Вселенском соборе в Никее в 325 году святитель Николай Мирликийский вознегодовал до белого каления, пошёл на вопиющее в священнической среде действие – дал по физиономии Арию за то, что тот насаждал ересь – проповедуя человеческую сущность Иисуса Христа.

Мы по его примеру тоже решили ввязаться в бой с ариа-

нами. Силы пусть не равны... Тогда мы даже не знали, насколько не равны, насколько арианам сверх принципиально тащить свою линию, используя самую тяжёлую артиллерию, самые высокие авторитеты. До президента дело в конечном итоге дошло. Казалось бы, ну опера, какая бы она ни была раскрученная, по идее – частное дело. Нет, это не про ежа, чижа и кролика, здесь Иисус Христос на кону. Апостол Павел в Первом послании коринфянам писал: «Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша...»

Не равны были силы, да молчать – предавать Бога.

Оперу в своё время отменили в Гомеле, Могилёве, Минске. Против неё протестовали в Ростове-на-Дону, Липецке, Ставрополе. В России нигде не удалось отменить. Ариане и иже с ними не дали.

Владыка благословил нашу инициативную группу на акцию. Начали собирать по приходам подписи на отмену рок-оперы. Чем больше собрать – тем лучше, да времени в обрез, всего две недели. Поздно мы засучили рукава.

Не все батюшки одинаково реагировали, кто-то с амвона призвал прихожан подключиться к протесту. Наши помощники тут как тут с подписными листами. Человек к кресту подходил после проповеди, а затем голос свой отдавал против рок-оперы. Некоторые батюшки отмолчались, были и такие, кто в штыки воспринял. Дескать, мутите прихожан всякой ерундой, занимались бы лучше делом. Не благословили

собирать подписи на своих приходах. Единичные случаи, но имели место.

Наметили целый ряд протестных действий, чтобы всколыхнуть общественность во славу Божью. Подготовили обращение губернатору, в прокуратуру, в министерство культуры.

Опыт приходит во время еды, а мы впервые ввязались в подобную акцию и пролетели с митингом. Как бы телевизионщики не мудрили с подачей, всё одно что-то проскочило бы в эфир. Во всяком случае, трудно замолчать масштабность мероприятия, если митингующие в картинке. Не два три фанатика, как нас пытались представить. Прихожане из разных храмов должны были подойти, батюшкины чада, казаки, спортсмены. Сотни три-четыре планировали набрать.

Хотели устроить митинг за час до спектакля и прямо перед концертным залом. Элементарно просчитались. Четвёртого ноября красный день календаря – День народного единства, мы его впопыхах, отсчитывая срок подачи заявки, записали в рабочие – понедельник ведь.

Принесли в мэрию заявление-уведомление, а нам от ворот поворот: на день раньше следовало заказывать митинг на нужное нам число. Не то слово, как обидно было. По ситуации понимали, спектакль, навряд ли, отменят, но хотя бы митинг провести в противовес арианам.

Были, кто говорил: а давайте всё равно проведём. Хлопнем дверью со всей силы, чтобы штукатурка посыпалась.

Получилось бы: поезд ушёл, дымок растаял, мы вышли кулаками после драки махать.

Просчитавшись с митингом, решили сделать хотя бы несколько одиночных пикетов с плакатами. С ними не надо подавать заявление, согласовывать с органами. Хотя имеются нюансы на грамотное проведение. Формула элементарная: стоять стой, но держи язык за зубами. Умные и опытные люди подсказали, надёжнее стоять молча: открыл рот, и единичный пикет превращается в несанкционированный митинг. Нарушителя можно хватать под белые руки и тащить в отделение.

Первоначально решили задействовать все подходы к концертному залу. Насчитали семь точек. Размечтались на каждой поставить человека с плакатом, обличающим антихристианскую сущность рок-оперы. Однако отсечь пикетами все тропинки не случилось по юридической темноте. Опыт приходит во время еды. Сделали семь плакатов, в последний момент узнали – они не должны дублировать друг друга. У нас было два разнящихся между собой текста. Я взял с одним, Гена Ралкин – с другим. Он встал поблизости от служебного входа таким образом, чтобы его лицезрели артисты рок-оперисты и зрители, путь коих пролегал с этой стороны. Недолго Генина обличительная музыка играла, его быстренько нагнали, так как мой и его плакаты были близки по смыслу, а должны отличаться.

Из всех пикетчиков остался я один. Расположился у вы-

сокого крыльца концертного зала с плакатом, гласящим: «Православные христиане против кощунственной рок-оперы “Иисус Христос – суперзвезда”». Плакат на деревянном шесте, суммарная высота метра два с половиной. На асфальт свободный конец шеста поставил, рукой держу, демонстрирую своё мнение мимо проходящим гражданам.

Минуты не простоял, два охранника сбегают с крыльца и на меня буром:

– Так, дядя, попу в горсть и дуй отсюда по тихому! Приличные люди пойдут на концерт, а ты торчишь посреди дороги, как бревно в проруби.

Не смолчал бы, имей возможность разговаривать, однако в соответствии с установкой в интеллигентный разговор ввязываться не стал.

Ребята были хоть и крупные, но рыхлые, начни они распускать руки, легко совладал бы с обоими.

Один, жуя жвачку, говорит:

– Что ты как язык проглотил? Муму что ли? Сказано ведь: мелкими шагами куда подалее линяй с культурного горизонта.

Второй:

– Да это бомж, ему денег дали, он и рад из кожи вон лезть за пару сотен на бутылку!

Седая борода и здесь сыграла не в плюс моему имиджу.

Подошёл мужчина, прочитал плакат.

Возмутился, но надо сказать, корректно.

– Это же мировой шедевр! – начал доказывать. – Вы бы послушали сначала, а то сразу клеймить!

Сколько раз я в тот день пожалел, что с митингом оплошала. На митинге можно было поговорить с таким человеком, объяснить шедевральность рок-оперы. Вместо этого приходилось стоять с бесстрастным лицом, сдерживая себя.

Появился майор полиции, с ним женщина в гражданском.

Охранники увидели майора, оживились:

– Уберите его, мешается тут.

Работа майора понравилась – чётко, грамотно, тактично.

Охранников попросил помолчать и отойти в сторону.

Те с неохотой на пару шагов отступили.

Офицер представился, спросил:

– Это ваше личное мнение?

– Да, – говорю.

– Извините, можно ваши документы.

Посмотрел, записал фамилию, имя, отчество, вернул и попросил разрешение сфотографировать меня.

– Пожалуйста, – говорю.

Женщина сняла меня на смартфон. Майор задал последний вопрос:

– Вы знакомы с законом?

– Да, – отвечаю, – я стою один, это моё личное мнение.

Майор повернулся к охранникам, которые продолжали что-то бубнить в мой адрес.

– Он закон не нарушает, имеет право здесь стоять, отой-

дите от него.

По разному люди реагировали. Кто-то просто смотрел, пожимал плечами, кто-то пытался вызвать на разговор.

Когда я вёл вежливый диалог с майором, недалеко остановился мужчина примерно моего возраста, подождал, пока останусь один, по-свойски спросил:

– Слушай, брат, извини, ничего против твоего мнения не имею, но объясни дураку, почему кощунственная? Я в английском слабак, ничего не понимаю, но музыка отличная, когда-то заслушивался ею, могу любую арию напеть. Хочешь?

Был бы митинг, я бы сказал, что в красивую обёртку завёрнут яд.

– Не будешь говорить? – спросил, глядя в глаза. – Нельзя что ли?

Его оттеснили журналисты. Подъехала машина, из неё вышли один с камерой, корреспонденточка сунула мне под нос лицо микрофон.

Стою с непроницаемым лицом. Только и удалось поснимать меня «немого», затем пошли узнавать мнение о нашей акции у любителей оперы. Заклеймить «православных маргиналов» в очередной раз.

Вдруг чудо в перьях подскочило. В короткой шубке, простоволосая, на голове какой-то фейерверк, то ли начёс, то ли ещё что-то. Лет тридцать пять. Наэлектризованная, визгливый голос. Как чумная.

Возможно, была провокация, хотели, чтобы я ввязался. Она, как оказалось, и к Гене Ралкину, второму пикетчику, цеплялась, до того, как его нагнали.

– А вы сами-то слушали оперу? – заблажила. – Сами-то смотрели, дураки поганые!

Натуральную пургу понесла. «Дураки» было самое безобидное.

– Да у вас культурный уровень ниже плинтуса, а туда же со своим с хрю-хрю в калашный ряд!

Напылила, напылила и куда-то унырнула. Возможно, даже не в зал.

Была ещё картинка. Подъехало такси, остановилось в метрах пяти от меня... Для себя решил: дети купили билеты в подарок маме. Возможно, интересовалась церковными вопросами. Крупная, грузная, лет шестидесяти пяти женщина. В шубе. С ней молодые мужчина и женщина. Мужчина помог выйти маме или тёще из машины. Причём, они опаздывали. Основная масса зрителей находилась в зале. У женщины радость на лице, праздничное настроение и вдруг увидела плакат. Мгновенно выражение лица изменилось на недоумение – «не может быть!» Она идёт смотреть «Иисуса Христа», а православные против! Как так? Почему опера про Христа вдруг «кошунственная»?

У женщины, как говорит мой сын, файлы разъехались.

Остановилась, ко мне подалась, узнать: в чём тут дело? А молодые торопят, тянут за собой «пошли, пошли, опаздыва-

ем». Увели.

Надо отметить, поодаль от меня находились наши ребята, подстраховывали на случай, если что-то пойдёт не так, к примеру, полиция начнёт вязаться. Они рассказывали, были и такие зрители, сначала заходили в Казачий собор, ставили свечки, а потом шли на рок-оперу.

Перед самым началом спектакля, уже сумерки сгустились, ступеньки в концертный зал опустели, вдруг за рукоять моего плаката чья-то рука ухватилась.

Поворачиваю голову, бабушка – ну, поистине Божий одуванчик, на голову ниже меня и тихо так говорит:

– Я с вами!

Решительным тоном, дескать, до последнего патрона готова биться за веру православную.

Вот когда еле-еле удержался, чтобы не нарушить одиночный пикет. Хотелось поклониться бабушке в ноги, сказать слова благодарности.

Показ оперы состоялся, ариане вдоволь позлорадствовали над нами через СМИ. Дескать, люди с улицы (читай – маргиналы), с недостаточным интеллектом, с подростковой психологией пытались помешать прозвучать классике, но ничего не вышло. Между строк читалось – и не выйдёт никогда.

Были у нас лихие казачки, предлагали одного такого интервьюируемого высечь. Высечь и на видео записать. Хулиганство, конечно. Был прецедент, в девяностые годы казачки однажды подобную акцию провели в отношении не очень

далёкого, но ретивого товарища. Резонанс был. До суда дело дошло, который потерпевший проиграл. Адвокат хорошо сработал.

После проведения рок-оперы ариане бросили в наш огород немало уничижительных камешков, а через год для закрепления победы снова замутили показ рок-оперу в Омске. Развесили афиши по всему городу.

«Надо было всё-таки высечь кого-нибудь для острастки, – сетовали всё те же горячие казачьи головы, – зря отказались в прошлом году. Подумали бы нынче, прежде чем согласие давать. Кому ещё захочется отведать казацкой нагайки, да с показом по интернету твоих нежных мест».

На этот раз мы включились в работу за месяц до спектакля, сразу, как только появились афиши. С благословения митрополита.

Пошли по всем направлениям. Набрали без малого четыре тысячи подписей против показа рок-оперы. Разослали заявления во все инстанции.

Не без партизанщины работали. Баннер, три на шесть на улице Маршала Жукова с рекламой спектакля висел. Ух, как руки у молодых ребят чесались сдёрнуть. Планы рисовали: подлететь на газельке, мигом лестницу поставить и сорвать. Дело минутное, да место со всех сторон обозреваемое, и под прицелом видеокамер. Зато по афишам на щитах хорошо работали. Не везде, к сожалению, на весь город рук не хватало. Проконсультировались у юриста-политолога. Объяснил, что

за афишу ничего предъявить не смогут: копейки стоит. Рублей десять, а то и меньше. Нужна для привлечения, как он сказал, цена хотя бы старого сотового телефона, какая-нибудь тысяча.

С афишей, было дело, я опростоволосился – за руку схватили. Сорвал, скомкал, бросаю в урну, откуда ни возьмись молоденький лейтенант полиции. Вроде бы действовал по законам конспирации: – во все стороны предварительно посмотрел. Он как в засаде сидел.

– Зачем вы это сделали? – спрашивает.

– Вы же, – говорю, – знаете, что Иисус Христос – это Бог.

– Конечно.

– А Иуда кто?

– Предатель.

– Правильно, в опере из Бога человека сделали, Иуда вообще удалец-молодец, можно памятник при жизни ставить. Я лично не могу с этим согласиться.

– Какую только хрень у нас не показывают.

– Поэтому и срываю.

– Ладно, – говорит, – будем считать, я ничего не видел.

Где срывали афиши, где закрашивали. Поначалу расклейщики работали по обычной технологии – с тыльной стороны слева-справа мазанут и на стенд. Запросто можно сорвать, особенно, если дождик или снег сырой. А тут как раз осенняя слякотность подошла – конец сентября, октябрь. Ещё до Покрова снег начал падать, причём обильный. Через день да

каждый. Мокрую афишу легко срывать. Подцепил за краешек, секунды и готово. Расклейщикам дали команду клеить намертво. Они всю площадь афиши стали намазывать. Если афишный щит с козырьком (дождь, мокрый снег не попадают) – ни за что не сорвёшь. На этот случай молодёжь ходила с баллончиками и «нейтрализовала» краской.

Однажды с расклейщиком был инцидент. Смотрю, мужчина, в возрасте, лет семьдесят, возится с афишей. Не рок-оперы. В старенькую курточку одет, на голове вязанная шапочка.

Спросил его спокойным голосом:

– У вас афиши рок-оперы есть?

– Есть! – недовольным тоном ответил.

И полез на рожон:

– Ты сам-то не из тех придурков, кто срывает афиши? Хожу за больными на голову, переклеиваю.

Повода грубить не давал ему, а когда на меня ни с того ни с чего наезжают, заводжусь с пол-оборота... Смирение не моя добродетель.

Я перешёл на «ты»:

– Ты не понимаешь, с чем связался, что пропагандируешь? Болеть ведь будешь!

Дед из себя крепкий, повыше меня ростом.

– Мне семьдесят два года, – сказал с вызовом. – До моего доживёшь, посмотрим, что из тебя будет! А я хоть на пенсии, да по улицам не болтаюсь, на лавочке не сижу, дополнитель-

ную копейку зарабатываю!

Выпалил это и на мой внешний вид перешёл:

– Ты на себя давно смотрел в зеркало?!

И этому моя борода не понравилась. Борода как борода, пусть не пижонская, пусть лопатой. Наполовину седая, но ведь не мальчик я институтского возраста. Мужик.

– Ты же будешь наказан, – бросил ему. – Каждому из нас перед Богом ответ за всё придётся держать! А ты с теми, кто против него!

Сказал, резко развернулся и пошёл прочь.

Метров через пятьдесят охолонулся: а ведь неправильно поступил. Даже не попытался объяснить человеку, сразу «болеть будешь», какой знаток воли Божьей выискался. Зашагал обратно, расклейщик всё также был у щита. По лицу вижу – не в себе.

– Вы меня извините, – попросил я прощения. – Наехал, как с горы. Извините, ради Бога за несдержанность.

– Это вы меня простите, я первым грубить начал.

И пяти минут не прошло, всё на 180 градусов изменилось.

Спрашивает:

– Вы мне скажите, что мне делать? Это моя работа, на пенсию нашу разве проживёшь. Как мне быть?

– Вы, – говорю, – Николая Чудотворца знаете?

– У нас икона его имеется.

– Так вот в 325 году на Первом Вселенском Соборе в Никее Николай вlepил Арию пощёчину за ересь, которую тот

нёс, что Иисус Христос не Бог, а такая же тварь, как мы с вами. Не сдержался святитель Никола, врезал по физиономии еретику. И те, кто продвигает эту оперу, о том же пекутся – внедрить по тихому в голову тёмному люду, что никакой Иисус Христос не Бог, не Спаситель, грешный человек, как мы с вами, дескать, он и с женщинами якшался. Арий подвёл учение под это, а здесь шоу развлекательное на данную тему. Есть ещё книжка «Код да Винчи», из этой же серии, там вообще у Христа с Мариной Магдалиной дочечка была.

Расклейщик внимательно выслушал.

– Вы скажите, что мне делать?

– Каждый, – говорю, – должен поступать по совести.

– Я могу заклеить другими афишами, но вдруг начнут проверять. Спросят: почему на твоём участке нет рок-оперы?

Говорит и тут же находит выход:

– Скажу, нет больше афиш. Все поклеил. Остатки сожгу на даче. Скажу – сорвали.

– Вы меня выслушали, – говорю, – спасибо за понимание, а там поступайте, как считаете нужным.

Распрощались. И только дома осенило – почему не спросил его имя. Надо ведь помолиться за хорошего человека.

Вечером прошёлся по улице. Ни одной афиши рок-оперы. Все заклеены. Сдержал слово. Безымянно помолился за расклейщика, Господь, знает его имя.

Ух, ариане всполошились на события в Омске. Вдруг зво-

нок, европейское информационное агентство давай наследать, что у нас и почему? Казалось бы, заштатный Омск, две тысячи километров до Москвы. Ну, показали в этой глуши оперу или не показали и тёмными остались сибирские лапти, какая разница. Это даже не капля в море. Ладно, местные газеты на жареное клюнули. А западным – своих сплетен не хватает?

Хватать-то им хватает, да налицо прецедент. Эти самые «лапти», эти самые «русские медведи», которые в девяностые годы всякую западную и замороженную шнягу на ура принимали, вдруг стали носом крутить. В Новосибирске общественность поднялась против оперы «Тангейзер» в антихристианской подаче, оперу Министерство культуры запретило, директора театра сняли. Омск второй год бодается с рок-оперой. В других городах общественность стала проявлять недовольство на приезд театра с этим шедевром, а Сибирь становится центром противостояния ереси.

Нас умные люди сразу предупредили: никаких интервью ни под каким соусом не давать – с ног на головёнку акулы пера и объектива всё поставят, из ваших слов наделают такой крошки, что сами себя не узнаете. Там где скажете «чёрный», будет «белый», а где «белый» – вообще туши свет.

Дальше больше в нашей буче кипучей. Отголоски от неё дошли до Кремля и президента. Собрал президент представителей культуры на разговор, ему одним из первых вопросов от представителей, дескать, что за самочинье в Омске

развели: подняли руку на свободу слова художника – вводят цензуру.

Президент сделал вид, что ничего не знает, начал вопрошающих допытывать: как так запретили? Кто это сделал? Почему? В ответ тык-мык и сплошной туман.

Игра, конечно, была интересной, особенно, если не знать всей подоплёки. Президент на следующий день шлёт в Сибирь вопрос: по какой такой причине запретили оперу? Ему в ответ скупое, но с красноречивыми цифрами: дак билетов всего ничего продали, чуть более сорока. О чём, дескать, после этого сыр-бор и разговор. Кто за такие деньги поедет за тысячу вёрст киселя хлебать, когда на самый жиденский не хватает.

То есть, вся буча кипучая о запрете «классики» не имеет под собой никакой почвы. Никто ничего не запрещал, никто «кирпич» не вывешивал на пути локомотива «мирового искусства».

Ни слова не сказали президенту в официальном ответе о четырёх тысячах подписей православных христиан, собранных с требованием запрета показа рок-оперы. Умолчали про имевшую место подготовку протестного митинга. Не озвучили факт отправки письма в высокие инстанции области от ряда статусных людей Омска, ратующих за нравственность в искусстве, которое было написано на волне противостояния верующих спектаклю «Иисус Христос – суперзвезда». Всё это скромно оставили за рамками ответа президенту.

Незнающий человек так и понял: пожар по поводу цензуры в Омске, раздутый арианами, на самом деле выеденного яйца не стоит. Всего-навсего подсчитали устроители спектакля количество проданных билетов, прослезились и развели руками: извиняйте, товарищи артисты, не хотят вас в Омске видеть, слушать, бить в ладоши от вашего творчества. Такие, мол, пирожки с котятами, их едят – они глядят.

Глава двадцать четвёртая

Период скорбей

Мы не один раз сойдёмся с Александром в офисе с берёзами за окном, на которых листва будет держаться очень долго. Часть опадёт осенью, другую даже тридцатиградусные морозы, что нагрянут в десятых числах ноября, не заставят оторваться от ветвей. Деревья в парках, скверах будут смотреться неправдоподобно – по колено в сугробах, зима выдастся рекордно щедрой на снег, и в шапках листы. Пусть не ярко-золотой, как в октябре (золото поблекнет), но отнюдь не жухлой. Не один раз закружат метели, оттепели сменятся морозами, но листва будет стойко держаться даже в декабре и январе.

При подготовке к очередному разговору с Александром я исписывал два-три листа вопросами. Одним из вопросов в последнюю нашу встречу был о скорбях настоящего времени, о которых вскользь упомянул Александр накануне, сказав, что переживает период скорбей.

– Рассказывал вам, – начнёт пояснять Александр, – в год, когда ездил к Николаю Чудотворцу в Бари, увидел во сне маму. Сильно ругала. Потом вдруг говорит: «До пенсии». Что «до пенсии» не расслышал. Решил – скорби имела в виду.

Тогда мне было сорок семь лет. Оставалось до пенсии тринадцать. Через два года после сна с мамой развалилось московское предприятие. Я остался без работы. Найти нормально оплачиваемую, постоянную по сей день не получается. Кто-то отказывает, кивая на моё директорское прошлое – «начальников своих хватает, работники нужны». Боятся, начну права качать по старой памяти. Знакомые звали на завод, где начинал трудовую деятельность и дошёл до начальника отдела, предлагали неплохую должность, пусть небольшую, но стабильную зарплату. Но я отказник – отказался от ИНН. Не могу сказать Господу: Ты потерпи, я на время обратно возьму ИНН, всего-то пенсию заработать, а как только шестьдесят стукнет – снова откажусь.

– Ситуация непростая, – продолжил рассказ, – денег приношу домой мало. Перебиваюсь случайными заработками. Тёща болеет, нужны дорогостоящие лекарства. Со всех сторон напрягают долги. Два кредита не погашены. Жена отдалась от меня. Ладно бы только от меня. Года три не ходит в церковь – не исповедуется, не причащается. Борода моя не нравится. Заявила, пока не сбрею, не будет со мной общаться. Говорю: «Исповедуйся, причастись. Поезжай потом к матушке Анне, скажи про бороду. Если матушка даст команду сбрить – сбрею, без проблем, несмотря на то, что у могилы батюшки Саввы дал себе слово не бриться». Жена в ответ: «Ты мне, пожалуйста, условия не ставь!» Глядя на неё и дочь держится со мной на расстоянии. С сыновьями нормальные

отношения, с дочерью – разлад. Кстати, две недели назад был у матушки Анны. Объяснил ситуацию, спросил про бороду: «Сбрить?» – «Нет, – сказала, – не надо». Вот так. Батюшка Савва наказывал: живите по вере, не изменяйте Богу. Стараюсь, но с близкими не получается. Не подумайте, я в унынии, нет, вовсе нет. Верю – должно со временем наладиться. Надо больше молиться... К жене отношение ровное, без скачков, всплесков эмоций. Это чувство пришло после Бари. И разум, и сердце в согласии. Не осуждаю, не иду на конфликты, знаю, она самый родной человек, ближе никого не будет. Как раньше было, родитель благословил, вот тебе жена, любовь придёт... Понятно, на жену тоже идёт воздействие...

– Враг мстит через ближних, – вставил я в разговор свою лепту.

– Ещё как... Побольнее норовит. Мстит, что не хочу служить ему, наоборот...

В это время ожил сотовый Александра. Звонил бывший его сотрудник, у того сын уезжал в Москву, отец обеспокоился, как молитвенно помогать ему.

Александр объяснил, надо заказывать молебны, сорокоусты. И самому исповедоваться, причащаться.

«Ты сам очищаешься и ребёнку помогаешь», – сказал в трубку.

Окончив разговор, пряча сотовый в карман, широко улыбаясь, произнёс:

– У бабушки Августины имелась присказка на внуков

вольничанье, бросала в сердцах: «Говоришь вам, говоришь, все слова как об стенку горох!» Получается, мои разговоры на оперативках не горохом об стенку. Шесть лет, как нет предприятия, а помнят. Лёша Попов звонил, электриком у меня работал. Ему не один раз повторял: «Раз фамилия Попов, значит, в вашем роду кто-то был дьяконом или священником». Расплывётся в улыбке. Спокойный, как удав. Однажды попал в жуткую аварию, и всего-то ребро сломал. Выскочил на встречу и врезался на полном ходу лоб в лоб в «уазик». Показывал фото искорёженной машины. Чудом остался жив. Машина восстановлению не подлежит. «Лёха, – говорю, – за тебя кто-то из Поповых молится. Обязательно закажи благодарственный молебен». Не удосужился. А сейчас сын уезжает в Москву на заработки, Лёша и забеспокоился, как поддерживать чадо с Божьей помощью.

Закипел электрический чайник, Александр достал два бокала, положил разовую заварку, залил кипятком. Продолжил рассказ о бывшем сотруднике:

– Катя, Лёшина жена, тоже у меня работала, полы мыла, ту после инфаркта проняло. До этого некрещёной ходила и не хотела креститься: «Это ответственный шаг, мне надо созреть». «Созрела», когда на краю побывала. Вместе с дизайнером Викой Переваловой, своей племянницей, сговорились креститься. Вика до кучи ещё и подружку позвала. Целая компания. И я одного крещаемого подогнал к ним. Можно сказать, на дороге подобрал. Крестились в храме в

честь священномученика Сильвестра, это на Левобережье. На такси поехал поддержать. Путь неблизкий, разговорился с водителем. Мужчина примерно моего возраста. Кто о чём – лысый о расчёске, я – о церкви. Так и так, говорю, еду в храм, сотрудицы крестятся. И надо быстрее – опаздываю. Таксист спрашивает: «А мне можно? Давно собираюсь...» – «Не только можно, – говорю, – при твоей-то работе нужно!» – «А как я без крёстного?», – забеспокоился. «Зачем тебе крёстный, – говорю, – в твоём-то неюношеском возрасте». Настоятеля церкви знал по духовному училищу, попросил, чтобы без подготовительных бесед окрестил таксиста, не то так и будет гонять по нашим аварийным дорогам без креста на шее. Выходим из храма, таксист торжественно распахнул дверцы машины: «В честь крещения всех развожу по домам бесплатно». Преподнёс новоиспечённым сестрам во Христе транспортный подарок.

Я подошёл с чашкой к окну. Две берёзки, что росли под стенами здания, порядком облетели, на двух других, едва не половина листвы держалась на ветках. То ли лучше защищены от ветра, или жизненных сил оказалось поболее... Подумалось: может, берёзы надумали провести эксперимент, свести на одних ветках вчера и сегодня – прошлогоднюю листву, и ту, что выстрелит весной, свести, дабы посмотреть, как будет выглядеть необычный наряд?

До календарной весны был ещё месяц с хвостиком, и всё же она чувствовалась по солнечной наполненности дня. Жи-

ма больше не умаляла его световые границы, не съедала их, наоборот властно расширялись, вбирая в себя ослепительные солнечные лучи, начинающие пригревать ближе к обеду.

В завершении последнего с Александром разговора, собирая со стола листочки с вопросами, на которые прозвучали ответы, заверил собеседника, что «подставлять» его не собираюсь, действую, как вышивальщица, которая прячет от чужих глаз на своей картине концы нитей. «Узелочки» повествования упрячу, дабы дотошные читатели не стали дёргать за них, искать прямых аналогий, параллелей. Читатель любит задаваться вопросом: «с кого сие списано?»

– Сильно не заморачивайтесь, – улыбнувшись в бороду, сказал Александр. – Ну и что, если кто узнает какие-то моменты. Обязательно найдутся, тут хоть Парменом или Ардалионом героя назови. Это не беда. Читая о святых, понимаешь – не были они ангелами во всей своей жизни. Нет. Что уж говорить о нас многогрешных. Но ведь у каждого из православных есть чему поучиться. Знаю по себе: чужой опыт, будь он отрицательный или положительный, полезен тому, кто пусть редко, но всё же думает о своём спасении.

Мы распрощались с Александром на остановке. По-христиански обнялись, троекратно коснувшись щеками, точнее – я щекой, Александр – густой бородой.

Я ехал в маршрутке и думал, вот ещё один человек доверил историю своей жизни. Преобразуясь, переплавляясь, начнёт она ложиться на бумагу, волновать, тревожить, радо-

вать, печалить и обогащать... В первую очередь – меня...